

ISSN 0131 – 2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2018

Визит В.В. Путина в КНР
и саммит ШОС

Мальдивский кризис в отношениях
Китая и Индии

Гендерная политика КНДР

Интернационализация высшего
образования в РК

Александр Невский и Китай

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2018

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Л.С. Переломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики	4
Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества.....	12

ПОЛИТИКА

<i>Е.И. Сафронова.</i> Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии.....	23
<i>С.В. Уянаев.</i> Формат РИК в год 20-летия «инициативы Примакова»: к итогам 16-й трехсторонней академической конференции.....	31
<i>А.В. Куприянов.</i> Мальдивский кризис в китайско-индийских отношениях: причины и последствия	38
<i>В.Е. Петровский.</i> Контур безопасности для Большого евразийского партнерства.....	49

ЭКОНОМИКА

<i>В.А. Матвеев.</i> Переоценка роли центральноазиатских ресурсов в современной энергетической стратегии Китая	55
--	----

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>М.Г. Евтодьева.</i> Новый этап военно-технического сотрудничества России и Китая	68
---	----

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Ю.В. Магдалинская.</i> Правовые основы деятельности институциональных инвесторов в России, Китае и США	79
<i>Н.Н. Ким.</i> Эволюция гендерной политики в КНДР	90

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Л.И. Кондрашова.</i> Китай строит свой социализм	102
<i>К.А. Санин.</i> История и культура в китайской инициативе «Один пояс, один путь»	115

ИСТОРИЯ

<i>В.Л. Бронников.</i> Китай и Александр Невский: по следам загадочной экспедиции 1261 г.	126
<i>А.Л. Верченко.</i> Советско-китайское сотрудничество в архитектуре и строительстве в Китае в 1950-е годы	135

КУЛЬТУРА

О.И. Завьялова. Инновационные технологии в языковой политике Китая.....145

ОБРАЗОВАНИЕ

Т.С. Мозоль. Интернационализация высшего образования Республики
Корея: от Пак Чон Хи до Пак Кын Хе.....149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.Ю. Демидо. «Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК». Ежегодная
научная конференция Центра политических исследований и прогнозов
ИДВ РАН.....159

Е.И. Крапина. Научная конференция Центра социально-экономических
исследований Китая ИДВ РАН166

А.Е. Лукьянов. Диалог китайской и русской культур. Международная
конференция, март 2018 г., Сычуаньский университет, г. Чэнду171

РЕЦЕНЗИИ

А.К. Камалов. Хафизова К. Диалог цивилизаций на Шелковом пути
(исторические сюжеты).....176

А.В. Ломанов. История Китая с древнейших времен до начала XXI века.
Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009).....182

Contents186

Summary.....188

17 2/12

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики

8 июня 2018 года

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина 8 июня 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин посетил Китайскую Народную Республику с государственным визитом. Главы государств провели переговоры в Пекине, посетили Тяньцзинь, а также 9–10 июня 2018 г. приняли участие в 18-м заседании Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Циндао.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, заявляют о нижеследующем.

I

В результате многолетних совместных усилий Сторон российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия трансформировались в комплекс взаимоотношений между крупными государствами, характеризующийся богатым содержанием и ярко выраженной стратегической значимостью. Такие взаимоотношения вносят существенный вклад в стимулирование собственного развития и процветания обеих стран, а также в дело защиты мира и стабильности во всем мире. Российско-китайские отношения строятся на принципах глубокого взаимного доверия в политической области, взаимного уважения, равенства, поддержки и учета коренных интересов друг друга, уважения суверенитета, территориальной целостности и выбора пути развития другой Стороны, невмешательства во внутренние дела друг друга, дендеологизированности, строгого соблюдения международного права. Непоколебимо стремление двух государств и их народов неуклонно укреплять дружбу, передаваемую из поколения в поколение, и развивать взаимовыгодное сотрудничество. Это придаст мощный импульс здоровому и стабильному развитию двусторонних отношений. Стороны подтверждают готовность продолжать рассматривать российско-китайские отношения в качестве одного из ключевых приоритетов своей внешней политики, совместно прилагать усилия, направленные на вывод отношений между двумя странами на новый, еще более высокий уровень.

Стороны подчеркивают, что Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. — концептуальная основа российско-китайских отношений на современном этапе и на длительную перспективу. Стороны высоко оценивают благоприятную, дружественную атмосферу в районе российско-китайской границы, ставшей на всем своем протяже-

нии поясом мира и многопланового сотрудничества, что позволяет обеспечивать стабильное, поступательное развитие двусторонних отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

Стороны выражают настрой на наращивание и углубление сотрудничества по всем направлениям и в этих целях будут развивать стратегический доверительный диалог на высшем и высоком уровне, продолжать совершенствовать механизмы двустороннего межправительственного, межпарламентского, межпартийного, межведомственного и межрегионального сотрудничества.

Стороны подчеркивают, что плотные контакты глав государств являются показателем высокого уровня двусторонних отношений, и настроены продолжать практику взаимных визитов на высшем уровне и встреч лидеров стран на полях различных международных форумов.

Россия и Китай отмечают высокую результативность регулярных встреч глав правительств и проводящихся в рамках подготовки к ним заседаний пяти межправительственных комиссий на уровне вице-премьеров, а также соответствующих подкомиссий и рабочих групп, и намерены прилагать усилия по дальнейшему развитию этого механизма и повышению его практической отдачи.

Россия и Китай высоко оценивают сотрудничество между Администрацией Президента Российской Федерации и Канцелярией Центрального комитета Коммунистической партии Китая и поддерживают регулярные обмены между ними и их подразделениями в рамках соответствующего протокола о сотрудничестве для обеспечения высокого качества подготовки регулярных контактов лидеров двух государств и выполнения договоренностей, достигнутых на высшем уровне.

В условиях нарастающей в мире нестабильности и неопределенности Стороны продолжают углублять консультации по вопросам стратегической безопасности, поддерживать интенсивный диалог между министерствами иностранных дел, наращивать двустороннюю координацию на профильных международных площадках.

Стороны будут в полной мере использовать механизмы сотрудничества в правоохранительной сфере и сфере безопасности, укреплять взаимодействие на этих направлениях, сообща отстаивать безопасность и стабильность двух государств.

Россия и Китай намерены и далее наращивать стратегические контакты и координацию между вооруженными силами двух стран, совершенствовать существующие механизмы военного сотрудничества, расширять взаимодействие в сфере практического военного и военно-технического сотрудничества, сообща противостоять вызовам глобальной и региональной безопасности.

II

Стороны уверены, что российско-китайское сотрудничество в практических областях вносит существенный вклад в упрочение фундамента отношений между Россией и Китаем. Они отмечают заметные позитивные сдвиги по многим направлениям такого сотрудничества, включая неуклонный рост двустороннего товарооборота и улучшение его структуры, реализацию крупных совместных проектов, в том числе в высокотехнологичных отраслях, непрерывное расширение сотрудничества в научно-технической сфере, в области образования, здравоохранения, средств массовой информации, спорта, культуры и туризма, а также контактов между гражданами двух стран.

По договоренности глав двух государств начато проведение Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества, которые запланированы на 2018–2019 годы. Этот новый масштабный совместный проект, продолжающий практику тематических годов, призван укрепить взаимовыгодные связи между субъектами Российской Федерации, провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения Китайской

Народной Республики. В его рамках намечено проведение сотен различных мероприятий: инвестиционных презентаций, торговых, промышленных и сельскохозяйственных выставок, конференций, творческих фестивалей, ознакомительных поездок. Кроме того, площадками для активных контактов между представителями регионов наших стран являются Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум, Российско-Китайское ЭКСПО.

Стороны подчеркивают необходимость продолжать совместную работу по обеспечению подлинно всеобъемлющего характера практического сотрудничества, в связи с чем, в частности, достигли согласия о реализации следующих задач:

1) закрепление тенденции роста российско-китайского товарооборота, дальнейшее улучшение его структуры, углубление сотрудничества в области торговли услугами, поддержка развития трансграничной электронной торговли, поиск новых точек роста и форм взаимодействия в области торгово-экономического сотрудничества;

2) дальнейшее углубление российско-китайского инвестиционного сотрудничества; максимальное использование потенциала Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству для комплексной координации профильного взаимодействия; наращивание усилий, направленных на гармонизацию стратегий, программ и мер по развитию национальных экономик и отдельных отраслей; создание благоприятной внешней среды для предприятий России и Китая; совместное продвижение крупных проектов в соответствии с принципами субъектности компаний, ориентации на рынок, работы на коммерческой основе и следования международным практикам; непрерывное расширение масштабов и повышение уровня российско-китайского инвестиционного сотрудничества;

3) дальнейшее укрепление российско-китайского сотрудничества в финансовой сфере, содействие увеличению доли национальных валют в торговых расчетах, инвестициях и финансировании, развитие сотрудничества в таких областях, как платежные системы и страхование;

4) уплотнение сотрудничества в рамках многосторонних институтов развития, включая Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, для привлечения финансирования в строительство и модернизацию объектов инфраструктуры на территориях двух стран;

5) дальнейшее укрепление сотрудничества в области бухгалтерского учета и аудита, создание благоприятных условий для трансграничного выпуска долговых облигаций, активное содействие взаимному признанию бухгалтерского учета и аудита;

6) углубление взаимодействия в нефтегазовой, угольной, электроэнергетической сферах, а также в области возобновляемых источников энергии, энергетического оборудования и энергоэффективности, перепрофилирования ресурсоориентированных городов;

7) продолжение сотрудничества в области мирного использования атомной энергии на основе принятого главами правительств Сторон совместного заявления, принципов взаимной выгоды и баланса интересов;

8) продвижение кооперации в промышленности и сфере высоких технологий с акцентом на реализацию крупных совместных проектов, построение устойчивых производственных цепочек;

9) углубление взаимодействия в рамках Программы развития сотрудничества в области космической деятельности между Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос» и Китайской национальной космической администрацией на 2018–2022 годы, совместное продвижение сотрудничества в космической сфере в рамках БРИКС;

10) наращивание совместных усилий по охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, предупреждение и сокращение числа правонарушений

в данной сфере, дальнейшее улучшение инновационной среды для изобретателей и пользователей систем интеллектуальной собственности обеих стран;

11) обмен информацией в сфере защиты прав потребителей, укрепление контактов и сотрудничества между ответственными ведомствами Сторон в деятельности на этом направлении;

12) поддержание интенсивных научно-технических контактов в приоритетных областях науки и техники при участии университетов, исследовательских организаций и компаний России и Китая, включая реализацию совместных научно-исследовательских проектов;

13) углубление взаимовыгодного сотрудничества в инновационных областях с максимальным использованием механизма российско-китайского диалога по инновациям;

14) расширение двусторонних связей в области информационных и телекоммуникационных технологий, а также цифровой экономики, повышение уровня взаимосвязанности информационной и коммуникационной инфраструктуры, укрепление сотрудничества в области регулирования орбитально-частотного ресурса: развитие информационного пространства, укрепление доверия в сфере сетевой безопасности;

15) углубление кооперации в сельском хозяйстве, последовательное открытие друг другу рынков для взаимного доступа сельскохозяйственной продукции, активизация сотрудничества в сфере инспекции и карантина для обеспечения ветеринарной и фитосанитарной безопасности, а также безопасности продуктов питания; поощрение и поддержка участия предприятий в проводимых в двух странах различных аграрных ярмарочно-выставочных мероприятиях и форумах, активное содействие продвижению практического сотрудничества в таких сферах, как инвестиции в сельское хозяйство, торговля сельскохозяйственной продукцией и ее переработка, рыбное хозяйство, аграрная наука и техника; совместная разработка плана развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе России и в Северо-Восточном Китае;

16) создание новой и модернизация имеющейся трансграничной транспортной инфраструктуры, содействие формированию благоприятных условий для ускорения таможенного оформления, увеличение объема транзитных перевозок из Китая через Россию, развитие международных транспортных маршрутов и коридоров, проходящих через территории двух стран;

17) укрепление российско-китайского сотрудничества в Арктике в интересах ее устойчивого развития, включая оказание поддержки развитию взаимодействия между заинтересованными ведомствами, органами и предприятиями двух стран, в частности в таких сферах, как проведение научных исследований, реализация совместных инфраструктурных транспортных и энергетических проектов, освоение и использование потенциала Северного морского пути, туризм и экология;

18) повышение уровня и качества взаимодействия в сфере предупреждения стихийных бедствий и при чрезвычайных ситуациях, в том числе в ликвидации последствий природных бедствий и техногенных катастроф;

19) продолжение работы по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Одного пояса, одного пути», в том числе путем взаимодействия в реализации подписанного 17 мая 2018 г. в Астане Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Китайской Народной Республикой с другой стороны; проработка вопросов создания Евразийского партнерства на основе принципов открытости, транспарентности и взаимного учета интересов в целях продвижения интеграционных процессов в регионе.

Стороны приветствуют подписание Совместного заявления о завершении совместного технико-экономического обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве и рассчитывают на скорейший прогресс в дальнейшей работе по Соглашению;

20) поддержание контактов и взаимодействия по вопросам охраны окружающей среды и экологии, в первую очередь на приграничных территориях России и Китая;

21) содействие дальнейшему расширению гуманитарных контактов, вывод их на качественно новый уровень, упрочение социальной базы двусторонних отношений, углубление взаимопонимания и дружбы между народами двух государств; реализация Плана действий по развитию российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере;

22) продвижение сотрудничества в сферах образования, культуры, здравоохранения, спорта, кинематографии, средств массовой информации, туризма, молодежной политики и в области архивов, координация практического взаимодействия в этих областях;

23) повышение доли межрегионального взаимодействия в общем объеме торгово-экономического, научно-технического, гуманитарного и иного взаимодействия между двумя странами, активизация соответствующей работы в рамках Межправительственной Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики. Совета по межрегиональному сотрудничеству регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики;

24) создание благоприятных условий для продолжения развития взаимных обменов, оказание всесторонней поддержки деятельности по повышению качества и безопасности туристических услуг;

25) продолжение усилий, направленных на скорейшую передачу Сторонами друг другу земельных участков под строительство консульских учреждений в рамках реализации двустороннего межправительственного соглашения по генеральным консульствам в Санкт-Петербурге и Шанхае, скорейшее открытие Генерального консульства Российской Федерации в Харбине и начало полноформатной деятельности Генерального консульства Китайской Народной Республики в Казани;

26) активизация контактов и сотрудничества двух стран в таких сферах, как деятельность общественных организаций, социальная помощь, пенсионное обслуживание, социальное обеспечение, благоустройство жилых микрорайонов.

Китайская сторона приглашает Российскую сторону принять активное участие в первой Китайской международной ярмарке импортных товаров, что создаст новые возможности для развития двусторонней торговли.

Стороны поддерживают скорейшее проведение российско-китайского форума по сотрудничеству в области энергетики для обсуждения мер по углублению конкретно-взаимодействия в энергетике между двумя странами.

Стороны выражают уверенность, что открывающийся через несколько дней в России чемпионат мира по футболу станет всемирным праздником спорта, фестивалем дружбы между спортсменами всех континентов, и полагают, что международные спортивные соревнования и мероприятия не должны страдать от влияния неспортивных факторов.

Россия готова оказывать Китаю необходимую поддержку в подготовке к зимним Олимпийским играм 2022 года в Пекине.

III

Российско-китайское партнерство является образцом современных межгосударственных отношений, а российско-китайское взаимодействие — существенным фактором поддержания стратегического баланса и стабильности в мире в ситуации, когда международная обстановка характеризуется высоким конфликтным потенциалом, обострением геополитических противоречий, сжатием пространства для конструктивного взаимодействия и проявлениями экономического протекционизма.

Стороны выступают за то, чтобы твердо защищать мировой порядок и международную систему, в основании которых лежат цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций (ООН), продвигать международные отношения нового типа, базирующиеся на принципах взаимного уважения, справедливости и взаимовыгодного сотрудничества, и построение сообщества единой судьбы человечества, на основе равноправного участия всех стран в глобальном управлении, соблюдения международного права, обеспечения равной и неделимой безопасности, взаимного уважения и учета интересов друг друга, отказа от конфронтации и конфликтов способствовать формированию более справедливого и рационального полицентричного миропорядка.

В условиях сложной и изменчивой международной обстановки Россия и Китай продолжают наращивание двустороннего стратегического взаимодействия в международных делах, будут вести углубленное обсуждение широкого круга вопросов международной и региональной повестки дня, выводить двустороннюю координацию внешнеполитических ведомств двух стран и взаимную поддержку на мировой арене на качественно новый уровень.

В связи с этим Стороны будут:

1) придерживаться идеи многосторонности, отстаивать центральную роль ООН в глобальном управлении как наиболее универсальной, представительной и авторитетной международной организации;

2) в целях повышения эффективности функционирования ООН и ее Совета Безопасности в соответствии с Уставом ООН скоординированно поддерживать проведение необходимых и разумных реформ Организации и ее Совета Безопасности в целях лучшего выполнения Устава ООН; продолжать обсуждение этих реформ исключительно путем широких и демократических консультаций, без установления искусственных временных ограничений и навязывания незрелых проектов, искать «пакетное» решение, учитывающее интересы и озабоченности всех сторон; исходить из того, что реформа Совета Безопасности ООН должна в первую очередь расширить представительство и право голоса развивающихся стран, чтобы широкий круг малых и средних государств имел больше возможностей для участия в работе и в принятии решений Совета Безопасности на основе принципа ротации;

3) выступать за сохранение основной ответственности за укрепление международного мира и международной безопасности за Советом Безопасности ООН, противодействовать попыткам каких-либо государств проводить в одностороннем порядке военные действия без соответствующего мандата Совета Безопасности ООН либо без согласия законного правительства страны, на территории которой такие действия осуществляются;

4) принимать деятельное участие в формировании в региональном и глобальном масштабах архитектуры равной и неделимой безопасности, основанной на отказе от применения силы или угрозы применения силы, невмешательстве одного государства во внутренние и внешние дела другого государства, разрешении международных конфликтов сугубо политико-дипломатическими методами;

5) уделять особое внимание обеспечению глобального и регионального стратегического баланса и стабильности, в том числе с учетом того, что некоторые государства под предлогом так называемой «ракетной угрозы» в одностороннем порядке развивают системы противоракетной обороны и размещают их в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, тем самым нанося серьезный урон стратегическим интересам безопасности региональных государств, включая Россию и Китай, и негативно влияя на стратегическое равновесие, глобальную и региональную безопасность и стабильность;

6) учитывая возрастающую угрозу вывода оружия в космическое пространство, что способно подорвать стратегическую стабильность и нанести ущерб международной безопасности, и приветствуя принятую на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений

в космическом пространстве», продвигать разработку соответствующих правовых документов на основе обновленного российско-китайского проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов;

7) придавая должное значение теме «Космос как двигатель устойчивого развития», которая будет обсуждаться в ходе 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступать за то, чтобы деятельность Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях выстраивалась с перспективой на укрепление международного космического права, практики его применения и нормативного регулирования космической деятельности для обеспечения глобального управления такой деятельностью на истинно международной основе под эгидой ООН;

8) выступать за консолидацию усилий мирового сообщества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и другими традиционными и новыми вызовами и угрозами; подтверждать решимость России и Китая развивать контртеррористическое сотрудничество без его политизации и применения двойных стандартов, выступать за создание единого международного фронта противодействия терроризму; настаивать на том, что мировое сообщество должно укреплять центральную координирующую роль ООН и ее Совета Безопасности при строгом соблюдении Устава ООН, норм и принципов международного права, включая суверенное равенство государств и невмешательство в дела, по существу входящие в их внутреннюю компетенцию;

9) следуя двусторонним договоренностям, зафиксированным в Декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г., требовать от всех участников международных отношений всецело соблюдать нормы международного права, исходить из принципа равенства всех государств, не допускать практики использования силы или угрозы использования силы;

10) выступать против принятых в обход Совета Безопасности ООН односторонних экономических санкций, а также против шантажа и давления, нарушающих принципы справедливой и честной конкуренции и наносящих ущерб мировой экономике;

11) совместно принимать меры, направленные на обеспечение устойчивого роста мировой экономики и стабильности глобальной финансовой системы, содействие либерализации и созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций, противодействие однополярному устройству и протекционистским мерам в торговле в любых формах, сохранение и укрепление Всемирной торговой организации (ВТО) в качестве центральной системы многосторонней торговли, отстаивание и совершенствование в рамках ВТО недискриминационных многосторонних правил, отвечающих интересам всех сторон, обеспечение легальности и эффективности международных финансовых институтов, расширение представительства и наделение правом голоса в них развивающихся стран и экономик с формирующимися рынками, поддержку движущих сил реформирования международной валютно-финансовой системы;

12) сообща содействовать реализации резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и укреплению партнерства в деле глобального развития, поддерживать центральную роль ООН в реализации Повестки в глобальном масштабе, способствовать достижению позитивных результатов в реформе системы ООН в области развития, продолжать содействие совместному развитию экономик с формирующимися рынками и развивающихся стран;

13) укреплять глобальную энергетическую и продовольственную безопасность путем развития многостороннего и двустороннего сотрудничества;

14) уважать интересы друг друга в третьих странах, регионах мира, международных объединениях, а при пересечении интересов принимать меры по выходу на взаимо-

приемлемые решения путем сопряжения интересов друг друга в духе особого характера двусторонних отношений;

15) прилагать усилия по дальнейшему развитию региональных и международных объединений и форматов, в работе которых участвуют Россия и Китай, в первую очередь ШОС, БРИКС, РИК, ВАС, Группы двадцати, АТЭС; в этих целях наращивать двустороннее взаимодействие и координацию в рамках этих форумов;

16) способствовать углублению отношений стратегического партнерства в рамках БРИКС, совместно поддерживать Южноафриканскую Республику в проведении 10-й встречи лидеров БРИКС, содействовать позитивному старту второго «золотого десятилетия» сотрудничества в рамках Объединения, продолжать процесс сближения и сотрудничества с другими государствами с формирующимися рынками, развивающимися странами и их интеграционными объединениями через формат «БРИКС+»;

17) усилить координацию и практическое взаимодействие между двумя странами в процессах решения актуальных региональных проблем, в том числе:

- совместно выступать за необходимость сохранения территориальной целостности Сирии, уважения ее суверенитета, продвижения процесса мирного урегулирования внутри страны силами самих сирийцев при поддержке ООН и содействии женевской и астанинской площадок с учетом итогов Конгресса сирийского национального диалога, состоявшегося 30 января 2018 г. в Сочи; координировать планы и конкретные шаги России и Китая по обеспечению эффективного постконфликтного восстановления этой страны;

- продолжать координировать усилия по мирному комплексному решению проблем Корейского полуострова;

- осуществлять взаимодействие с другими странами региона по содействию внутриафганскому урегулированию и восстановлению Афганистана, не выпуская из виду задачу активизации борьбы с терроризмом и наркотрафиком в этой стране;

- в связи с вызывающим разочарование односторонним выходом США из договоренностей, зафиксированных в Совместном всеобъемлющем плане действий по иранской ядерной программе (СВПД), предпринимать все возможные усилия по сохранению СВПД, принимая во внимание принципиальную важность защиты интересов торгово-экономического сотрудничества всех государств с Ираном от односторонних экстерриториальных санкций.

* * *

Стороны заявляют о том, что продолжают углублять российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия по всем темам двусторонней повестки дня и настроены качественно повысить уровень координации и взаимной поддержки в международных делах. Они призывают остальные страны мира при выстраивании конструктивного диалога с Россией и Китаем по всем региональным и глобальным проблемам опираться на принципы неконфронтационности, взаимного уважения, равенства и соблюдения норм международного права.

Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества

10 июня 2018 года

Руководители государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) по итогам заседания Совета глав государств-членов в Циндао 10 июня 2018 года заявляют о следующем.

Динамично развивающийся мир в настоящее время переживает период крупных перемен и серьезной перенастройки, геополитический ландшафт становится разнообразным и многополярным, более тесными становятся связи между странами.

Одновременно усиливаются факторы нестабильности и неопределенности, ситуация в мировой экономике, несмотря на позитивные сдвиги, остается неустойчивой, процесс экономической глобализации сталкивается с ростом односторонних протекционистских мер и других вызовов в международной торговле, возрастают риски, связанные с обострением конфликтов в ряде регионов, резким ростом угроз терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности, эпидемий инфекционных заболеваний, климатических изменений. Противодействие этим глобальным вызовам требует срочной выработки коллективных и эффективных подходов мирового сообщества.

Следуя «шанхайскому духу», олицетворяющему взаимное доверие, равенство, взаимную выгоду, равноправие, взаимные консультации, уважение к многообразию культур, стремление к совместному развитию, в условиях фундаментальных изменений в мировых делах ШОС последовательно наращивает сотрудничество в сферах политики, безопасности, экономики, культурных и гуманитарных связей и выступает в качестве одного из влиятельных участников современной системы международных отношений.

ШОС, опираясь на добрососедство, дружбу и сотрудничество, взаимное уважение культурно-цивилизационного разнообразия и общественных ценностей государств-членов, доверительный диалог и конструктивное партнерство, демонстрирует пример тесного плодотворного взаимодействия в целях строительства более справедливого и сбалансированного миропорядка, основанного на равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, обеспечении интересов всех и каждого государства в соответствии с нормами и принципами международного права.

Государства-члены, подтверждая приверженность закрепленным в Хартии ШОС целям и задачам, опираясь на Стратегию развития ШОС до 2025 года, будут последовательно развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики, в том числе в финансовой, инвестиционной, транспортной, энергетической, сельскохозяйственной и других областях, а также гуманитарных связей, способствовать строительству международных отношений нового типа, воплощающих взаимное уважение, справедливость, равенство, взаимовыгодное сотрудничество, а также формированию общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества.

I

Государства-члены будут и впредь углублять многоплановое сотрудничество во имя мира, стабильности, развития и процветания на пространстве ШОС. В этой связи они, поддерживая усилия стран Центрально-Азиатского региона по активизации сотрудничества в политической, экономической, культурно-гуманитарной и других сферах, приветствуют итоги первой консультативной встречи глав государств Центральной Азии (г. Астана, 15 марта 2018 года).

Государства-члены отмечают новое качество и динамику, которые получает развитие сотрудничества в различных областях после вступления Республики Индии и Исламской Республики Пакистан в состав ШОС. Они намерены, опираясь на строгое соблюдение международных договоров и документов ШОС, совместно способствовать дальнейшему раскрытию потенциала Организации по всем направлениям ее деятельности.

Государства-члены подтверждают готовность на взаимовыгодной и равноправной основе наращивать сотрудничество с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС, расширять контакты и взаимодействие ШОС с ООН и ее профильными структурами, другими международными и региональными организациями.

II

Государства-члены выступают за неукоснительное соблюдение целей и принципов Устава ООН, прежде всего равенства и суверенитета государств, невмешательства в их внутренние дела, взаимного уважения территориальной целостности, нерушимости границ, ненападения, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой, а также других общепризнанных норм международного права, направленных на поддержание мира и безопасности, развитие сотрудничества между государствами, укрепление независимости, обеспечение права самим определять свою судьбу и пути политического, социально-экономического и культурного развития.

Они подтверждают решимость неукоснительно следовать положениям Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС (г. Бишкек, 16 августа 2007 года) в целях дальнейшего развития добрососедства и дружественных отношений в областях, представляющих взаимный интерес, в том числе превращения границ друг с другом в границы вечного мира и дружбы.

Государства-члены подтверждают свою твердую поддержку усилиям ООН как универсальной многосторонней организации в поддержании международного мира и безопасности, стимулировании глобального развития, продвижении и защите прав человека. Они выступают за упрочение ключевой роли Совета Безопасности ООН как главного органа, несущего в соответствии с Уставом ООН основную ответственность за сохранение международного мира и поддержание безопасности.

Государства-члены отметили намерения Кыргызской Республики и Республики Таджикистан выдвинуть свои кандидатуры в непостоянные члены Совета Безопасности ООН.

Государства-члены продолжают взаимодействовать в вопросах разоружения и контроля над вооружениями, мирного использования атомной энергии, политико-дипломатического урегулирования вызовов режимам нераспространения.

Государства-члены, являющиеся участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора, всестороннее сбалансированное продвижение всех зафиксированных в нем целей и принципов, укрепление глобального режима нераспространения ядерного оружия, продолжение процесса ядерного разоружения с учетом всей совокупности факторов, оказывающих влияние на международную стабильность, а также содействие равноправному взаимовыгодному сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях.

Государства-члены считают, что скорейшее вступление в силу Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии для всех подписавших его государств внесет значительный вклад в обеспечение региональной безопасности и укрепление глобального режима ядерного нераспространения.

Государства-члены подтверждают, что одностороннее и неограниченное наращивание отдельными странами или группами государств систем противоракетной обороны наносит ущерб международной безопасности и дестабилизирует обстановку в мире. Они считают недопустимым обеспечивать собственную безопасность за счет безопасности других государств.

Государства-члены констатируют важность сохранения космического пространства свободным от оружия, выражают поддержку осуществлению практических мер по предотвращению гонки вооружений в космосе. Они приветствуют принятие Комитетом по разоружению и международной безопасности Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве» и создание Группы правительственных экспертов в целях рассмотрения и выдвижения предложений по юридически обязывающему международному правовому документу по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, в том числе запрету на размещение оружия в космическом пространстве.

Государства-члены поддерживают усилия и инициативы, направленные на неукоснительное соблюдение Конвенции о запрещении химического оружия, повышение авторитета Организации по запрещению химического оружия, а также укрепление режима, предусмотренного Конвенцией о запрещении биологического и токсинного оружия.

Государства-члены резко осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях, считают необходимыми усилия по продвижению создания единого глобального анти-террористического фронта при центральной координирующей роли ООН, действующего на основе международного права, без политизации и двойных стандартов. Подтверждают ключевую роль государств и их компетентных органов в вопросах противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму на своей территории, а также профильного сотрудничества в рамках ШОС и международных форматов.

Государства-члены выступают за достижение консенсуса по вопросу о принятии Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма на основе Устава и других документов ООН. Подчеркивают важность осуществления комплексных мер по мирному урегулированию международных и региональных конфликтов, усилению противодействия терроризму и его идеологии, выявлению и устранению факторов и условий, способствующих терроризму и экстремизму, признавая, что не может быть никаких оправданий каким-либо актам терроризма и экстремизма. Они приветствуют инициативу Республики Казахстан по продвижению на площадке ООН Кодекса поведения по достижению мира, свободного от терроризма.

Государства-члены отмечают недопустимость вмешательства во внутренние дела государств под предлогом противодействия терроризму и экстремизму, а также неприемлемость использования террористических, экстремистских и радикальных группировок в корыстных целях.

Государства-члены констатируют необходимость эффективного выполнения требований профильных резолюций Совета Безопасности ООН, выступают за укрепление многостороннего сотрудничества в сфере противодействия любым формам финансирования и материально-технической подпитки терроризма, в том числе по выявлению физических и юридических лиц, вовлеченных в экономические отношения с террористами.

Государства-члены в связи со складывающейся ситуацией на Ближнем Востоке отмечают растущую угрозу от иностранных боевиков-террористов (ИБТ), которые возвращаются в страны исхода и находят пристанище в третьих странах для продолжения террористической и экстремистской деятельности на пространстве ШОС. Государства-

члены будут проводить работу по совершенствованию механизмов обмена информацией об этой категории лиц и их перемещениях, вводить более оперативные процедуры выдачи ИБТ в соответствии с национальным законодательством государств-членов ШОС, активизируют международное сотрудничество как на политическом уровне, так и по линии специальных служб.

Государства-члены приветствуют выдвинутую на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (г. Нью-Йорк, сентябрь 2017 года) инициативу Республики Узбекистан о принятии специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Просвещение и религиозная толерантность».

Государства-члены подтверждают особую роль Региональной антитеррористической структуры ШОС в совместной борьбе с «тремя силами зла» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — в целях обеспечения региональной безопасности и будут наращивать потенциал сотрудничества компетентных органов на этих направлениях. Учитывая возрастающие масштабы и взаимосвязанность вызовов безопасности, они отметили важность дальнейшего совершенствования деятельности РАТС ШОС, в том числе рассмотрения вопроса об организации системы мониторинга возможных угроз в глобальном информационном пространстве и противодействия им.

Приоритетное внимание будет уделено реализации Программы сотрудничества государств — членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019–2021 гг. Признано важным ускорить вступление в силу Конвенции ШОС по противодействию экстремизму (г. Астана, 9 июня 2017 года).

Государства-члены высоко оценили итоги Международной конференции по вопросам противодействия терроризму и экстремизму (г. Душанбе, 3–4 мая 2018 года), ставшей важной платформой для взаимодействия сторон по указанным направлениям.

Государства-члены продолжат проведение регулярных совместных антитеррористических учений, в том числе военных антитеррористических учений «Мирная миссия». Они и далее будут расширять сотрудничество в области обороны и безопасности, взаимодействие по вопросам обеспечения безопасности крупных мероприятий, а также по подготовке кадров в целях повышения потенциала вооружённых сил и компетентных органов сторон.

Государства-члены, подтверждая озабоченность в связи с опасностью попадания оружия массового уничтожения в распоряжение террористических группировок, выступают за укрепление международно-правовой базы противодействия этой угрозе и поддерживают инициативу о разработке международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма на Конференции по разоружению.

Государства-члены будут укреплять взаимодействие в борьбе с распространением и пропагандой террористической идеологии посредством сети Интернет, включая публичное оправдание терроризма, вербовку членов в ряды террористических группировок, подстрекательство к совершению террористических актов и их финансирование, обучение способам совершения террористических актов с использованием сети Интернет. Они дали высокую оценку проведенным в 2017 году в Китае антитеррористическим учениям по противодействию использованию сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях «Сямэнь-2017».

Государства-члены отметили важность объединения усилий международного сообщества в вопросах противодействия попыткам вовлечения молодежи в деятельность террористических, сепаратистских и экстремистских группировок. В этой связи они приняли Совместное обращение к молодежи, в котором подчеркнули намерение наладить комплексную работу в ШОС по просвещению, а также духовному и нравственному воспитанию молодого поколения.

Государства-члены выражают озабоченность усилением угроз, вызванных ростом производства, торговли и злоупотребления наркотическими средствами, использова-

нием доходов от незаконного оборота наркотиков как одного из источников финансирования терроризма. Они подчеркивают необходимость выработки совместного и сбалансированного подхода в вопросах противодействия незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров, в том числе через сеть Интернет.

В этой связи государства-члены отметили принятие на саммите Антинаркотической стратегии ШОС на 2018–2023 гг. и Программы действий по ее выполнению, а также Концепции ШОС по профилактике злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами.

Государства-члены подтверждают приверженность действующей международной системе борьбы с незаконным оборотом наркотиков на основе норм и принципов международного права, а также соответствующих конвенций ООН и документов ШОС. В данном контексте они дали позитивную оценку проведению совместного мероприятия ШОС и Управления ООН по наркотикам и преступности «ООН и ШОС в борьбе против наркотиков: новые угрозы, совместные действия» (г. Вена, 12 марта 2018 года).

Государства-члены подтвердили готовность продолжать совершенствование механизма сотрудничества в рамках ШОС по борьбе с незаконным оборотом наркотиков на уровне руководителей компетентных органов, старших должностных лиц и экспертных рабочих групп, проводить на регулярной основе совместные операции по пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, предпринимать эффективные меры по предотвращению распространения синтетических наркотиков, новых психоактивных веществ. Отмечены итоги Совещания руководителей компетентных органов государств-членов, наделенных полномочиями по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (г. Тяньцзинь, 17 мая 2018 года).

Государства-члены намерены в рамках Соглашения о сотрудничестве и взаимодействии государств — членов ШОС по пограничным вопросам (г. Уфа, 10 июля 2015 года) продолжать обмен информацией о лицах, причастных к террористической деятельности, и совместное расследование террористических преступлений транснационального характера посредством эффективного пограничного контроля в целях предотвращения деятельности и перемещения через границу иностранных террористов и террористических групп.

Государства-члены призывают международное сообщество прилагать усилия к созданию мирного, безопасного, открытого и основанного на сотрудничестве упорядоченного информационного пространства. Они подчеркивают центральную роль ООН в выработке универсальных международных норм, правил и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве, считая необходимым создать в рамках ООН на основе справедливого географического распределения рабочих механизмов с целью выработки норм, правил и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве и их формализации путем принятия соответствующей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Государства-члены исходят из необходимости равного участия всех государств в развитии и управлении интернетом. Управленческая структура ключевых ресурсов интернета должна быть интернациональной, более представительной и демократичной.

Государства-члены будут и впредь на основе Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (г. Екатеринбург, 16 июня 2009 года) активизировать практическое сотрудничество по совместному противодействию угрозам и вызовам в информационном пространстве, в том числе углублять международное сотрудничество в борьбе с вредоносным использованием ИКТ, в частности в террористических и криминальных целях, а также призывают разработать под эгидой ООН международный правовой документ по вопросам борьбы с использованием ИКТ в преступных целях.

Государства-члены отмечают, что коррупция во всех ее проявлениях, являясь угрозой национальной и региональной безопасности, приводит к снижению эффективности государственного управления, негативно влияет на инвестиционную привлекательность и сдерживает поступательное социально-экономическое развитие. Они выступают за дальнейшее развитие международного сотрудничества в сфере антикоррупционной деятельности, в том числе посредством обмена опытом и информацией.

Государства-члены подтверждают намерение развивать практическое взаимодействие в сфере права и юстиции, судебной-экспертной деятельности путем выработки согласованных подходов по обмену опытом, методикой проведения видов судебных экспертиз, повышению квалификации судебных экспертов. Они выступают за формирование договорно-правовой базы в рамках ШОС по вопросам оказания правовой помощи гражданам и юридическим лицам по гражданским, в том числе торговым, и уголовным делам путем заключения соответствующей конвенции ШОС, предусматривающей также возможность участия в ней государств-наблюдателей при условии принятия всех обязательств по конвенции.

Государства-члены считают важным активизировать контакты и сотрудничество по линии законодательных органов и политических партий, наладить обмен опытом в области государственного управления и развития.

Государства-члены высоко оценивают практику направления миссий ШОС для наблюдения за президентскими, парламентскими выборами и референдумами.

III

Государства-члены выступают за политико-дипломатическое урегулирование конфликтных ситуаций в различных регионах мира в рамках основополагающих норм и принципов международного права в интересах всеобщей безопасности и стабильности.

Государства-члены поддерживают усилия правительства и народа Исламской Республики Афганистан, направленные на обеспечение безопасности, экономическое развитие страны, противостояние терроризму, экстремизму и наркопреступности. Они считают, что установление мира и стабильности в Афганистане, его экономическое восстановление будут способствовать безопасности и устойчивому развитию региона в целом. Государства-члены подчеркивают безальтернативность урегулирования ситуации в Афганистане путем политического диалога и осуществления инклюзивного мирного процесса самими афганцами и под руководством самих афганцев. призывают к наращиванию сотрудничества при центральной координирующей роли ООН в целях стабилизации и развития этой страны.

Государства-члены отметили итоги заседаний Контактной группы «ШОС — Афганистан» (г. Москва, 11 октября 2017 года и г. Пекин, 28 мая 2018 года) и высказались за дальнейшую активизацию работы механизмов диалога и сотрудничества по афганскому урегулированию, включая Московский формат консультаций.

Государства-члены приветствовали итоги Международной конференции высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» (г. Ташкент, 27 марта 2018 года) как важный позитивный вклад в процесс восстановления мира и стабильности в этой стране.

Государства-члены подтверждают, что безальтернативным выходом из сирийского кризиса является осуществление под руководством сирийцев и самими сирийцами инклюзивного политического процесса, который должен вестись в соответствии с положениями резолюции 2254 СБ ООН и исходить из необходимости суверенитета, независимости и территориальной целостности Сирии.

Государства-члены поддерживают мирные переговоры в Женеве под эгидой ООН, а также отмечают эффективность Астанинского процесса и призывают все кон-

фликтующие стороны предпринять практические шаги по выполнению Меморандума о создании зон деэскалации в целях формирования благоприятных условий для политического урегулирования ситуации в Сирии. В этой связи государства-члены приветствовали итоги Конгресса сирийского национального диалога (г. Сочи, 30 января 2018 года) как важный вклад в продвижение такого политического процесса в Сирии.

Государства-члены выступают против применения химического оружия где бы то ни было, кем бы то ни было, при любых обстоятельствах и в каких бы то ни было целях, поддерживают проведение в соответствии с положениями Конвенции о запрещении химического оружия всесторонних беспристрастных и объективных расследований химических атак, подготовку выводов, основанных на надежных и достоверных доказательствах, способных выдержать проверку.

Государства-члены считают важной устойчивую реализацию Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы и обращаются к его участникам с призывом неукоснительно соблюдать свои обязательства в целях обеспечения его полного и эффективного выполнения, а также содействия миру и стабильности во всем мире и в регионе.

Государства-члены выступают за урегулирование ситуации на Корейском полуострове исключительно политико-дипломатическим путем на основе диалога и консультаций. Они поддерживают мирные инициативы международного сообщества, в том числе России и Китая, направленные на нормализацию обстановки, включая денуклеаризацию Корейского полуострова, и обеспечение долгосрочного мира в Северо-Восточной Азии.

В этом контексте государства-члены отмечают возобновление межкорейского диалога, а также контакты между КНДР и США, и призывают все вовлеченные стороны оказывать содействие переговорному процессу.

Государства-члены подтверждают необходимость политического урегулирования украинского кризиса на основе скорейшего и полного выполнения Минских договоренностей от 12 февраля 2015 года.

IV

Государства-члены выступают за совершенствование архитектуры глобального экономического управления, развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Они исходят из того, что Всемирная торговая организация является ключевой площадкой для обсуждения повестки дня международной торговли и принятия правил многосторонней торговой системы. В целях поддержания авторитетности и эффективности правил ВТО государства-члены выступают за совместное формирование мировой экономики открытого типа, последовательное укрепление открытой, инклюзивной, транспарентной, недискриминационной и основанной на правилах многосторонней торговой системы, а также недопущение фрагментации международных торговых отношений и торгового протекционизма в любых проявлениях.

Государства-члены выступают за содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий, как это предусмотрено Хартией ШОС. В этой связи принято Совместное заявление глав государств — членов ШОС по упрощению процедур торговли.

Государства-члены считают, что развитие индустрии услуг и торговли услугами, поддержка микро-, малого и среднего предпринимательства и стимулирование электронной торговли в рамках ШОС имеет большое значение для развития экономики, повышения занятости и роста благосостояния населения и выступают за дальнейшее развитие договорно-правовой базы в данных сферах.

Государства-члены подтверждают приверженность центральной роли ООН в продвижении реализации Глобальной повестки дня в области устойчивого развития. Они призывают развитые страны, в соответствии с ранее взятыми на себя обязательствами, оказывать развивающимся странам финансовую и техническую поддержку и содействовать в наращивании потенциалов.

Государства-члены подчеркнули важность углубления регионального экономического сотрудничества в целях обеспечения их устойчивого социально-экономического развития, в том числе с использованием потенциала Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана по ключевым направлениям ее деятельности, в частности в сфере транспорта, энергетики, торговли, информационно-коммуникационных технологий. Они акцентируют необходимость реализации соответствующих документов ШОС, направленных на развитие регионального экономического сотрудничества.

В этой связи государства-члены отметили итоги Бизнес-форума ШОС (г. Пекин, 6 июня 2018 года) с участием представителей деловых кругов государств-членов, государств-наблюдателей и партнеров по диалогу, а также поддержали планируемое проведение Международной ярмарки импорта в ноябре 2018 года в г. Шанхае.

Государства-члены отмечают важность сотрудничества между научно-исследовательскими и аналитическими центрами государств — членов ШОС по экономическим вопросам.

Государства-члены выступают за дальнейшее укрепление практического сотрудничества в банковско-финансовой сфере, в том числе для изучения перспектив расширения объемов использования национальных валют в торговой и инвестиционной деятельности. Они отмечают актуальность активизации обменов в области финансового контроля и управления, взаимодействия в сфере взвешенного макроэкономического управления и контроля над финансовыми структурами в целях обеспечения удобного доступа и справедливых условий для формирования сетей финансовых структур и их услуг.

В целях финансового обеспечения реализации совместных проектов ШОС государства-члены активизируют взаимодействие в рамках функционирующих в регионе многосторонних банковских и финансовых структур, включая Межбанковское объединение ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Фонд шелкового пути, Китайско-евразийский фонд экономического сотрудничества и др. Государства-члены продолжают поиск общих подходов по вопросу создания Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС.

Государства-члены подчеркнули важность продвижения многостороннего сотрудничества в сфере транспорта, расширения транзитного потенциала и транспортно-коммуникационных возможностей региона, в том числе путем строительства новых и модернизации действующих участков международных транспортных маршрутов, развития автомобильного и железнодорожного транспорта, включая высокоскоростные магистрали, создания мультимодальных логистических центров, внедрения передовых и инновационных технологий, упрощения и повышения уровня автоматизации в целях координирования процессов пограничного, таможенного, санитарно-эпидемиологического и других видов контроля при перемещении товаров через границу государств-членов, а также реализации совместных инфраструктурных проектов.

В этой связи государства-члены отметили необходимость практической реализации Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (г. Душанбе, 12 сентября 2014 года), а также продолжения работы по подготовке Программы развития автомобильных дорог государств — членов ШОС.

Государства-члены поддержали инициативу о проведении в Узбекистане первой встречи руководителей железнодорожных администраций государств — членов ШОС в целях развития транспортной доступности и взаимосвязанности.

Государства-члены приветствовали проведение специального совместного мероприятия высокого уровня ШОС и ЭСКАТО ООН «На пути к региональной транспортной взаимосвязанности» (г. Бангкок, 23 ноября 2017 года).

Государства-члены приветствовали создание в ШОС Форума глав регионов в целях развития межрегионального сотрудничества и отметили предложение о проведении первого заседания Форума в 2018 году в г. Челябинске (Российская Федерация).

Государства-члены отметили широкие перспективы координации международных, региональных, национальных проектов и стратегий развития, способствующих продвижению сотрудничества в интересах устойчивого экономического развития на основе принципов уважения, равноправия и взаимной выгоды, увеличению объемов инвестиций, расширению транспортных связей, наращиванию энергетического сотрудничества, развитию сельского хозяйства, внедрению инноваций и обеспечению занятости населения на пространстве ШОС.

Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, подтверждая поддержку инициативы Китайской Народной Республики «Один пояс, один путь» (ОПОП), отметили проводимую работу по ее совместной реализации, в том числе усилия по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и ОПОП, и выступают за использование потенциала стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в целях формирования на пространстве ШОС широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного партнерства.

Государства-члены подчеркнули важность развития и углубления взаимовыгодного сотрудничества, обмена знаниями, информацией и передовой практикой в области информационно-коммуникационных технологий, в том числе в сфере цифровой экономики на благо экономического и социального развития государств — членов ШОС.

Государства-члены, исходя из важности сохранения экологического баланса на пространстве ШОС и восстановления биоразнообразия в интересах будущих поколений, обеспечения благоприятных условий для жизнедеятельности населения и устойчивого развития, приняли Концепцию сотрудничества в области охраны окружающей среды.

Государства-члены высоко оценили инициативу Республики Таджикистан о Международном десятилетии действий «Вода для устойчивого развития, 2018–2028», объявленном резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 71/222 от 21 декабря 2016 г., а также приветствовали проведение под эгидой ООН Международной конференции высокого уровня по этой теме (г. Душанбе, 20–22 июня 2018 года). Они выступают в поддержку усилий по продвижению проекта резолюции 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН о среднесрочном всеобъемлющем обзоре данного десятилетия, призванной способствовать достижению целей и задач устойчивого развития в области водных ресурсов.

Государства-члены выразили готовность активизировать обмен и сотрудничество в области профилактики и борьбы с трансграничными эпизоотиями, доступа к качественной сельскохозяйственной продукции и санитарного карантина в целях обеспечения продовольственной безопасности. Они отметили необходимость принятия конкретных мер в этой связи, включая выработку соответствующей программы сотрудничества.

Государства-члены выступили за укрепление сотрудничества в сфере инновационной деятельности. Они отметили важность координации подходов государств — членов ШОС в сфере инновационной политики, в том числе путем создания инновационной экосистемы, технологических платформ, инновационных кластеров и высокотехнологичных компаний, реализации совместных проектов в данной сфере.

Государства-члены отметили огромную важность дальнейшего углубления сотрудничества в таможенной, сельскохозяйственной, телекоммуникационной сферах, а также в области микро-, малого и среднего предпринимательства.

Государства-члены будут прилагать усилия для последовательного раскрытия потенциала Делового совета ШОС и Межбанковского объединения (МБО) ШОС в целях реализации совместных проектов в области финансов, высоких технологий, транспортно-коммуникационной инфраструктуры, энергетики и инвестиций. В этой связи государства-члены приветствовали усилия МБО ШОС по включению в состав Объединения новых членов.

V

Государства-члены продолжают плодотворное двустороннее и многостороннее сотрудничество в области культуры, образования, науки и техники, здравоохранения, туризма, народных ремёсел, охраны окружающей среды, молодежных обменов, средств массовой информации и спорта в интересах взаимообогащения и сближения народов.

Государства-члены, опираясь на Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области культуры (г. Бишкек, 16 августа 2007 года), будут и впредь содействовать развитию культурных связей в рамках ШОС, укреплению взаимопонимания между народами, уважения культурных традиций и обычаев государств-членов, сохранять и поощрять многообразие культур, проводить международные фестивали и конкурсы, углублять взаимодействие в области музыкального, театрального и изобразительного искусства, кинематографии, архивного, музейного и библиотечного дела, а также развивать сотрудничество в области изучения и сохранения культурного и природного наследия региона, в том числе вдоль исторического «Великого Шелкового пути».

В этой связи государства-члены приветствуют проведение III Всемирных игр кочевников в Кыргызской Республике в сентябре 2018 года.

Государства-члены отметили важное значение проведения в Секретариате ШОС мероприятий в рамках проекта «ШОС — наш общий дом», а также «Дней открытых дверей», конференций и круглых столов с участием молодежи.

Государства-члены приветствуют подписание Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству между Секретариатом ШОС и ЮНЕСКО, что отражает стремление двух организаций развивать конструктивное взаимодействие в гуманитарной сфере, в том числе в целях популяризации культуры и ее достижений, а также исторического наследия государств — членов ШОС.

Государства-члены приветствуют проведение международного конгресса женщин стран ШОС и БРИКС (г. Новосибирск, 2–4 июля 2017 года) и Форума женщин стран ШОС (г. Пекин, 15–17 мая 2018 года), отметив перспективность развития сотрудничества в данном направлении.

Государства-члены будут поощрять взаимодействие по линии средств массовой информации и в этой связи отмечают проведение Форума средств массовой информации стран ШОС (г. Пекин, 1 июня 2018 года).

Государства-члены, подчеркивая важное значение спорта как эффективного фактора содействия диалогу между народами, считают, что спорт должен быть вне политики. Они убеждены, что предстоящий чемпионат мира по футболу ФИФА — 2018 в России, международный турнир по ушу (г. Чунцин, 18–19 мая 2018 года), регулярные марафоны ШОС, ежегодный Международный день йоги будут способствовать дальнейшему укреплению дружбы, мира, взаимопонимания и гармонии.

Государства-члены продолжают активную реализацию Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области образования (г. Шанхай, 15 июня 2006 года) в целях расширения обмена научно-педагогическими сотрудниками и осуществления совместной подготовки высококвалифицированных кадров. Государства-члены, придерживаясь принципа взаимного уважения, будут всемерно развивать

практическое сотрудничество в сфере обмена преподавателями и студентами, проведения совместных научных работ, академических визитов, языкового обучения, профессионального образования и молодежных обменов.

Государства-члены отмечают необходимость сотрудничества в таких сферах, как наращивание возможностей экстренного реагирования при чрезвычайных ситуациях в области здравоохранения, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, борьба с обращением фальсифицированной медицинской продукции, противодействие распространению инфекционных заболеваний, профилактика и контроль хронических заболеваний, традиционная медицина и фармацевтика, медицинское образование и научные исследования, реализация совместных программ по содействию международному развитию, медицинское обслуживание и обмен медработниками, обеспечение безопасности и качества пищевой продукции в целях совместной охраны здоровья населения, стимулирования развития здравоохранения, содействия инновационному сотрудничеству.

* * *

Государства-члены высоко оценивают результаты председательства Китайской Народной Республики в ШОС в 2017–2018 годах, которые способствовали укреплению взаимного доверия и взаимного понимания, конструктивного и плодотворного сотрудничества, отношений добрососедства и дружбы между народами государств-членов Организации.

Государства-члены будут и дальше развивать конструктивный диалог, расширять и углублять партнерское многоплановое взаимодействие в целях эффективного решения региональных и глобальных проблем в интересах укрепления политической и экономической стабильности, построения справедливого и равноправного миропорядка.

Премьер-министр Республики Индии Н. Моди
Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев
Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин
Президент Кыргызской Республики С.Ш. Жээнбеков
Президент Исламской Республики Пакистан М. Хуссейн
Президент Российской Федерации В.В. Путин
Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон
Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев

Политика

Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии

© 2018

Е.И. Сафронова

Автор рассматривает вопрос о потенциальном влиянии проекта ЭПШП на ситуацию в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) и сопредельных территориях в плане их безопасности и социально-экономической стабильности. Отмечается, что помимо политических и хозяйственных выгод, проект «Один пояс, один путь» и реализация его субпроекта ЭПШП сопряжены с целым рядом рисков не только для государств-партнеров, но и для самой КНР.

Ключевые слова: Китай, Россия, Центральная Азия, проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), угрозы безопасности, экстремизм, международный терроризм, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС, Индия, Пакистан.

DOI: 10.31857/S013128120000151-7

Согласно китайской Голубой книге по нетрадиционной безопасности (2014–2015)¹ инициатива «Один пояс, один путь» и ее субпроект «Экономический пояс Шелкового пути» призваны служить интересам Китая в плане: а) обеспечения его национальной экономической безопасности; б) содействия энергетической безопасности КНР путем создания альтернативных маршрутов доставки энергоносителей; в) поддержания безопасности границ благодаря развитию западных регионов Китая; г) нивелирования «трех зол» внутри страны и за рубежом посредством экономического роста и перераспределения ресурсов; д) смягчения последствий недружественных геополитических маневров США; е) создания новой международной системы дискурса и «нового международного порядка безопасности», способствующего усилению всеобъемлющей национальной мощи Китая и его культурной мягкой силы².

Практический смысл инициативы Китая «Экономический пояс Шелкового пути» можно свести к реализации следующих задач.

Экономический подъем СУАР с целью радикального улучшения социальной обстановки на этой сепаратистски рискованной китайской территории.

Обеспечение связуемости (connectivity) инфраструктуры Китая и сопредельных регионов в интересах внешнеэкономической деятельности КНР (в основном

для повышения коммерческой доступности европейских, центральноазиатских и южноазиатских рынков).

Снижение зависимости от Малаккского пролива как уникального пути транзита углеводородов с Ближнего Востока, из Африки и Латинской Америки к побережью Китая путем создания транспортных коридоров по территории Центральной и Южной Азии и Среднего Востока.

Получение Китаем через контроль над создаваемой инфраструктурой в странах-соседах особых рычагов политического влияния на принимающие государства. При этом, благодаря расширяющемуся экономическому и инфраструктурному присутствию, обретение КНР нового мощного аргумента в ее территориальных спорах с Индией и оппонентами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Здесь можно упомянуть и долгосрочную цель ЭПШП (точнее, ОПОП): путем получения беспрецедентных выгод от этого проекта (в случае его успешности) — достижение Китаем международного веса, достаточного, чтобы возглавить преобразование мирового порядка.

Пекин умело использует тот факт, что экономическая активность часто выступает реальным инструментом содействия решению политических проблем. Еще классики марксизма-ленинизма отмечали, что есть сила большая, чем воля любого из враждебных правительств или классов, и это — «общие экономические всемирные отношения...»³.

Экономико-инфраструктурная связуемость видится Пекину путем углубления взаимозависимости сторон⁴, которая, в свою очередь, ведет к унификации их политико-экономического бытия. В случае успеха инициативы ОПОП (ЭПШП) мировое влияние КНР резко возрастет и ее государственная модель социально-экономического развития получит мощный интернациональный импульс, став примером для стран-соседей. Так, сначала на региональном уровне могут быть созданы основы нового международного порядка, в котором Китай будет играть лидирующую роль.

Сама беспрецедентность планов ОПОП обуславливает различие взглядов на них в мировом сообществе. Однако Пекин усматривает в разноцветье мнений немалый плюс, ибо при соблюдении принципа совместного обсуждения оно может превратить проект в широкую платформу международного сотрудничества, «соответствующую тенденциям экономической глобализации»⁵.

Целесообразно, однако, рассмотреть и создаваемые ОПОП/ЭПШП риски для стабильности в Центральной Азии и других регионах.

В упомянутой Голубой книге основным вызовом безопасности ОПОП названо повышение рисков террористических и экстремистских угроз. Это понятно: с созданием новых объектов совместной экономической деятельности прямо пропорционально их числу возрастет и количество вероятных направлений террористических ударов. Сама территориальная протяженность проекта есть фактор его уязвимости. В некогда неосвоенных, удаленных и изолированных районах будут появляться новые потенциальные объекты для атак террористических группировок, и возникновение такой «приманки» способно «разбудить» замороженные экстремистские ячейки в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане.

В силу остроты социально-экономических проблем в регионе Центральной Азии (ЦАР) его молодежь попадает под влияние экстремистской пропаганды, пополняя ряды террористических структур. Некогда заметная в регионе исламистская группировка Исламское движение Узбекистана (ИДУ) вошла в состав запрещенной в России ИГНЛ. За последние пять лет до 4 тыс. жителей ЦАР отправились на Ближний Восток, чтобы присоединиться к этому формированию⁶.

Особую проблему для безопасности ЭПШП и ЦАР способна составить Исламская партия Туркестана (ИПТ), члены которой — в основном этнические уйгуры, ратующие за независимость Синьцзяна. Боевики ИПТ в августе 2016 г. совершили нападение

на китайское посольство в Бишкеке, что показало уязвимость персонала и собственности Китая перед сепаратистски мотивированными силами. В период 2010–2014 гг. 468 человек стали жертвами террористических атак в СУАР. Теракты на железнодорожных станциях в Куньмине (март 2014 г.) и Урумчи (август 2014 г.) свидетельствуют о притягательности транспортных объектов как мишеней для подрывных акций⁷. В силу географических особенностей маршрута, соединяющего Синьцзян и центральноазиатские государства, ЭПШП может стать важным «продуцентом» нестабильности на перекрестье границ в Центральной Азии.

Таким образом, укрепление коммуникационной связуемости регионов и территорий — это «палка о двух концах». Оно создает не только удобные возможности для перемещения гражданских лиц и материальных ценностей, но и облегчает транспортировку грузов и людей, используемых в противоправной деятельности. Все это сопряжено с риском невольного, но ощутимого превращения ЭПШП в фактор «расшатывания» внутренней обстановки в ЦАР.

Напряженность в отношениях между государствами Центральной Азии, в частности из-за неразрешенных пограничных споров, тоже не добавляет безопасности ни проектам Китая, ни ситуации в регионе. Конкуренция за инвестиции, маршруты и транспортно-техническое обеспечение, обусловленные планами ЭПШП, способна повысить эту напряженность еще больше, навредив общей безопасности в ареале проекта.

Кроме того, в последнее десятилетие отношения Китая и стран ЦАР прошли через неприятный опыт нападений на китайский персонал со стороны местного населения. Так, в августе 2011 г. на золотодобывающем руднике Солтон-Сары в Кыргызстане (КР) местные рабочие напали на трех китайских шахтеров. В сентябре 2012 г. также в Кыргызстане произошло нападение на лагерь китайских дорожных строителей возле золотоносного месторождения Чараат. В октябре 2012 г. была приостановлена работа управляемого китайцами Талды-Булакского золотого месторождения после драки между китайским и кыргызским персоналом. А в 2015 г. имело место столкновение между китайскими и местными рабочими на принадлежащей китайцам медной шахте в Казахстане.

Есть мнение, что хотя нападения совершаются и на служащих других иностранных компаний, но против китайских фирм они образуют особую тенденцию. Во многом люди недовольны предпочтительным наймом китайского, а не местного персонала, несоблюдением экологических норм, «ненадлежащим обращением» с местным персоналом и небрежным отношением к местным ресурсам и инфраструктуре⁸.

Положение может усугубиться в связи с тем, что население ЦАР очень трепетно относится к вопросам земле- и вододеления в силу ограниченности этих ресурсов в регионе. Существуют опасения, что большие земляные наделы будут переданы китайским инвесторам под нужды ЭПШП или для иных хозяйственных целей. В Казахстане проходили неоднократные выступления оппозиции против предоставления Китаю земли в аренду. Вопрос об аренде стал предлогом для выдвижения официальной Астане и других претензий, включая опасения по поводу притока китайских мигрантов, а также кадрово-трудовых и природоохранных практик китайских компаний. В итоге протесты привели к отставке министра сельского хозяйства РК. Тем не менее в мае 2016 г. казахстанские власти объявили о возможности заключения с китайскими инвесторами сделок на сумму около 2 млрд долл. с задействованием сельскохозяйственных угодий⁹.

Ввиду вышесказанного стоит ожидать резкого обострения вопроса об эффективной охране объектов «Пояса», тесно связанной с их административной принадлежностью. Будут ли они считаться собственностью одного из контрагентов или же объектами совместной собственности? Какая сторона будет отвечать за их охрану? Сама процедурная сложность прояснения этого нюанса может составить особую проблему, особенно если речь пойдет об объектах двойного назначения (порты, железнодорожные узлы, аэропорты), владение которыми выгодно любой стороне.

Но как бы то ни было, с ростом в ЦАР массива китайской собственности неизбежно усилится и заинтересованность КНР в безопасности ЭПШП. Признаком того, что Китай уже готовится к чрезвычайным ситуациям по защите ЭПШП, видится принятие Закона КНР по борьбе с терроризмом 2015 года, согласно статье 71 которого допускается ведение силами НОАК антитеррористических операций за пределами Китая.

Серьезный вызов стабильности ЭПШП — это и ситуация в Афганистане (ИРА). Пока не произойдет нормализация внутренней обстановки, а также отношений ИРА с соседними странами, безопасность ареала ЭПШП будет находиться под угрозой. Даже если КНР не станет в ближайшее время создавать транспортную инфраструктуру в Афганистане, с его территории продолжит исходить угроза общественной стабильности стран-партнеров ЭПШП.

Мощным кризисным фактором является сохранение в Афганистане последователей запрещенных в России движений «Талибан» и «Аль-Каида». Их участники распродоточены среди мирного населения, что создает практически неконтролируемый риск диверсий.

КНР принимает меры по институционализации взаимодействия в сфере безопасности с Афганистаном, а также Таджикистаном и Пакистаном, инициировав в 2016 г. формирование четырехстороннего механизма сотрудничества и координации. Его задачей является взаимная поддержка в целом ряде областей, включая изучение и оценку террористических угроз, обмен и подтверждение разведанных, создание потенциала (сарабилити) по борьбе с терроризмом, проведение совместных антитеррористических учений и подготовку персонала. Стороны согласились с тем, что все решения должны приниматься на основе принципа постконсультационного консенсуса¹⁰.

Но пока «четырёхсторонний механизм» пребывает на стадии всего лишь еще одной международной бюрократической структуры, чего явно недостаточно для реальной антитеррористической борьбы. Для ее успеха логично ожидать вооруженных акций в сочетании с ненасильственными мерами по умягчению мировоззренческих и социальных «болевых точек». Поскольку вероятность силовой активности «четырёхстороннего механизма» еще не просматривается, то одним из векторов его деятельности мог бы стать диалог с духовными лицами «классического» ислама и поощрение пропагандистско-просветительской работы по разъяснению вредности экстремистских воззрений. По всей видимости, интенсификация сотрудничества с собственными религиозными организациями становится для Китая и его соседей в ЦАР и Южной Азии насущной необходимостью. Она способна составить отдельное направление сотрудничества в регионе.

Стоит отметить, что на двустороннем уровне дела в сфере безопасности (как и экономическое взаимодействие) могут идти быстрее. Так, в начале 2018 г. военнослужащие КНР впервые осуществили совместное с ВС ИРА патрулирование афгано-китайской границы, причем с территории Афганистана¹¹. Проходила информация о том, что это патрулирование китайские военные проводили без санкции Кабула. Тем не менее протестов от ИРА не последовало¹².

Определенный дестабилизирующий потенциал обусловлен спецификой сосуществования ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Несмотря на позитивную тональность официальных заявлений о сопряжении двух проектов, пределы их кооперации очевидны. Так, Китай предпочитает поддерживать конкретные отношения со странами ЕАЭС на двустороннем уровне. Все попытки, предпринятые Россией, побудить государства — члены ЕАЭС сообща координировать усилия по участию в ЭПШП пока не увенчались успехом. Важно и то, что Китай нацелен на снижение торговых ограничений для стран — участниц ЭПШП и для грузов, провозимых по нему, в то время как ЕАЭС формирует торговый союз с относительно высокими тарифами для товаров из третьих стран и, по некоторым данным, даже инициировал антидемпинговые расследования в отношении китайской продукции¹³.

Не стоит исключать и того, что торможение сотрудничества с ЕАЭС может еще более мотивировать Пекин к проведению обособленной стратегии в отношении центральноазиатских стран.

Эффектным шагом на пути сопряжения ЭПШП и ЕАЭС стало заключение соглашения о торгово-экономическом взаимодействии между Евразийским союзом и Китаем (май 2018 г., Астана). Несмотря на то, что создание зон свободной торговли (ЗСТ) прямо ассоциируется Пекином с идеей сопряжения, подписанное соглашение не предполагает создание ЗСТ «ЕАЭС-КНР», чего хотел бы Китай. Оно не носит преференциального характера, не предусматривает облегчения доступа на рынки и сокращения тарифов. Цель документа — обеспечение эффективности процедурной стороны дела. Он регламентирует сотрудничество в области технического регулирования, упрощения коммерческих процедур, фитосанитарного контроля, электронной торговли, разработки общих правил исполнения прав интеллектуальной собственности и др.¹⁴

Упорядочивание регуляторики — процесс нужный, но все же далекий от создания ЗСТ как шага на пути к сопряжению. Прискорбно, но Шанхайская организация сотрудничества не имеет даже такого «приготовительного» соглашения между своими участниками. Еще в 2004 г. Китай артикулировал стремление к учреждению ЗСТ стран — членов ШОС. Однако оно не нашло понимания, ибо для центральноазиатских членов ШОС (и России) создание такой зоны чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией высоких переделов.

Создание ЗСТ ШОС воспринимается многими столицами Шанхайского «октета» не только как средство консервации экономического доминирования Китая в ШОС, но и как серьезное препятствие на пути импортозамещения. А для КНР учреждение зоны свободной торговли — еще и средство преодоления ее обособленности от коллективных политико-экономических процессов в ЦАР. Ныне Китай призывает партнеров по ШОС ускорить подписание Соглашения об упрощении процедур торговли как шага на пути к учреждению ЗСТ и формированию институтов регионального экономического сотрудничества, поддержать развитие трансграничной электронной коммерции, заключить рамочное соглашение в области торговли услугами¹⁵, но дальше призывов дело пока не идет.

Однако на общегражданском уровне картина в странах ШОС несколько иная. Недавно ряд кыргызских предпринимателей заявил о желательности ЗСТ ШОС, политически грамотно аргументируя это тем, что «шосовская» зона свободной торговли станет продуктивным дополнением ЕАЭС¹⁶. Простое население в принципе приветствует доступные по цене и вполне приемлемые по качеству китайские товары.

Возникает естественный вопрос: значит ли это, что сотрудничество КНР с ЕАЭС по пути создания их ЗСТ — это более перспективный процесс, нежели формирование ЗСТ ШОС? Или же указанное соглашение «КНР-ЕАЭС» станет просто вежливым паллиативом мертворожденной идее о зоне свободной торговли между Евразийским союзом и КНР? Четкий ответ на этот вопрос, думается, будет получен в ближайшие 4–5 лет.

Так или иначе, вся сложность отношений КНР и ЕАЭС несет риск нарастания противоречий как между Китаем и Россией — лидером ЕАЭС, так и между РФ и теми членами Евразийского союза, которые заинтересованы в теснейшем двустороннем сотрудничестве с КНР. Данное обстоятельство способно негативно отразиться на экономической обстановке в регионе и тем самым — затенить позитивность замысла и ЕАЭС, и ЭПШП.

Еще одним вызовом безопасности в свете ЭПШП является коррупция в ряде стран ЦАР. Должностные злоупотребления снижают эффективность борьбы государства с организованной преступностью, особенно с наркотрафиком. Как известно, наркоторговля и «три зла» тесно переплетены между собой, ибо последние активно финансируются за счет доходов от наркоторговли. Один из позитивных посылов ЭПШП — это ут-

верждение, что экономическое развитие, сопутствующее реализации проекта, поможет снизить имущественное неравенство и уровень коррупции, на которых зиждется терроризм и экстремизм. Линейная логика заставляет думать именно так, но дело в том, что коррупция в странах ЦАР приняла характер не только масштабного, но и системного, выгодного очень многим явления. Да, в регионе периодически проводятся антикоррупционные кампании, но они более направлены против ставших негодными отдельных лиц из числа элиты¹⁷.

Похоже, что Китай, вскрывая «нарыв» коррупции на своей территории, вольно или невольно подстегивает это явление в сопредельных странах, ибо освоение китайских инвестиций в Центральной Азии часто сопряжено с задействованием коррупционной составляющей (чаще всего — взяточничеством) практически по всей бюрократической лестнице.

В ЦАР китайские инвесторы предпочитают вкладываться в добычу полезных ископаемых — сектор, особо подверженный коррупции, ибо там необходима покупка государственных лицензий. Сообщалось, что в сентябре 2016 г. руководитель Центра приграничного сотрудничества с Китаем «Хоргос» был арестован по подозрению в получении взятки в один миллион долларов, а глава кыргызского отделения китайской Торгово-промышленной палаты призвал участие некоторых китайских инвесторов в противоправных сделках. Частично проблема заключается в отсутствии прозрачности: компании-подрядчики отбираются без конкурсных тендеров. Так, китайские Эксимбанк и Банк развития Китая часто предоставляют правительствам стран-партнеров льготные кредиты, которые используются для оплаты работ китайских подрядных фирм, причем национальные компании к участию не приглашаются¹⁸.

В целях экономической и общей безопасности КНР, видимо, следует интенсифицировать работу по контролю над использованием их капиталовложений. Однако решиться на это весьма непросто, ибо тогда придется фактически «взламывать» сложившиеся в ЦА порядки, взаимоотношения и даже обычаи. Ввиду этого кажется вполне оправданной тактика китайских хозяйствующих субъектов, когда они предоставляют связанные кредиты и заключают подрядные договоры под условие закупки в КНР китайской техники и привлечения китайского персонала. Эта практика позволяет более точно отслеживать целевое использование китайских вложений, хотя и кажется недружественной по отношению к местным подрядчикам и рабочей силе.

Несмотря на призывы шире привлекать возможности «народной дипломатии» в реализации ЭПШП, Китай все же предпочитает работать с элитами стран-партнеров. Это понятно: именно на уровне правящих страт принимаются нужные решения. Простые граждане как сила, могущая быть заинтересованной в ЭПШП, выпадают из внимания Пекина. А жаль, ибо в случае, если «Пояс» будет приносить выгоды, заметные лишь на высшем государственном уровне, это чревато обострением имущественного и социального неравенства в регионе и, следовательно, — умножением акций экстремизма со стороны обделенного населения. Как показывает опыт ряда китайских предприятий в Шри-Ланке и Мьянме, игнорирование общественного мнения порождает риски отложенного гражданского недовольства и в итоге — торпедирования проектов¹⁹.

Еще один вызов безопасности ЦАР в свете инициативы ОПОП — это настороженное отношение к ней со стороны США и их союзников, а также Индии. США и Индия — мощные игроки в АТР — видят в китайском мегапроекте угрозу их позициям в Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии, что никак не благоприятствует трансрегиональной стабильности.

Риски для безопасности в Южной Азии, да и в соседнем ЦАР, обусловлены также спецификой отношений в треугольнике «Индия — Китай — Пакистан». КНР использует территорию Пакистана (ИРП) для прокладки «экономического коридора», трактуемого как часть ЭПШП. Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) преду-

считывает создание широкой сети авто- и железных дорог, соединяющих порт Гвадар на юго-западе ИРП с СУАР КНР. Масштабное финансирование КПЭК Китаем есть свидетельство того, что сооружение ЭПШП скорее всего будет вестись по линии двусторонних договоренностей, а не коллективными усилиями. Это осложнит координацию его «по-секционного» строительства. А повышенная сложность управления «фрагментированным» проектом негативно скажется на его экономической и общей безопасности.

Индия выступает против планов ЭПШП, поскольку они предусматривают экономическую деятельность КНР и ИРП на территории Гилгит-Балтистана — части Кашмира, который является для Индии и Пакистана спорной территорией. ИРП контролирует Гилгит-Балтистан, но Индия считает его своим²⁰.

Здесь стоит упомянуть и второй субпроект ОПОП — Морской Шелковый путь XXI века, который будет пролегать через Индийский океан. Он должен пройти через порты в странах, расположенных вокруг Индии (Шри-Ланка, Мальдивы, Пакистан), но минуя индийскую территорию. Это тревожит Индию, которая усматривает здесь посягательство Китая на ее водные пути. Есть сферы, в которых Индия и КНР могли бы сотрудничать в контексте проекта ЭПШП — это коридор Бангладеш — Китай — Индия — Бирма/или Иран. Однако Индия требует более подробных и надежных разъяснений китайских намерений²¹.

Определенные вызовы связаны и с тем, что страны-«мишени» китайских инициатив наверняка будут разыгрывать «китайскую» и «западную» карту для извлечения максимальных выгод из конкуренции за их ресурсы. Государства ЦАР, видящие противоречия интересов РФ, Китая и США, уже вступили в эту «игру». Ряд стран, учитывая контрапункты Индии и КНР, тоже начали конъюнктурное «маневрирование» (Мьянма, Шри-Ланка, Мальдивские о-ва). Страны ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур) пытаются извлечь прибыль из американо-китайских противоречий²². Все это расшатывает расстановку сил сразу в нескольких регионах и в перспективе может отразиться на уровне их безопасности.

Видимо, Китаю предстоит немалая работа по убеждению союзников США, думающих об участии в ОПОП, в нежелании использовать их в геополитической борьбе. Опасения целого ряда государств связаны с фактором двойного назначения инфраструктуры ОПОП. Предложение Пакистана, адресованное Китаю, построить морскую базу в порте Гвадар, просочившаяся информация о вероятном создании китайской морской базы на Мальдивах не способствуют нивелированию этих опасений. Сопутствующие утверждения, что проект имеет китаеццентричный характер и что страны-участницы могут получить дескать только «побочную» выгоду²³, тоже деструктивны для межрегиональной стабильности.

По мере возведения ОПОП будет неизбежно возрастать привязка стран-участниц к экономическому положению внутри самого Китая. Замедление темпов или просто проблемы в его хозяйственной жизни могут негативно сказаться на способности КНР выполнять инвестиционные обязательства. И в этом кроется еще одна угроза безопасности в ареале ЭПШП и не только там.

В целом, проект ОПОП/ЭПШП логично рассматривать как инструмент экономической дипломатии Пекина, призванный принести Китаю не только весьма ощутимые хозяйственные выгоды, но и стабилизировать *внешнеполитическую* обстановку вокруг него. Инновационный потому, что доньше КНР не создавала механизмов экономического характера, могущих прямо влиять (позитивно или же негативно) на состоянии безопасности в региональном и трансрегиональном масштабах.

1. Фэйчуаньтун аньцюань ланьпиншу: чжунго фэйчуаньтун аньцюань яньцзю баогао: [Голубая книга по нетрадиционной безопасности: исследовательский доклад о нетрадиционной безопасности Китая]. Бэйцзин: Social Sciences Academic Press, 2015.
2. Приводится по: *Ghiasi, Richard and Zhou, Jiayi*. The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU—China Cooperation Prospects / Stockholm International Peace Research Institute. 2017. P. 5–6. См. Также: Chinese Foreign Policy Under Xi / ed. by Tiang Boon Hoo. L.; NY: Routledge, 2017.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 304–305.
4. Подробно см.: Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ. Министерство иностранных дел, Министерство коммерции КНР (издано с санкции Госсовета КНР). 28.03.2015. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>
5. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-04/10/c_137100203.htm
6. *Reccia Federica*. The evolving terrorist threat to China's Central Asia projects. URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2018/01/23/evolving-terrorist-threat-chinas-central-asia-projects>
7. Ibidem.
8. Central Asia's Silk Road Rivalries. Europe and Central Asia Report N°245/ International Crisis Group. Brussels, 2017. P. 11. URL: <http://www.refworld.org/pdfid/5979e3c14.pdf>
9. Ibidem. P. 12.
10. Ministry of National Defense of the PRC. Joint Statement of the Inaugural High Level Military Leader Meeting on Quadrilateral Cooperation and Coordination Mechanism in Counter Terrorism by Afghanistan—China—Pakistan—Tajikistan Armed Forces. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm. См. также: URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2018/01/23/evolving-terrorist-threat-chinas-central-asia-projects>
11. Reuters. China again dismisses reports of military patrols in Afghanistan. URL: <https://af.reuters.com/article/worldNews/idAFKBN162132>
12. *Gibson Giles*. Exclusive: Chinese security forces caught patrolling deep inside eastern Afghanistan. URL: <http://www.wionews.com/south-asia/exclusive-chinese-security-forces-caught-patrolling-deep-inside-eastern-afghanistan-8008>
13. См.: Central Asia's Silk Road Rivalries... P. 22.
14. URL: <http://eurasia.expert/eaes-i-kitay-priblizilis-k-podpisaniyu-torgovogo-soglasheniya>;
URL: <http://провзд.рф/article/45160-byty-li-zone-svobodnoy-topgovli-mezhdu-kitaem-i-eaes.html>
15. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-12/27/c_136853831.htm
16. См.: Central Asia's Silk Road Rivalries... P. 22.
17. *Reccia Federica*. Op.cit.
18. URL: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/245-central-asias-silk-road-rivalries_0.pdf
19. Ibidem.
20. URL: <https://news.rambler.ru/.../39583001-si-tszinpin-podderzhal-stroitelstvo-ekonomicheskogo-koridora-s-pakistanom/>
21. *Lain Sarah, Pantucci Raffaello*. The Economics of the Silk Road Economic Belt. Workshop Report / Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. L., 2015. P. 2.
22. См.: *Blanco Pitlo III, Lucio*. China's 'One Belt, One Road' To Where? // The Diplomat. 2015, February 17. URL: <https://thediplomat.com/2015/02/chinas-one-belt-one-road-to-where>
23. Ibidem.

Формат РИК в год 20-летия «инициативы Примакова»: к итогам 16-й трехсторонней академической конференции

© 2018

С.В. Уянаев

В статье рассматривается текущая ситуация в трехстороннем формате взаимодействия «Россия — Индия — Китай» в контексте результатов 16-й академической конференции РИК, состоявшейся в мае 2018 г. в Москве. Автор делает вывод о том, что структура РИК продолжает оставаться заметным приоритетом в политике трех стран, фактором продвижения к полицентричному миру и инструментом укрепления отношений между РФ, Китаем и Индией.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, взаимодействие, формат РИК, полицентричный мир, региональное сотрудничество, секторальный диалог.

DOI: 10.31857/S013128120000152-8

В конце мая 2018 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла 16-я по счету научно-практическая конференция ученых-политологов России, Индии и Китая. Непосредственными хозяевами ее по традиции были ученые ИДВ, а гостями — делегации Индийского института китайских исследований (ИИКИ) и Китайской академии международных проблем МИД КНР (КАМП).

Трехсторонний академический диалог был начат в 2001 г., когда в Институте Дальнего Востока РАН прошла первая научная конференция РИК. С той поры трехсторонние встречи ученых стали ежегодными, проводятся поочередно в каждой из трех стран. Нынешний форум за истекшие годы стал уже шестым, проводимым в Москве, и открывал шестой раунд трехсторонних конференций.

За регулярными совместными консультациями политологов ведущих профильных «мозговых центров» трех стран, в числе которых немало крупных отставных дипломатов, закрепилось представление как о научной, «второй дорожке» структуры неформального взаимодействия трех крупнейших государств Евразии. Эта академическая «дорожка» призвана обеспечивать научное сопровождение сотрудничества, которое осуществляется на «первой дорожке», иными словами — оказывать экспертную помощь и поддержку взаимодействию по официальной межгосударственной линии.

Такое определение можно считать обоснованным. Не случайно, уже год спустя после начала 17 лет назад в Москве интенсивной совместной работы экспертов-политологов был дан старт взаимодействию на уровне государственных ведомств: в сентябре 2002 г. в ходе сессии ГА ООН бывший в то время министром иностранных дел РФ И.С. Иванов, его индийский и китайский коллеги Яшвант Синха и Тан Цзясюань прове-

ли первую встречу на уровне глав внешнеполитических ведомств трех стран¹. Как отметила недавно индийская «Хинду», три страны впервые предприняли тогда «серьезную попытку совместно обсудить международные дела»². А структура межгосударственного взаимодействия «Россия — Индия — Китай» (РИК) де-факто стала политической явью.

Можно вспомнить и оценку, данную в свое время академическому формату РИК министром иностранных дел РФ С. Лавровым, который назвал работу политологов трех стран «крепким научным плечом», которое с экспертного «угла» сопровождает движение трех стран «навстречу друг другу»³.

20-летие «инициативы Примакова»

Майская конференция в Москве напомнила о знаковом и символичном событии. В 2018 г. исполняется 20 лет с момента официального оглашения крупной инициативы, с которой в декабре 1998 г. выступил Е.И. Примаков, вызвав тем самым большой международный резонанс. Тогдашний глава правительства России высказал идею «стратегического треугольника» Россия — Индия — Китай, отметив, что в «формате партнерства трех стран это могло бы принести большую стабильность в положение дел в мире и регионе»⁴.

По сути, речь фактически шла (и с позиций сегодняшнего дня это очевидно) о первом крупном сигнале в отношении реформирования однополярного мира, который «благодаря» политике США успел утвердиться в глобальном масштабе после распада СССР. Не случайно именно в таком ключе на сообщения из Дели тогда последовала широкая волна откликов — от Лондона до Токио и Тегерана. «Высказывание российского премьера. — писала в тот же день японская «Йомиури», — судя по всему, является отражением негативной реакции Москвы, которая рассматривает удары по Ираку как символ “однополярного господства” Соединенных Штатов»⁵.

Была изложена инициатива, означавшая параллельные или совместные действия трех стран, которые не скрывали несогласия с концепцией и практикой монополярности и односторонних действий и, одновременно, являлись значимой политической величиной. Ведь суммарно они представляли свыше трети мирового населения, пятую часть мировой суши и уже тогда серьезную (около 15%) часть мирового ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности национальных валют (по оценкам, к 2018 г. она практически удвоилась и составляет 28,9%)⁶.

Идея «единения» в той или иной форме России, Индии и Китая в мире звучала и до этого, причем достаточно давно. В качестве некоего исторического источника исследователи приводят, в том числе, высказывание В.И. Ленина, говорившего, что «судьбы революционного процесса зависят от России, Китая и Индии»⁷. Трехсторонняя тема поднималась в ряде российских экспертных работ 1990-х годов (А.А. Кокошин, А.Г. Яковлев и др.)

Несомненная заслуга премьера Е.М. Примакова заключалась в том, что системная по своей сути инициатива была обнародована на высоком правительственном уровне, в конкретный день и час. Причем особенно важно, что она была сформулирована в гибком и дипломатичном ключе: там же, в Дели, Е. Примаков уточнил, что речь идет не о «союзе», а именно о «партнерском формате»⁸.

В силу такой гибкости, несмотря на начальную осторожную внешнюю реакцию, инициатива уже вскоре стала реализовываться в практической плоскости. Свою роль сыграли и американские бомбардировки Югославии в марте—июне 1999 г., громко напомнив о явных перекосах в сложившихся правилах мировой игры. Так или иначе, в России, Индии и Китае прошли серьезные экспертные обсуждения, фактическим итогом которых стало проведение в сентябре 2001 г. в Москве упомянутой 1-й трехсторонней академической конференции с участием ведущих ученых-политологов ИДВ РАН, КАМПИ МИД КНР (в то время КИМП) и ИККК (г. Дели), а также видных отставных дипломатов.

Конференцию возглавили директор ИДВ М.Л. Титаренко, академик В.С. Мясников, посол Б.Т. Кулик, бывший посол Индии в Китае К.В. Ранганатхан, президент КИМП посол Ян Чэнсюй. Несомненным достижением той первой трехсторонней экспертной встречи стал консенсус относительно самой базовой модели сотрудничества. Такой моделью, развивая тезис Примакова, должна была стать партнерская диалоговая структура (формат РИК), *«не означающая ограничение самостоятельности и независимости стран-участниц», «не предполагающая образование, блоков и т.п.» и основанная на принципах трех «не» — не блок/не союз, не конфронтация, не направленность против третьих стран»⁹.*

С точки зрения целей было выделено две группы задач. Во-первых, совместное отстаивание сходных внешнеполитических приоритетов в виде демократизации международных отношений и укрепления глобальных и региональных позиций каждой из трех стран. Во-вторых, прагматичное взаимодействие в торгово-промышленной, научно-технической, культурно-гуманитарной и других областях в интересах наиболее динамично развития социально-экономических комплексов каждой из них¹⁰.

Эти концептуальные представления определили степень и формы тех институциональных элементов формата РИК, которые на практике сложились в последующие годы. После первой встречи в 2002 г. главы внешнеполитических ведомств РФ, КНР и Индии стали собираться регулярно, приблизительно один раз в год. Причем с 2005 г. такие трехсторонние встречи организуются в специальном формате, без привязки к «полям» каких-либо иных форумов и заканчиваются принятием совместных коммюнике. В декабре 2017 г. в Дели была проведена 15-я такая встреча, принявшая одиннадцатое по счету трехстороннее коммюнике¹¹. Очередная, 16-я встреча министров пройдет в 2018 г. в КНР.

Важные решения институционального характера были приняты на 7-й встрече трех министров октябре 2007 г. в Харбине. Стороны договорились о создании дополнительных диалоговых площадок — между ведомствами по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям. Интенсифицировались контакты по линии внешнеполитических ведомств: в соответствии с решениями, принятыми в Харбине, в 2008 г. был запущен механизм внешнеполитических консультаций на уровне руководителей департаментов МИД трех стран. Кроме того, еще в декабре 2007 г. стартовал диалог представителей их деловых кругов, было проведено несколько встреч по линии торгово-промышленных палат стран РИК.

Знаковое событие прошло летом 2006 г., когда в Стрельне (Санкт-Петербург, Россия), состоялся трехсторонний саммит высших руководителей РФ, КНР и Индии — В.В. Путина, Ху Цзиньтао и М. Сингха¹².

Процесс институционального совершенствования продолжается и в последние годы. В 2013 г. в РИК прошел первый раунд консультаций «высоких представителей России, Индии и Китая, курирующих вопросы безопасности»¹³. Состоялись встречи в рамках трехсторонних площадок для консультаций спецпредставителей по вопросам Афганистана (Пекин, январь 2014 г.)¹⁴, а также по вопросам обстановки в АТР (декабрь 2016 г.).

Что касается академического формата, то на протяжении истекших лет регулярно созывались конференции, предыдущая из которых прошла в январе 2017 г. в Дели.

Принявшая ее эстафету 16-я по счету московская конференция была сопряжена с юбилеем «инициативы Примакова». О знаковой дате первыми (видимо, как представители страны, где идея была оглашена) напомнили индийские делегаты. Главным, однако, было то, что участники продемонстрировали традиционной настрой на деловое и заинтересованное обсуждение нынешнего состояния дел и перспектив трехстороннего взаимодействия.

В фокусе — международное взаимодействие

Конференция открылась приветственными выступлениями глав делегаций. Со словами приветствий и поздравлений с началом конференции к ее участникам обратились ответственные сотрудники МИД РФ и посольств Индии и КНР в Москве, что весомо подчеркнуло значение конференции и уровень внимания к трехстороннему академическому формату.

Хотя непосредственными со-координаторами академических конференций РИК традиционно являются ИДВ РАН, ИИКИ и КАМП, это вовсе не означает некоей научно-ведомственной замкнутости. Так, в нынешний состав китайской делегации наряду с экспертами, представляющими авторитетную Китайскую академию современных международных отношений (КАСМО), входили представители Китайской ассоциации международных дружеских связей (САИФС). Среди индийских делегатов были сотрудники научно-практических организаций, среди российских — эксперты Института востоковедения РАН.

Как уже неоднократно бывало на предыдущих конференциях, повестку дня составили вопросы текущего трехстороннего взаимодействия: по международным проблемам глобального уровня; по региональной проблематике; по совместным проектам и практическому сотрудничеству в отдельных (секторальных) областях. Четвертым тематическим блоком были двусторонние отношения в «тройке», важные для успешного функционирования трехстороннего формата.

Вопросы внешнеполитической координации глобального и регионального уровня докладчики и дискуссионты рассматривали в контексте главных тенденций современной международной обстановки и характеризующих ее турбулентных процессов. При этом практически все обращали внимание на провоцирующую политику США, «выступающих с произвольными санкциями, торговыми войнами, другими деструктивными шагами».

Конкретными темами стали вопросы взаимодействия по евразийской, в том числе центрально-азиатской, тематике, включая сотрудничество на площадке ШОС. Были рассмотрены перспективы и вызовы китайско-индийских и российско-китайских отношений. Кроме того, участники обсудили возможности сотрудничества в экономической, инфраструктурной и других «внутренних» для «тройки» областях.

Среди вызвавших повышенное внимание тезисов, которые в рамках указанных тем были высказаны, в частности, китайскими и индийскими партнерами, можно выделить следующие.

Представители Индии неоднократно и традиционно обращали особое внимание на фактор Пакистана, на роль этой страны в развитии региональной ситуации, рассматривая эти вопросы в контексте задач обеспечения безопасности своей страны. Причем на этот раз такое внимание партнеров диктовалось не только и не столько характером и направленностью китайско-пакистанских отношений, сколько «развитием связей между Пакистаном и РФ». В рамках дискуссий с российской стороны было высказано мнение, что такое развитие носит абсолютно естественный характер хотя бы потому, что ныне Пакистан (как и Индия) является полноформатным членом ШОС, а это автоматически предполагает более высокую степень взаимодействия между ним и другими участниками Организации, в том числе РФ, в различных сферах, включая оборону и безопасность.

В свою очередь в ответ на просьбу китайских и российских коллег индийские эксперты дали свои разъяснения и осветили нынешний этап индийско-американских отношений.

По словам посла П.С. Рагхавана, в недавнем прошлом возглавлявшего дипмиссию Индии в Москве, Дели не видит ничего необычного в активном развитии этих отношений в последнее время. Индия, по словам индийского делегата, не усматривает в этом факте «никакого противопоставления» с задачей построения полицентричного мира, по-

скольку «индийско-американский диалог — это как раз диалог между двумя мировыми центрами», а следовательно «он лежит в русле общего продвижения многополярности».

Очевидное противоречие, связанное с тем, что довольно трудно «продвигать многополярность» в альянсе с государством, политика которого объективно является главным барьером к ней, индийскими коллегами не рассматривалось.

Вместе с тем представители Индии выступили с осуждением американской политики произвольных санкций и торговых войн, отметив, что «косвенно это бьет и по Индии», а также подчеркнули, что в Дели хорошо представляют себе лимиты отношений с Вашингтоном и не намерены втягиваться в какую-либо политику «сдерживания» Китая или других стран.

Китайские делегаты гораздо более решительно говорили о деструктивной международной роли США, что, впрочем, не мешало им вместе с индийскими участниками неоднократно напоминать, что принципиальная концептуальная база РИК — это «ненаправленность против третьих стран».

В выступлениях ученых КНР большое место предсказуемо занимала тематика «Один пояс, один путь», вновь подчеркивался «открытый» характер этой инициативы и «добровольный» принцип присоединения к ней. Индийские делегаты реагировали сдержанно, прежде всего в контексте строительства коридора Китай — Пакистан, «проходящего через оккупированные индийские территории в Кашмире», хотя и не отрицали возможности сотрудничества по другим региональным экономическим коридорам (Бангладеш — Китай, Индия — Мьянма и др.) Целый ряд предполагаемых и реально действующих региональных экономических и транспортных коридоров, дающих потенциальные шансы для инфраструктурного сотрудничества, в том числе с участием трех стран, был представлен в весьма информативном докладе сотрудника Индийского исследовательского центра по проблемам АСЕАН и развивающихся стран доктора Прабира Де.

Обсуждая *секторальное сотрудничество в целом*, участники коснулись не только упомянутых инфраструктурных и транспортных проектов, но затронули ряд общих вопросов. Было констатировано, что снижение в последнее время внимания к этой области не означает отсутствия актуальности. Такие сферы, как сотрудничество малого и среднего бизнеса и особенно некий прорывной трехсторонний проект, например, в области *совместного освоения космоса* были бы способны не только углубить взаимодействие, но придать ему мощный дополнительный имиджевый импульс. Дело за политической волей сторон, поиском действительной конвергенции их экономических и других интересов.

На заседаниях и в кулуарах делегаты высказали и другие предложения. В их числе — пожелания о более конкретизированной повестке встреч министров иностранных дел трех стран, что отражалось бы и в подписываемых ими коммюнике; о рассмотрении возможности проведения (например, на полях саммита ШОС или G20) второго трехстороннего саммита РИК; о совершенствовании академического сотрудничества в РИК (создание межсессионных рабочих групп).

Полный итоговый консенсус был вновь продемонстрирован всеми участниками по важным базовым вопросам:

– РИК является самодостаточной и востребованной каждой из трех стран структурой;

– трехсторонняя повестка актуальна, центральное и неослабевающее место в ней занимает *взаимодействие по внешнеполитической проблематике*, включая совместное продвижение на глобальном уровне концепции многополярного мира и нового справедливого мирового порядка, а также обеспечение мира и безопасности в Евразии, прежде всего в Центральной и Южной Азии;

– двусторонние отношения в «тройке» в целом носят позитивный характер; это касается и ее китайско-индийской линии, где несмотря на нерешенные вопросы выдер-

живается устойчивый курс на развитие сотрудничества. И все это способствует развитию формата РИК.

Уроки на будущее

В позициях экспертов, участвовавших в 16-й конференции РИК, вновь нашли отражение общие политические подходы трех стран. Очевидно, что каждая из них рассматривает конфигурацию РИК как серьезный инструмент укрепления своих внешнеполитических позиций, весомый аргумент в диалоге с третьими странами, в том числе с США и другими государствами Запада.

Для России присутствует дополнительная мотивация в виде задачи равновесных и стабильных отношений с главными азиатскими партнерами — Китаем и Индией. И КНР, и РФ заинтересованы в сохранении Индии в качестве стратегического партнера, который не будет вовлечен в орбиту американской политики «сдерживания Китая» и ущемления интересов России. Китай и Индия на площадке РИК объективно имеют дополнительную возможность для обсуждения деликатных двусторонних вопросов. Примером стала двусторонняя встреча Ван И и Сушмы Сварадж во время общения министров иностранных дел стран РИК в Дели, где по существу была поставлена точка в урегулировании сложной ситуации, возникшей летом 2017 г. на пограничном плато Доклам (Дунла)¹⁵.

Не случайно поэтому, что сотрудничество в формате РИК остается важным приоритетом во внешней политике каждой из трех стран. Это вновь нашло отражение в коммюнике по итогам декабрьской министерской встречи РИК в столице Индии, в последних российско-китайских и российско-индийских документах¹⁶.

Разумеется, в странах РИК, в том числе в России, хорошо видят, что трехстороннее взаимодействие по-прежнему несвободно от очевидных, определенных и не раз именованных *вызовов*. Это — не во всем «идеальное» совпадение взглядов по международной, в том числе региональной повестке (ситуация в ЮКМ, крымский вопрос и т.п.); двусторонние проблемы и трения (в основном, в вопросах китайско-индийских отношений). Несомненным и долговременным является вызов, связанный с не очень афишируемой, но реально существующей политикой «сдерживания» РИК со стороны США. К примеру, последние полтора десятилетия это проявляется в явных намерениях Вашингтона «пристегнуть Индию» к своей политике («ядерная сделка», обхаживания и нажим по линии ВТС и оборонного сотрудничества и т.п.) и оторвать от традиционных и естественных партнеров-соседей¹⁷.

В год 20-летия «инициативы Примакова» в числе очевидных *уроков* развития РИК — сохраняющаяся необходимость избегать излишних ожиданий. В первую очередь это касается секторальных (экономических и др.) диалоговых дорожек. Ясно, что в условиях, когда даже по двусторонним линиям участники РИК имеют нерешенные вопросы (низкий объем российско-индийского товарооборота, структурное несовершенство торговли РФ с КНР, серьезное отрицательное сальдо Индии в торговле с Китаем и т.п.), требуется более сдержанный и тщательный поиск естественного, а не искусственного сопряжения интересов.

Напротив, поиск консенсуса на основе компромисса, сочетание принципа самостоятельности и независимости с продвижением действительно совпадающих приоритетов, что неплохо проявляется в трехстороннем сотрудничестве во внешнеполитической сфере, представляют наглядный пример оптимального подхода. И на этом важном и актуальном направлении (как и направлении сотрудничества ученых-политологов трех стран) формат РИК устойчиво содержит хорошие перспективы. Именно в общем русле такого видения можно оценивать итоги 16-го трехстороннего форума РИК в Москве.

По окончании заседаний участников конференции принял заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов, который дал высокую оценку совместной работе ученых-политологов трех стран, ответил на ряд заданных гостями вопросов.

17-я трехсторонняя академическая конференция РИК состоится в 2019 г. Пекине. Соответствующее приглашение участникам московского форума огласил президент КАМП посол Ци Чжэньхун. Оно было принято с благодарностью.

1. Игорь Иванов на сессии Генеральной ассамблеи ООН провел встречу со своими коллегами из Китая и Индии. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 14.09.2002; Foreign Ministers plan official meets. URL: <http://www.thehindu.com/2002/09/16/stories/2002091604171200.htm>
2. Looking for balance in power // The Hindu. 15.12.2017. URL: <http://www.thehindu.com/opinion/lead/looking-for-balance-in-power/article21665570.ecce>
3. Россия — Индия — Китай: продолжение научно-практического диалога // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 11.
4. ИНФО-ТАСС. АИСТ-87. 21.12.1998. URL: <http://www.frontline.in/static/html/fl1601/16010520.htm>
5. Там же.
6. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weo-rept.aspx?sy=1998&ey=2018&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C922%2C534&s=PPPSH&grp=0&a=&pr.x=43&pr.y=10>
7. Ленин В.И. «Лучше меньше, да лучше» // ПСС. Т. 45. М., 1964. С. 403–404.
8. “This is not a formal proposal. It was made in the framework of partnership between the three countries that could bring about greater stability not just in the region but the world”,— Primakov told reporters later in the evening // URL: <http://www.themoscowtimes.com/sitemap/free/1998/12/article/premier-wants-china-india-in-troika/282008.html>
9. Россия — Китай — Индия: новые вызовы и угрозы XXI века // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 16.
10. Там же.
11. Joint Communiqué of the 15th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People’s Republic of China. 2017. December 11. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29171/Joint_Communiq_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China
12. URL: [http://www.russian.xinhuanet.com. 18.07.2006; Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17.07.2006. Санкт-Петербург. URL: \[http://www.kremlin.ru/appears/2006_07/17/2243_type63377_109020.shtml\]\(http://www.kremlin.ru/appears/2006_07/17/2243_type63377_109020.shtml\)](http://www.russian.xinhuanet.com. 18.07.2006; Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17.07.2006. Санкт-Петербург. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006_07/17/2243_type63377_109020.shtml)
13. URL: http://www.mid.ru/kommentarii/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop_up?_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_qrIndex=0
14. Индия, Китай и Россия готовы содействовать безопасности Афганистана. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7250-indija-kitaj-i-rossija-gotovy-sodejstvovat-bezopasnosti-afganistana.html>
15. URL: <https://www.firstpost.com/india/doka-la-standoff-put-severe-strain-on-bilateral-ties-chinese-foreign-minister-wang-yi-tells-sushma-swaraj-4255339.html>
16. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5199>; URL: <http://kremlin.ru/supplement/5219>
17. «...В противостоянии Соединенных Штатов России и Китаю [Америка] стремится любыми путями привлечь Индию на свою сторону, для чего, в частности, реанимирует проект создания «четырёхстороннего альянса», который включал бы в себя США, Японию, Австралию и Индию, и таким образом воспрепятствовал бы тройке Россия — Индия — Китай»,— писал, например, на эту тему один из испанских информационных ресурсов. См.: URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>

Мальдивский кризис в китайско-индийских отношениях: причины и последствия

© 2018

А.В. Куприянов

Политический кризис, разразившийся на Мальдивах в начале февраля 2018 г., поставил под угрозу сложившуюся в Индийском океане сложную систему межгосударственных отношений. Впервые в новейшей истории власти страны, до недавнего времени находившейся в безусловной зоне влияния Индии и не имеющей общей границы с Китаем, в ходе внутривластного конфликта обратились за помощью не к Нью-Дели, а к Пекину. Предпринятый автором анализ кризиса, его причин и возможных последствий позволяет прояснить мотивы действий индийских и китайских политических элит, спрогнозировать дальнейшие шаги КНР и Индии в регионе Индийского океана, а также динамику будущих отношений Пекина и Нью-Дели.

Ключевые слова: Индия, Китай, Мальдивские острова, политический кризис, Индийский океан.

DOI: 10.31857/S013128120000153-9

Начало кризиса

Политический конфликт в Мальдивской республике был вызван действиями Верховного суда страны, единогласно вынесшего 1 февраля 2018 г. два решения: об освобождении из-под ареста ряда оппозиционных политиков и о возвращении мандатов бывшим депутатам от правящей Прогрессивной партии, покинувшим ее ряды. В случае отказа от исполнения этих решений суд пригрозил президенту Абдулле Ямину импичментом. Помимо этого, с проживающего в изгнании бывшего президента Мохамеда Нашида было снято обвинение в незаконном аресте в 2012 г. председателя Уголовного суда страны Абдуллы Мохамеда. После этого Нашид получил право выставить свою кандидатуру на президентских выборах, назначенных на сентябрь 2018 г. На следующий день, 2 февраля, он публично объявил о своем намерении баллотироваться на высший государственный пост¹.

Президент Ямин обвинил судей в попытке государственного переворота. По его приказу полиция заблокировала здание Верховного суда, затем проникла в него и арестовала главного судью Абдуллу Саида и судью Али Хамида. После этого трое оставшихся судей отменили решение об освобождении оппозиционеров и о снятии обвинения с Нашида, хотя оставили в силе положение о возвращении мандатов. В стране было объявлено чрезвычайное положение, был арестован целый ряд оппозиционных политиков, включая бывшего президента Гаюма.

Куприянов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН). E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru.

Происходящее на Мальдивах вызвало резкую реакцию в Нью-Дели, полагающим, что Мальдивская Республика находится в сфере влияния Индии. МИД Индии выпустил специальное заявление, в котором говорилось: «Мы встревожены декларацией о введении режима чрезвычайного положения на Мальдивах, выпущенной после того, как правительство отказалось исполнить единогласное решение полного состава Верховного суда от 1 февраля, а также приостановкой действия конституционных прав народа Мальдив. Арест главного судьи Верховного суда и политических деятелей также является основанием для беспокойства»².

Связи Индии и Мальдив

Мальдивские острова, как свидетельствуют данные археологических раскопок, были заселены выходцами с юга Индостана и со Шри-Ланки. Неудивительно, что на протяжении всей своей истории племенные и государственные образования, существовавшие на Мальдивах, поддерживали тесные экономические и культурные связи с государствами Индостана. В XI веке северные атоллы Мальдивских островов были завоеваны князем Раджараджой I Великим и вошли в состав государства Чола. Традиционные связи между Индией и Мальдивами не прерывались и в колониальный период, когда Мальдивский султанат стал британским протекторатом. Сразу после провозглашения полной независимости Мальдив между Нью-Дели и Мале были установлены дипломатические отношения.

С начала 1970-х годов внешняя политика Мальдив ориентировалась преимущественно на интересы Индии, выбранной Мале в качестве государства-патрона. Этот выбор был обусловлен не только географическими соображениями: Индия не входила ни в один из противоборствующих блоков, являясь в то же время центром силы, способным при необходимости к защите стран-клиентов. Постепенно на Мальдивах сложилось общее восприятие Индии как доброжелательного соседа-гиганта, гарантирующего независимость страны. Видный индийский политолог и политик Шаши Тхарур описывает существовавшие до последних событий отношения между Индией и Мальдивами как «доверительные и свободные от проблем», уподобляя их отношениям Индии с Бутаном³.

Отношения «патрон-клиент», установившиеся между Индией и Мальдивами, хотя и не оформленные формально, как аналогичные отношения между Индией и Бутаном, тем не менее осознавались в этом качестве обоими участниками. Нью-Дели не раз доказывал, что серьезно относится к своим обязанностям патрона. В 1988 г. после того, как боевики Фронта освобождения Тамил-Илама высадились на островах и взяли под контроль столицу страны Мале, президент Мальдив Абдул Гаюм обратился к Индии за помощью. В страну в рамках операции «Кактус» были немедленно переброшены индийские войска, ликвидировавшие мятеж и восстановившие порядок. Последним по времени примером подобной демонстрации можно считать оказание помощи Мале в 2014 г., когда в столице возник кризис с водой⁴.

В свою очередь, президент Абдул Гаюм провозгласил политику «Индия — первым делом» (India First). По мнению мальдивских властей, отношения между Мальдивской Республикой и Индией должны были выстраиваться по образцу и подобию отношений Финляндии и СССР в послевоенный период⁵. «Финляндизация» мальдивской политики означала, что Мале фактически признает приоритет интересов Индии над национальными. В первую очередь это касалось вопросов безопасности, которые для Нью-Дели являются крайне чувствительными.

Интересы Индии на Мальдивах

Ценность Мальдивских островов для Индии определяется, прежде всего, их географическим положением. Острова расположены неподалеку от ключевого мар-

шрута, по которому нефть из стран Персидского залива идет в Восточную Азию, прежде всего в Китай. Как следствие контроль над Мальдивами означает по сути контроль над этим маршрутом. Для Индии, таким образом, военное и политическое присутствие на Мальдивских островах представляет стратегический актив, позволяющий при необходимости оказать давление на КНР. Помимо этого, дружественные отношения с Мальдивской Республикой позволяют Индии обеспечивать свои интересы на северо-западе Индийского океана.

Мальдивское правительство со своей стороны заинтересовано в сотрудничестве с Индией в сфере безопасности, чтобы избежать инцидентов наподобие того, что имел место в 1988 г., и сдерживать рост исламского радикализма на островах. Эти соображения подтолкнули Мале в 2011 г. к заключению с Нью-Дели договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве⁶.

Согласно подписанным между Мале и Нью-Дели в 2009 г. соглашениям на Мальдивских островах на постоянной основе дислоцируются два индийских вертолета, индийская береговая охрана имеет право на регулярные пролеты разведывательных самолетов над островами с целью отслеживания подозрительных перемещений судов⁷. С 2009 г. Индия и Мальдивы проводят совместные учения Ekuverin, на которых отрабатываются действия антитеррористических подразделений в районах городской застройки.

Кроме того, в соответствии с индийско-мальдивскими договоренностями на мальдивских атоллах должны быть развернуты 10 радаров, которые планируется включить в состав единой сети берегового наблюдения (CSRS) из 45 радарных станций⁸. В 2016 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди и президент Абдулла Ямин подписали двусторонний План действий по вопросам обороны, который, как заявил Моди, демонстрирует «понимание Индией своей роли как поставщика безопасности в регионе»⁹.

С экономической точки зрения Мальдивы, с их небольшим внутренним рынком, не представляют для Индии значительного интереса, за исключением ключевого туристического сектора. При этом индийский бизнес на Мальдивских островах, входящих в сферу ближнего экономического соседства Индии, до последнего времени чувствовал себя достаточно уверенно.

С учетом перечисленных факторов неудивительно, что Мальдивская Республика входит во все оборонные и экономические инициативы, реализуемые Индией.

Ситуация меняется

Вплоть до 2008 г. соблюдение индийских интересов на Мальдивах гарантировал президент Абдул Гаюм, бессменно руководивший страной с 1978 г. и обязанный Индии сохранением своего поста в 1988 г. Однако в 2008 г. на первых прямых президентских выборах Гаюм проиграл оппозиционному кандидату Мохамеду Нашиду. Невзирая на уход от власти заведомо лояльного лидера государства, Индия приветствовала победу Нашида и заявила о готовности работать с новым руководством Мальдив¹⁰.

Однако после своей победы на выборах Нашид взял курс на диверсификацию внешней политики, разрешив открыть в Мале посольство КНР. Кроме того, он начал активно привлекать в страну китайских инвесторов и туристов. Тем не менее ему удавалось сохранять хорошие отношения с Индией — прежде всего потому, что он не ставил под сомнение индийские интересы в сфере безопасности.

В 2012 г. в результате народных протестов Нашид вынужден был подать в отставку, позже он был арестован и освобожден лишь благодаря индийскому вмешательству. Его преемник, бывший вице-президент Мохаммед Вахид Хасан, был приведен к присяге в качестве главы государства, но в 2013 г. проиграл выборы родственнику бывшего президента Гаюма — Абдулле Ямину, выдвинутому Прогрессивной партией. Сразу после победы на выборах, как утверждает индийский политик Шаши Тхарур, занимавший

в то время пост госминистра развития человеческих ресурсов, Ямин и все члены его кабинета дали ему личное обещание сохранить особые отношения с Индией¹¹.

Однако при Ямине Мальдивы еще больше диверсифицировали свою внешнюю политику, активнее развивая отношения с другими странами, в частности, с Саудовской Аравией. Однако особое внимание уделялось укреплению экономических связей с КНР, с 2014 г. обогнавшей ЕС по числу туристов, отдыхающих на Мальдивах. В 2014 г. Мальдивские острова по приглашению президента Ямина посетил председатель КНР Си Цзиньпин, подписавший ряд соглашений о развитии сотрудничества¹². Ради улучшения отношений с Пекином мальдивские власти пошли на нарушение ранее данных обязательств, разорвав договор с индийской компанией GMR Infrastructure Limited о строительстве аэропорта Мале и передав его китайской государственной компании.

При этом, невзирая на подобные недружественные акции и сближение с КНР, вызывающее тревогу в Нью-Дели, Мохамед Ямин неоднократно заявлял, что продолжает придерживаться политики India First и считает Индию ближайшим другом и союзником Мальдив. Последний по времени период охлаждения двусторонних отношений перед кризисом можно датировать декабром 2017 г., когда в ходе четырехдневного визита в Пекин президент Ямин подписал соглашение о создании зоны свободной торговли между Мальдивской Республикой и КНР. Значение этого документа трудно переоценить — Мальдивы стали второй южноазиатской страной после Пакистана, заключившей договор о ЗСТ с Китаем. В соответствии с ним таможенные тарифы на 95% товаров будут полностью сняты¹³. По подсчетам министерства экономического развития Мальдив, этот шаг обойдется стране в 4 млн долларов в течение 2018 г., но эта сумма многократно окупится за счет прихода в мальдивскую экономику китайских инвестиций и повышения турпотока, а также расширения экспортных возможностей для мальдивской рыболовецкой индустрии, страдающей от отсутствия доступа ко внешним рынкам. В свою очередь мальдивская сторона обязалась предоставить китайским инвесторам возможность управления отелями, ресторанами, туристическими и транспортными агентствами. По подсчетам мальдивских властей, заключение соглашения о ЗСТ и привлечение китайских инвестиций позволит увеличить число туристов с 1,5 млн до 7–8 млн в год. Помимо этого, Ямин подписал меморандум о взаимопонимании, тем самым заявив о присоединении Мальдив к проекту Морской Шелковый путь XXI века, инициативу создания которого он поддержал еще в 2013 г.¹⁴

В то время как часть правящих элит поддержала прокитайский курс Ямина¹⁵, подписание соглашения о ЗСТ вызвало жесткую критику со стороны оппозиции, в первую очередь Демократической партии Мальдив бывшего президента Нашида. Оппозиционные депутаты указали, что, несмотря на их неоднократные запросы, им так и не предоставили доступ к проекту соглашения о ЗСТ; сама процедура одобрения парламентом законопроекта о ЗСТ была проведена с многочисленными нарушениями. Помимо этого, как заявил Мохамед Нашид, правительство Ямина загнало страну в китайскую долговую ловушку. В настоящий момент, по данным бывшего президента, КНР владеет более 70% мальдивских внешних долговых обязательств, на выплату процентов по займам уходит более 20% бюджета Мальдив¹⁶. По мнению Нашида, Китай разыгрывает на Мальдивах «шриланкийский сценарий»: рано или поздно власти Мальдив, оказавшись не в силах выплатить огромные долги, вынуждены будут принять любые китайские требования — от предоставления портов в аренду на неограниченный срок до политических акций в поддержку Пекина.

Действия и риторика Ямина, публично назвавшего Китай «одним из ближайших друзей, самых доверенных и надежных партнеров Мальдив», вызвали в Нью-Дели возмущение, тем большее, что ранее мальдивский президент обещал, что первым делом заключит договор о ЗСТ с Индией, а уже затем с Китаем. Отношения между Нью-Дели

и Мале заметно ухудшились. В январе 2018 г. появились первые признаки нормализации, но процесс очередного потепления был прерван политическим кризисом.

Хотя власти КНР изначально заявляли, что преследуют на Мальдивах сугубо экономические интересы, Нью-Дели подозревает Пекин в стремлении утвердиться в зоне индийского влияния, рассматривая усиление китайского присутствия на Мальдивах как очередной шаг в реализации стратегии «Жемчужной нити», подрывающей безопасность Индии¹⁷.

Соблазн силового вмешательства

Стремительное развитие политического кризиса потребовало от Нью-Дели немедленной реакции. Вариантов действий у правительства Нарендры Моды было всего два: силовое вмешательство либо политическое и экономическое давление на Мале.

К первому варианту действий Нью-Дели подталкивала мальдивская оппозиция. В частности, бывший президент страны Мохаммед Нашид, находившийся в тот момент в Коломбо, опубликовал в своем микроблоге в Twitter призыв к Индии немедленно вмешаться в ситуацию, направив на острова спецпосланника и гарантировав ему силовую поддержку. Позже Нашид повторил этот призыв в колонке, опубликованной в газете The Indian Express.

В том же ключе выступили многочисленные «ястребы» в экспертных и политических кругах. К примеру, бригадир в отставке Румел Дахийя, занимающий пост заместителя директора одного из влиятельных индийских мозговых центров — Института оборонных исследований и анализа (IDSA), действующего в интересах Министерства обороны Индии, прямо заявил в программной статье: «Ждать, пока не прольется кровь и не появится формальный повод для вмешательства — неверный выбор. Уже прошло достаточно времени, чтобы провести все необходимые консультации с ключевыми партнерами — Шри-Ланкой и другими соседями, а также с ООН, ЕС, США и Россией. Пришло время действовать. Наилучшим выходом будет предоставить Ямину выбор: восстановить ситуацию по состоянию на 31 декабря и подчиниться решению Верховного суда в соответствии с Конституцией страны в течение 96 часов, или столкнуться с последствиями... Если мы оставим ситуацию без внимания, она может перерасти в серьезный кризис»¹⁸.

В поддержку интервенции выступили и некоторые круги в правящей партии БДП. В частности, один из влиятельных функционеров Яшвант Синха назвал происходящее на Мальдивах «угрозой национальной безопасности Индии» и призвал немедленно действовать. Он заявил, что китайцы уже заняли 18 мальдивских островов, и обвинил правительства ИНК и БДП в том, что их бездействие привело к превращению Мальдив во враждебную страну, ни во что не ставящую мнение Индии¹⁹.

У правительства Моды имелась необходимая идеологическая база для силовых действий. В апреле 2015 г. БДП приняла новую внешнеполитическую программу — «панчамрит», призванную заместить «панчшил», которой Индия придерживалась еще со времен Неру. Из новой программы исчезли пункты о невмешательстве во внутренние дела других государств и взаимном уважении территориальной целостности, зато появились принципы «саммана» — «чести, достоинства» и «суракши» — «безопасности». При желании действия мальдивского правительства можно было трактовать как нарушение этих двух принципов. Определенную вероятность силового развития событий в предположениях иностранных и местных экспертов придавал и тот факт, что ранее правительство Моды уже прибегало к вооруженной акции для защиты национальных интересов, нанеся в сентябре 2016 г. в ответ на террористическую атаку на штаб бригады в Ури «хирургические удары» по территории Пакистана, приведшие к гибели пакистанских военнослужащих.

Этот вариант, судя по всему, рассматривался правительством Моди: в первые дни кризиса индийская пресса сообщила о развертывании на базе Йселаханка неподалеку от Бенгалуру 400–600 бойцов сил специального назначения, готовых к переброске на Мальдивы²⁰. Никаких препятствий технического свойства для проведения операции не было: небольшая мальдивская армия вряд ли оказала бы серьезное сопротивление, учитывая тесное сотрудничество с индийскими вооруженными силами, наличие проиндийски настроенных офицеров в руководстве и общую бесперспективность сопротивления при отсутствии поддержки извне. Неясно, впрочем, насколько Моди действительно был готов пойти на интервенцию и не были ли сообщения прессы заранее организованной утечкой, призванной продемонстрировать серьезность намерений Нью-Дели.

Однако этот вариант так и не был реализован. Ключевую роль, по всей видимости, сыграли два соображения. Прежде всего, само по себе применение силы Индией наряду с очевидными положительными последствиями (демонстрация готовности применить силу для защиты национальных интересов в своей зоне влияния) повлекло бы за собой и массу отрицательных, оно нанесло бы удар по имиджу Индии как миролюбивого регионального лидера, уважающего суверенитет соседей и гарантирующего им защиту от китайской экспансии. Этот образ индийское руководство выстраивало не один год. Сделать это было тем сложнее, что общее превосходство Нью-Дели в политической, военной и экономической сферах над странами непосредственного соседства вызывало у них естественную реакцию отторжения, преодолеть которую индийской дипломатии удалось лишь благодаря строгому соблюдению принципа невмешательства во внутренние дела (во всяком случае, в открытую), подчеркнуто осторожному отношению к вопросам суверенитета малых стран, применению «мягкой силы» и крупным инвестициям. В случае интервенции на Мальдивы Индия потеряла бы этот кредит доверия, продемонстрировав, что ничем не отличается от КНР, которую сама же критикует за империалистические замашки.

Кроме того, важную роль сыграли соображения международной законности. В отличие от операции «Кактус», в данном случае отсутствовал формальный повод для интервенции: если в 1988 г. с просьбой о вмешательстве к Нью-Дели обратился законно избранный президент Гаюм, то сейчас к интервенции призывал бывший президент, отстраненный от власти в 2012 г., пусть и с возможным нарушением демократических норм.

Ко всему прочему интервенции не благоприятствовала внешнеполитическая обстановка. В августе—сентябре 2016 г., в разгар конфликта с Пакистаном, Индии удалось мобилизовать в свою поддержку часть мирового сообщества — не в последнюю очередь благодаря тому, что дипломатическое наступление на Пакистан было заранее подготовлено и предпринято во время открытия 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При этом попытка дипломатической блокады Пакистана провалилась. В условиях неожиданно возникшего кризиса на Мальдивах, к которому Индия не была готова, попытка дипломатического наступления в поддержку силовой акции неминуемо окончилась бы провалом.

Отказ от интервенции

В итоге индийские власти выбрали второй вариант, предпочтя меры политического и экономического давления прямой интервенции. При этом Индия продемонстрировала, что не намерена смягчать свою позицию, демонстративно отказавшись принять главу МИД Мальдивской Республики Мохаммеда Асима, направленного президентом Ямином в Нью-Дели и Исламабад для разъяснения его позиции.

Политическое наступление на мальдивские власти должно было осуществляться через международные организации. В частности Индия предложила направить на Мальдивы спецкомиссию ООН, которая провела бы расследование событий начала

февраля, обеспечила постоянное наблюдение за развитием ситуации и побудила бы Абдуллу Ямина отменить чрезвычайное положение и восстановить демократические нормы²¹. В русле этих усилий лежала и озабоченность условиями содержания арестованных судей и оппозиционных политиков, выраженная правозащитными организациями. Кроме того, Индия призвала все заинтересованные страны оказать поддержку задержанным через свои судебные органы.

Стремясь надавить на экономику Мальдивской Республики, Индия рекомендовала своим гражданам не посещать острова и призвала другие страны к аналогичным мерам. Вольно или невольно подобные неявные экономические санкции против Мальдив, где туризм является одной из лидирующих отраслей экономики, поддержал ряд государств, рекомендовавших туристам избегать посещения островов. Россия в данном случае заняла взвешенную позицию, рекомендуя туристам «тщательно обдумывать целесообразность путешествий на Мальдивы».

Подобные мягкие варианты, пусть и не столь разрушительные для имиджа государства, тем не менее влекут за собой неизбежные негативные последствия. В условиях давления извне властям проще сплотить вокруг себя население страны; экономические карательные меры, как правило, приводят к ухудшению отношения населения страны к державе, вводящей их. В качестве примера можно привести Непал, где введенная Нью-Дели экономическая блокада привела к резкому росту индофобии, падению престижа партий, выступающих за дружбу и сотрудничество с Индией, и росту прокитайских настроений.

Избежать подобного развития ситуации удастся в том случае, если на мальдивских президентских выборах в сентябре 2018 г. победит проиндийский кандидат, для чего Индии придется приложить определенные усилия, договорившись с мальдивскими военными и полицейскими о невмешательстве и консолидировав оппозицию. Опыт подобных акций у индийских спецслужб и внешнеполитического ведомства уже есть: по заявлению бывшего президента Шри-Ланки, именно благодаря тому, что индийцы реализовали этот сценарий, он проиграл выборы. Однако реализация этого варианта затрудняется двумя соображениями: во-первых, на данный момент отсутствует широко известный кандидат, занимающий проиндийскую позицию (Нашида, даже если его допустят до выборов, таковым можно считать достаточно условно: в свое время он поощрял политическое и экономическое проникновение Китая на Мальдивы). Во-вторых, в условиях напряженных отношений между странами проведение подобной операции столкнется с дополнительными трудностями.

Позиция Китая

Китай с самого начала кризиса занял осторожную позицию. Пекин выступил категорически против любого внешнего вмешательства в ситуацию, что фактически означало поддержку Ямина, контролировавшего обстановку в стране. При этом, когда Ямин призвал КНР «защитить свои инвестиции» (то есть, по сути к вооруженному вмешательству в случае угрозы китайским вложениям), Пекин заявил, что уверен в способности мальдивских властей защитить жизнь и здоровье китайских граждан, а также имущество китайских компаний, тем самым фактически отказавшись от возможной интервенции.

В целом внешнеполитическую позицию, занятую КНР, можно охарактеризовать как исключительно сдержанную. Пекин продемонстрировал нежелание втягиваться в конфронтацию с Индией из-за Мальдив и не предпринял никаких шагов по обострению обстановки на спорных участках индийско-китайской границы, китайская пресса также вела себя достаточно спокойно. Показательна ее реакция на сообщения индийских СМИ о строительстве китайской станции морского наблюдения на атолле Макупулу, которая бы позволяла китайцам вести наблюдения за прохождением кораблей по основно-

му маршруту из Персидского залива в Восточную Азию²². Англоязычная *Global Times* немедленно выступила с ответной статьей, в которой со ссылкой на китайских экспертов указывалось, что станция не будет использоваться в военных целях²³.

Наиболее резкое заявление, прозвучавшее в англоязычной китайской прессе, было сделано на страницах той же *Global Times*. В редакционной статье, опубликованной 12 февраля, вскоре после того, как стало ясно, что Индия отказалась от интервенции, говорилось: «В сложной ситуации, которая сложилась в Мале, Индии следует демонстрировать сдержанность... Происходящее — внутреннее дело Мальдив, и Китай твердо выступает против любого внешнего вмешательства. Более того, Китаю следует предпринять необходимые меры, чтобы остановить Индию, если та решится на силовое вмешательство... Без одобрения ООН ни одни вооруженные силы не имеют законного права вторгаться куда-либо. Китай не вмешивается во внутренние дела Мальдив, но это не означает, что Пекин будет сидеть и спокойно ждать, глядя, как Нью-Дели нарушает этот принцип. Если Индия решится в одностороннем порядке отправить войска на Мальдивы, Китай предпримет действия, чтобы остановить Нью-Дели. Индии не следует недооценивать сопротивление Китая любой односторонней военной интервенции». При этом в той же статье указывалось, что Китай не намерен оспаривать право Индии на сферу влияния²⁴.

Отчасти нежелание Китая вмешиваться в ситуацию (за исключением публикации в *Global Times*, которая вполне могла быть истолкована как мнение редакции) объясняется практической невозможностью оперативно оказать Мальдивам военную помощь. В этой ситуации руководство КНР предпочло демонстрировать миролюбие, чтобы позволить Ямину удержаться у власти и не дать Индии повод для силового вмешательства.

Реакция ООН и третьих стран

КНР оказалась единственной страной в мире, открыто поддержавшей Ямина. Часть международного сообщества, включая европейские страны, выступила с осуждением действий мальдивского президента.

В целом неодобрительную позицию заняла ООН. Так, 6 февраля Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш выразил серьезную обеспокоенность происходящим на Мальдивах, в частности, введением чрезвычайного положения. Он призвал правительство Мальдив придерживаться Конституции и принципа верховенства права, отменить чрезвычайное положение так скоро, как это будет возможно, и принять все необходимые меры, чтобы обеспечить безопасность населения страны, включая членов судебного корпуса²⁵. В сложившихся условиях этот призыв, по сути, играл на руку противникам президента Ямина. Принц Зейд Раад аль-Хусейн, комиссар ООН по правам человека, выступил с открытым осуждением действий Ямина, обвинив действующего президента в узурпации власти и «открытой атаке на демократию».

Тем не менее Совет Безопасности ООН на заседании 8 февраля воздержался от каких-либо мер, выразив лишь озабоченность происходящим²⁶. Единственным итогом этих заявлений стал ряд демаршей со стороны мальдивского президента: Ямин отверг предложения Гутерреша о посредничестве в урегулировании кризиса и отказался встречаться с посланцами ЕС, Великобритании и Германии.

Вашингтон вообще не стал высказывать свою позицию по мальдивскому вопросу, устранившись от его решения. 9 февраля мальдивский кризис наряду с другими вопросами обсуждался во время телефонного звонка Дональда Трампа Нарендре Моди. В заявлении по итогам беседы говорилось, что «индусы выразили беспокойство по поводу политического кризиса на Мальдивах и подчеркнули важность уважения демократических институтов и верховенства права».

Пакистан, на поддержку которого Абдулла Ямин возлагал определенные надежды, достаточно холодно отреагировал на сообщение о введении чрезвычайного положения, призвав президента Ямина к мирному разрешению конфликта. Более того, премьер-министр Аббаси по итогам переговоров с мальдивским министром иностранных дел Асимом отказался от официального визита на Мальдивы, который мог быть воспринят как поддержка курса Ямина. Не последнюю роль в этом сыграл собственный негативный опыт Пакистана: в 2007 г. аналогичным образом действовал президент Первез Мушарраф, приостановивший действие конституции после конфликта с Верховным судом. Сейчас этот шаг Мушаррафа трактуется в Пакистане крайне негативно, и очевидно, что поддержать Ямина, действующего в том же русле, Исламабад не мог.

Из сложившейся ситуации наибольшую пользу извлекли Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, существенно укрепившие свои позиции на Мальдивах во время президентства Ямина. Они предоставили Мальдивам гуманитарную помощь, а также объявили о предоставлении гранта в размере 160 млн долл. на проекты развития. Эти деньги должны предоставить Саудовский фонд развития и Фонд развития Абу-Даби, причем в заявлении, размещенном на сайте президента Мальдив 18 февраля, специально указывалось, что эти деньги будут перечислены на поддержку «Мальдив и братского мальдивского народа»; деньги пойдут на строительство аэропорта и развитие рыболовецкого сектора²⁷. Отдельно указывалось, что Саудовская Аравия и ОАЭ призывают к мирному разрешению кризиса без участия внешних держав.

Перспективы индийско-китайских отношений в свете уроков мальдивского кризиса

Политический кризис на Мальдивах продолжается и вряд ли будет урегулирован до объявления результатов президентских выборов, но уже можно сделать первые выводы.

В зарубежных и отечественных аналитических статьях, научных и научно-популярных работах любые пересечения интересов Индии и Китая в спорных районах рассматриваются через призму борьбы Нью-Дели и Пекина за сферы влияния. При этом любые действия сторон трактуются в логике индийско-китайского противостояния, обрекающей Индию и Китай на игру с нулевой суммой.

Между тем, как показывает пример Мальдивского кризиса, логика индийско-китайского взаимодействия совершенно иная. Ни Индия, ни Китай на данном этапе не заинтересованы в крупномасштабной эскалации, которая неминуемо повлечет непредсказуемые риски и ограничит возможность внешнеполитического маневра.

Ни для Индии, ни для Китая противостояние друг с другом не является ключевой задачей внешней политики. Индии нужно обеспечить безопасность своего периметра, Китаю — продолжение экономического роста, для чего требуется гарантировать бесперебойное поступление энергоресурсов. Эти цели в принципе не противоречат друг другу, и основной проблемой в двусторонних отношениях является глубоко укоренившееся взаимное недоверие.

Судя по всему, и в Нью-Дели, и в Пекине осознают эту проблему. Отношения двух стран, заметно ухудшившиеся после кризиса на плато Доклам, сейчас, после острой фазы мальдивского кризиса, вопреки прогнозам ряда аналитиков и политологов, заметно потеплели. Так, 23 февраля Виджай Гокхале, только что назначенный секретарем по иностранным делам Индии, прилетел в Китай, где встретился с заместителем главы МИД КНР Кун Сюанью, а также провел телефонные переговоры с министром иностранных дел КНР Ван И и Ян Цзечи. Переговоры прошли удачно. «Обе стороны признали необходимость создания различных механизмов диалога, чтобы обеспечить многогранное сотрудничество в различных областях взаимодействия между Индией и Китаем, — говорится в итоговом заявлении. — Обе стороны подчеркивают, что заметное улучшение от-

ношений между такими крупными странами, как Китай и Индия, послужит фактором стабильности в сегодняшнем мире». На этих переговорах Нью-Дели и Пекин договорились обеспечить «стратегическое взаимное доверие»²⁸.

Две недели спустя глава МИД Китая Ван И заявил: «Китайский дракон и индийский слон должны не сражаться, а танцевать друг с другом. Если мы добьемся политического доверия, даже Гималаи не смогут помешать нашей дружбе»²⁹.

Таким образом, мальдивский кризис стал для Индии и Китая своего рода проверкой на умение найти компромисс в ситуации, когда под угрозой оказываются интересы обеих стран в ключевых сферах (безопасности — для Индии, экономики — для Китая). Судя по действиям сторон в условиях кризиса, и Пекин, и Нью-Дели сознают опасность эскалации и предпочитают диалог войне даже в случае вторжения в сферу своих интересов в регионе Индийского океана.

1. Maldives ex-leader Mohamed Nasheed to contest elections. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-42922869>
2. Maldives Supreme Court revokes order to free prisoners. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/maldives-supreme-court-revokes-order-to-free-prisoners/articleshow/62810314.cms>
3. *Tharoor Sh.* Pax Indica. India and the World on 21st century. New Delhi: Allen Lane, 2012. P. 108.
4. *Scott D.* Making Sense of Modinomics // Modi and the World. The Ring Inside Out. New Delhi: Bloomsbury, 2016. P. 6.
5. *Paul T.V.* State Capacity and South Asia's Perennial Insecurity Problems // South Asia's weak states: understanding the regional insecurity predicament. Stanford: Stanford University Press, 2010. P. 24.
6. *Mohan Raja C., Manthan Samudra.* Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013. P. 145.
7. *Brewster D.* India's Ocean. The story of India's bid for regional leadership. London: Routledge, 2014. P. 59.
8. К настоящему моменту из запланированных к постройке 10 радаров готовы только 3, причем последний вошел в строй в 2015 г. Достройка остальных радаров приостановлена в связи с политическим кризисом. Подробнее см.: Indian project to set up Navy radars in Maldives under cloud. URL: <http://www.newindianexpress.com/nation/2018/feb/18/indian-project-to-set-up-navy-radars-in-maldives-under-cloud-1774990.html>
9. India, Maldives sign pact to expand defence cooperation. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-maldives-sign-pact-to-expand-defence-cooperation/articleshow/51779405.cms>
10. *Tharoor Sh.* Op. cit. P. 109.
11. Ibid. P. 108.
12. President of China arrives in the Maldives on a State Visit. URL: <http://www.presidencymaldives.gov.mv/Index.aspx?lid=11&dcid=14802>
13. China and Maldives Concludes the Free Trade Agreement Negotiations. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201709/20170902646749.shtml>
14. *Scott D.* Op. cit. P. 5.
15. *Mohan Raja C.* Modi's World. Expanding India's Sphere of Influence. New Delhi: Harper Collins Publishers India, 2015. P. 165.
16. China FTA undermines Maldives' sovereignty, bad for region: Former Prez Nasheed. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/south-asia/china-fta-undermines-maldives-sovereignty-bad-for-region-former-prez-nasheed/articleshow/61906756.cms>
17. *Dwivedi M., Chakravarty D.* Internal Security Threats to South Asia. New Delhi: Kalpaz Publications, 2013. P. 191.
18. *Dahiya R.* Maldives Needs Help Now and India Alone Can Provide it. URL: https://idsa.in/idsacomments/maldives-needs-help-now-and-india-alone-can-provide-it_rdahiya_090218

19. India should not remain mute spectator: Yashwant Sinha on Maldives crisis.
URL: http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/62873784.cms.utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
20. Maldives Crisis Spirals: Indian Tanks, Special Forces on Standby. URL: <https://www.thequint.com/news/india/maldives-crisis-spirals-indian-tanks-special-forces-on-standby>
21. India pushes for UN mission to visit Maldives. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-pushes-for-un-mission-to-visit-maldives/articleshow/62857173.cms>
22. China's ocean observatory in Maldives sparks fresh security concerns.
URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/chinas-ocean-observatory-in-maldives-sparks-fresh-security-fear/articleshow/63072040.cms>
23. Chinese marine observatory in Maldives not for military: analysts. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1091028.shtml>
24. Unauthorized military intervention in Malé must be stopped. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1089435.shtml>
25. Secretary-General Seriously Concerned about Security Situation in Maldives.
URL: <https://www.un.org/press/en/2018/sgsm18885.doc.htm>
26. UN Security Council told Maldives crisis may get worse. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/un-security-council-told-maldives-crisis-may-get-worse/articleshow/62844797.cms>
27. Saudi Arabia and the United Arab Emirates Issues a Statement on the Current Political Issues in the Maldives. URL: <http://www.presidencymaldives.gov.mv/Index.aspx?lid=11&dcid=18823>
28. Vijay Gokhle discusses bilateral ties with top Chinese officials.
URL: <http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/63058712.cms>
29. China, India should build ties, resolve differences through mutual trust, Beijing says.
URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2136421/china-india-should-build-ties-resolve-differences>

Контур безопасности для Большого евразийского партнерства

© 2018

В.Е. Петровский

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам обеспечения региональной безопасности для формирующегося Большого евразийского партнерства (БЕП). Поскольку оно создается на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояса и пути», то существующие механизмы региональной безопасности в Евразии, включая ШОС, а также возможности частных военных и охранных компаний, могут быть использованы для обеспечения безопасности этих проектов.

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство, Шанхайская организация сотрудничества, региональная безопасность, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, частные военные и охранные компании.

DOI: 10.31857/S013128120000154-0

В наши дни становится все более общепринятым понимание того, что обеспечение безопасности не должно строиться на изоляции от проблемы развития и базироваться лишь на защите объекта безопасности от угроз и негативных воздействий. Новая философия выживания и безопасности должна соединять в одно целое развитие и обеспечение безопасности, т.е. обеспечивать безопасность через устойчивое развитие.

В последние годы растет всеобщий интерес к концепциям безопасности личности и человеческого развития, которые, в отличие от традиционных концепций безопасности, ставят в центр внимания проблемы выживания и безопасности человека, обеспечения его прав, создания условий для достойного человеческого развития.

Концепции безопасности личности и человеческого развития актуальны для Евразии и стран АТР в плане противодействия новым вызовам и угрозам невоенного характера, а также для обоснования более широкого, целостного подхода к обеспечению региональной безопасности. В рамках такого подхода механизмы региональной безопасности в Евразии, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), могли бы быть также использованы, в случае необходимости, для защиты внутренней социально-политической стабильности стран-членов и обеспечения безопасности в ходе реализации масштабных проектов экономической интеграции и торгово-экономического сотрудничества.

К ним, прежде всего, относятся российский проект Большого евразийского партнерства (БЕП) и масштабная китайская Инициатива пояса и пути (ИПП). Наиболее очевидным воплощением активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии и регионе Центральной Азии является сухопутная часть ИПП — Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), одно из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. В случае своей

реализации этот проект коренным образом изменит геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии.

Инициатива пояса и пути открывает новые возможности развития для стран Евразии, а также является новым вызовом для России и Китая: от их способности координировать свои усилия и укреплять сотрудничество в конечном счете зависит успех ЭПШП.

Российская инициатива Большого евразийского партнерства (БЕП), сформулированная В.В. Путиным в декабре 2015 г., предполагала запуск консультаций по формированию экономического партнерства между государствами — членами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС. В 2016–2017 гг. концепция неоднократно обсуждалась на различных многосторонних дискуссиях и в экспертной среде, став, по сути, флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции¹.

В ноябре 2017 г. российский президент предложил формировать БЕП на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь»². В настоящее время сопряжение интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом проекта формирования БЕП, который, по сути, уже осуществляется полным ходом.

В конце 2013 — начале 2014 г. руководство КНР приняло решение сделать акцент на сухопутной составляющей ИПП, что повысило для Пекина значимость участия в проекте государств Центральной Азии и России и послужило объективной основой укрепления отношений и формирования новой архитектуры безопасности на Евразийском пространстве.

Позиция России в отношении создания единого пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока и декларируемая ИПП необходимость укрепления политического взаимопонимания и совместной борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности, а также провозглашаемое ею «сообщество единой судьбы» позволяют решать и эту проблему, более плотно привязав к Китаю и России сопредельные страны и тем самым расширив стратегическое пространство безопасности. Объединив усилия, Китай и Россия смогут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка. Причем не только на региональном уровне (АТР и Евразия), но и на глобальном, о чем свидетельствует присоединение к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ) практически всех союзников США³.

При этом следует отметить, что не только ЭПШП, но и ИПП в целом имеет непосредственное отношение к обеспечению комплексной безопасности в Евразии и АТР. Как говорится в обнародованной в 2015 г. Голубой книге КНР по вопросам нетрадиционной безопасности, ИПП призвана обеспечивать нижеследующие интересы:

- защита экономической безопасности Китая;
- обеспечение энергетической безопасности путем создания альтернативных маршрутов поставок энергоносителей;
- укрепление пограничной безопасности путем развития Северо-Западных регионов КНР;
- противодействие силам «трех зол» внутри и вовне Китая с помощью экономического развития и роста благосостояния;
- смягчение негативных последствий геополитических построений США и Запада;
- создание новой международной системы безопасности, которая укрепляла бы комплексную национальную мощь и мягкую силу Китая⁴.

Предложенная КНР в 2014 г. Новая концепция безопасности в Азии также выходит за рамки традиционной военной безопасности. Она предлагает комплексный подход к обеспечению безопасности на основе развития, экономической взаимосвязанности и строительства инфраструктуры. Сотрудничество в данных сферах и экономическая взаимозависимость призваны снижать политическое недоверие между соседними государствами, укрепляя дух безопасности на основе сотрудничества между ними и Китаем. В то же время развитие ИПП (и ЭПШП в первую очередь) само по себе является существен-

ным стабилизирующим фактором в сфере безопасности и может привести к модификации традиционной дипломатии невмешательства, побуждая Китай расширять свое военно-политическое присутствие в странах, вовлеченных в Инициативу.

Как подчеркивал в этой связи И. Денисов, ЭПШП призван сыграть двоякую роль в решении проблемы исламского экстремизма. Во-первых, он позволит создать в СУАР производственные и логистические центры и прочие структуры, завязанные на сотрудничество с соседними странами Центральной Азии, придаст стимул экономическому развитию автономного района, будет способствовать росту занятости и благосостояния населения, и, следовательно, предотвратит этнические конфликты между уйгурами и ханьцами. Во-вторых, связка вопросов развития и безопасности будет реализована и по другую сторону границы через повышение взаимосвязанности (connectivity) и общий экономический подъем в Центральной Азии, что считается эффективным лекарством против любых проявлений экстремизма и терроризма⁵.

ИПП порождает новые риски для безопасности китайской рабочей силы и инвестиций в рамках расширения китайского экономического присутствия за рубежом. Нестабильность в некоторых регионах Евразии при реализации ЭПШП может побуждать китайские силы безопасности расширять свое присутствие и операции в других странах. Китай готовится к этому, о чем свидетельствует, в частности, ст. 71 Закона о борьбе с терроризмом от 2015 г., санкционирующая контртеррористические операции НОАК и Народной вооруженной милиции КНР за рубежом⁶.

Как отмечают авторы подготовленного в Стокгольмском институте исследований проблем мира (SIPRI) аналитического доклада, в настоящее время Китай полагается в защите своих зарубежных интересов в основном на местные вооруженные силы или вооруженные силы других государств (например, России в некоторых странах Центральной Азии). В будущем в этих целях могут более активно использоваться частные военные компании. Также, в виде упреждающих мер, китайское правительство может пойти на расширение и углубление двустороннего и многостороннего военного сотрудничества с некоторыми странами.

На экспертно-аналитическом уровне предлагаются новые парадигмы сотрудничества в сфере безопасности со странами, вовлеченными в ИПП, включая создание новых глобальных систем раннего оповещения и превентивных мер для противодействия угрозам безопасности, а также международного сотрудничества в разведывательной деятельности и в сфере противодействия нетрадиционным угрозам безопасности, таким, как международный терроризм. Созданная в 2004 г. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС является примером уже действующего механизма подобного рода. Однако Китай стремится к созданию и других многосторонних партнерств, таких, как учрежденный в августе 2016 г. четырехсторонний механизм координации и сотрудничества между вооруженными силами Китая, Пакистана, Афганистана и Таджикистана⁷.

Россия изначально связывала свое участие в ЭПШП с некоторыми существенными аспектами региональной безопасности. Так, еще на ранней стадии обсуждения ЭПШП ректор МГИМО (У) МИД РФ академик А.В. Торкунов задавался вопросом:

«Какие усилия будут предприняты Китаем, чтобы провести новый Шелковый путь через регионы, чаще именуемые «дугой нестабильности»? Эти вопросы заставляют логично увязывать российскую позицию в отношении китайского проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути» с необходимостью для Пекина гарантировать безопасное развитие региона. Это в существенной степени обеспечило бы совместимость китайского проекта интеграции с проектом Евразийского экономического союза»⁸.

По уместному замечанию С.Г. Лузянина, долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов ИПП находится в прямой зависимости от их безопасности. В Китае пока нет специальных исследований, в которых говорилось бы о том, каким способом КНР планирует нейтрализовать риски и угрозы для «Пояса и пути». Общая аргументация китайских аналитиков при этом сводится к следующему: поскольку

концепция Шелкового пути основана на равноправии, уважении интересов и стремлении ко всеобщему выигрышу и отвергает мышление холодной войны, то это неизбежно приведет к возникновению новых правил и стандартов. Механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного сотрудничества⁹.

Тем не менее в развитие этого общего тезиса представители китайского экспертно-аналитического сообщества предлагают и более конкретные меры. Так, для реагирования на угрозы безопасности при реализации ИПП предлагается предпринимать следующие меры.

– В процессе сотрудничества со странами-партнерами предоставлять им больше публичных продуктов в сфере безопасности. Возможный вариант — направление части прибыли на создание фондов обеспечения безопасности в регионе, которые могли бы с финансовой точки зрения обеспечить этот важный участок деятельности по созданию «сообщества единой судьбы».

– При реагировании на геополитические риски следует уделять особое внимание интересам и озабоченностям различных региональных государств. При реагировании на рост политической нестабильности Китай должен действовать в соответствии с принципом невмешательства, играть конструктивную роль, призывая стороны к разрешению конфликтов мирным путем.

– Необходимо подчеркивать, что ИПП — это процесс экономического сотрудничества и сотрудничества, который не имеет геополитического контекста и военно-стратегического содержания. Вопросы в сфере безопасности, наряду с экономическими, следует включать в соглашения о сотрудничестве со странами — участниками ИПП. Можно в экспериментальном порядке начинать с конкретных функциональных областей, создавая многосторонние механизмы безопасности с небольшим количеством участников. Для обеспечения бесперебойной деятельности трансграничных инфраструктурных объектов можно рассмотреть вопрос об обеспечении их безопасности силами охранных компаний, особенно если речь идет о стратегически важных объектах¹⁰.

Вопрос о роли китайских частных военных и охранных компаний (ЧВКО) в обеспечении безопасности трасс ИПП и ЭПШП нуждается в отдельном рассмотрении. Так, по мнению И. Пеханова, китайские ЧВКО сложно назвать рыночными игроками. Все они основаны бывшими военными или полицейскими и, так или иначе, контролируются государством. Их основными клиентами являются крупные государственные корпорации.

История создания китайских ЧВКО также идет от инициативы государства. В 2007 г. для охраны 600 китайских дипломатов в стране было создано специальное бюро консульской защиты на рубежах, которое несло ответственность за безопасность посольств и дипломатов в случае нападения или выкачивания. В 2009 г. в китайской прессе всерьез обсуждался вопрос о возможности отправки китайских полицейских сил для защиты медных рудников китайских компаний в Афганистане.

В итоге стратегический выбор Пекинской пал не на чисто государственные или даже структурно гибридные, а на рыночные и даже не на гибридные с иностранными ЧВКО, а на ответственные частные охранные компании под эгидой государства. При этом подчеркивается, что это создает экономическую рыночную активность в рамках ИПП в направлении «стабильное невмешательство». События китайские компании на рубежах тратят 10 млрд долл. в год на безопасность. Только 10% этих денег достаются китайским охранным компаниям. Этому бизнесу есть куда расти¹¹.

Так, ЧВКО Frontier Services Group (FSG), привлекшая основательно известной компании — Визквант Э. Принс, руководителем которой выступил Гонконгский магнат Лио Фаньшунь, заявила в 2017 г. о планах открытия трансконтинентальной логистической базы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, а в 2018 г. — в провинции Юньнань. Цель — обеспечить поддержку северному и южному коридорам проекта «Один пояс, один путь», стартовавшим из этих двух регионов КНР. Северный ко-

ридор будет включать в себя Казахстан, Узбекистан, Афганистан и Пакистан. Южный — Мьянму, Таиланд, Лаос и Камбоджу¹².

«Спрос просто огромен, особенно в связи с растущим представительством наших компаний за рубежом. Их вдохновляет на это инициатива “Пояса и пути”. Мы планируем расширять наш бизнес в Пакистане и Бутане», — заявил в интервью The Global Times менеджер одной крупной китайской частной охранной компании¹³.

Однако работа китайских ЧВОК по обеспечению безопасности ЭПШП и ИПП затруднена существующей в Китае нормативно-правовой базой, регулирующей их деятельность. По уголовному законодательству КНР, работники частных предприятий, носящие оружие как внутри государства, так и за рубежом, могут получить до семи лет тюрьмы. Пока в Китае идут дискуссии об отмене таких норм в отношении работников ЧВОК, действующие законы вынуждают нанимающие компании идти на хитрости. Официально числясь сотрудниками компании, бойцы китайских ЧВОК зачастую берут под свою зону ответственности лишь внутреннюю территорию предприятий, в то время как за остальное отвечают местные охранники, имеющие право применять оружие. Это порождает определенные сложности для менеджмента.

Для усиления сектора безопасности в Китае происходит консолидация отрасли частной военной и охранной деятельности. В сентябре 2014 г. в Гонконге был создан Китайский альянс индустриальной безопасности (Chinese Security Industrial Alliance). Он включает около 50 охранных компаний из всего «Большого Китая»¹⁴.

Справедливости ради, работа российских ЧВОК также ограничена законодательными рамками. Российское законодательство на данном этапе, как и законодательство многих других стран, не разрешает создание и существование частных военных охранных компаний. В России есть только охранные компании. Сдерживающим фактором развития в России ЧВОК является и статья 208 УК РФ, в которой создание вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование являются преступлением.

В таких условиях достаточно сложно представить себе ситуацию, при которой российские и китайские ЧВОК, даже и при допущении их экстерриториальной деятельности, могли бы взять на себя задачу по обеспечению комплексной безопасности транспортно-логистических и производственных объектов ЭПШП в Евразии.

Как представляется, гарантии безопасности такого рода могут быть обеспечены лишь сотрудничеством и координацией политики КНР и РФ, в том числе в рамках ШОС. Они создадут предпосылки для устойчивого и беспрепятственного процесса реализации инициативы ЭПШП и ее сопряжения с процессами Евразийской экономической интеграции.

Как отмечает в этой связи известный китайский исследователь Ли Синь, «только совместными усилиями в рамках ШОС можно гарантировать реализацию проектов в рамках «Одного пояса, одного пути» в условиях относительной безопасности и тем самым содействовать реализации таких целей ШОС, как укрепление мира, обеспечение безопасности и стабильности в регионе»¹⁵.

ШОС неоднократно выражал общую политическую поддержку ИПП и ЭПШП. Так, в Астанинской декларации от 9 июня 2017 г. государства — члены ШОС приветствовали инициативу «Один пояс, один путь» и, высоко оценивая итоги Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» 14–15 мая 2017 г. в Пекине, высказались за их реализацию, в том числе путем координации международных, региональных и национальных проектов, ориентированных на сотрудничество в целях обеспечения устойчивого развития на основе принципов взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды¹⁶.

Однако вопрос о конкретных формах и способах участия ШОС в обеспечении безопасности ЭПШП требует дополнительного изучения. В этой связи заслуживает внимания предложение А.Ф. Клименко подготовить Концепцию региональной безопасности ШОС, в которой могли бы быть отражены следующие положения:

– состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа;

- жизненно важные общие и особые интересы членов ШОС;
- виды внешних и внутренних угроз этим интересам;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, ответственных непосредственно за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или отдельным ее участникам;
- порядок взаимодействия с ОДКБ и другими организациями по безопасности, а также некоторые иные вопросы¹⁷.

Как представляется, способы и методы обеспечения безопасности ЭПШП силами ШОС могли бы быть сформулированы в предлагаемой Концепции по всему спектру вышеуказанных положений. Это подтверждает тенденцию к стратегической взаимодополняемости ролей России и Китая, которая укрепляет потенциал и стабильное развитие ШОС на средне- и долгосрочную перспективу.

1. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>.
2. Владимир Путин. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>.
3. Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2. С. 51.
4. Цит. по: The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU—China cooperation prospects / by Richard Ghiasy and Jiayi Zhou. Stockholm International Peace Research Institute, 2017. P. 5.
5. Денисов И. Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 3 (114). С. 54–55.
6. Указ. соч. С. 14.
7. Указ. соч. С. 15.
8. Торкунов А.В. Здравый смысл интеграции. О роли Российской Федерации в евразийском интеграционном процессе: перспективы развития и углубления экономической интеграции (к «правительственному часу» в рамках 350-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 26 марта 2014 года) // Аналитический вестник. 2014. № 6 (524). С. 17–18.
9. Лузянин С.Г. ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XXI. М., 2016. С. 83.
10. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. М.: Научный эксперт, 2016. С. 46–48.
11. «Один пояс и один путь»: китайские ЧВК и безопасность экономической экспансии Поднебесной. URL: <http://navoine.info/china-pmc-exp.html>
12. Основатель Blackwater обосновался вдоль Шелкового пути. Американская компания Эрика Принса развернет базы в Китае. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3249510>
13. Private security companies struggle to go abroad due to legal restrictions. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/960208.shtml>
14. URL: https://lenta.ru/articles/2018/01/09/chinese_warriors/
15. Ли Синь. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2016, ноябрь. С. 13.
16. Астанинская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 9 июня 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5206>
17. Клименко А.Ф. Экономический пояс Шелкового пути и проблема безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XXI. М., 2016. С. 135–136.

Экономика

Переоценка роли центральноазиатских ресурсов в современной энергетической стратегии Китая

© 2018

В.А. Матвеев

XIX съезд КПК закрепил тренд на использование высококачественных энерго-ресурсов. При этом ввиду обострения проблем развития сырьевой базы газодобывающего комплекса Центрально-Азиатского региона расширение подачи газа в Китай оказалось под вопросом. В статье рассматриваются направления решения данной проблемы за счет получения российского газа.

Ключевые слова: природный газ, энергетическая политика, трубопроводы, Китай, Центральная Азия, восточные районы России.

DOI: 10.31857/S013128120000155-1

Выдвинутые пятым поколением руководства КНР стратегические задачи диктуют Китаю необходимость оптимизации внешнеэкономической деятельности. Для накопления капитала, решения социальных и экологических задач Китаю необходимо увеличивать импорт энергоносителей и промышленного сырья, расширяя экспорт традиционных товаров ширпотреба, как и продукции современных технологий. По имеющимся оценкам экспертов, его импорт нефти за период 2012–2020 гг. должен возрасти с 282 до 480 млн тонн, то есть в 1,7 раза¹.

В этих условиях китайское руководство стремится придать новый импульс своим отношениям с внешним миром, в частности, со странами Евразии, предложив им ряд внешнеэкономических проектов (в том числе концепцию «Один пояс, один путь»).

Выдвижение этой концепции и, в частности, ее сухопутного варианта «Экономический пояс Шелкового пути», в совокупности с другими инициативами свидетельствует о том, что запросы и возможности Китая на внешней арене значительно выросли: он превратился в ведущую евроазиатскую экономическую державу не только по объему экономики, но и по своему реальному влиянию и теперь задается целью приспособить всю международно-экономическую систему континента к своим потребностям. Китай готовится к интенсивному наступлению на континенте едва ли не на всех направлениях, с помощью всех видов экономического оружия.

Как отмечали китайские специалисты, в начальный период реформ и открытости стратегическая цель КНР состояла в том, чтобы «войти в мировой экономический поря-

Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: matveevva@mail.ru.

док», теперь же она заключается в изменении этого порядка, чтобы он в большей мере учитывал «обновленные интересы Китая»².

Согласно мнениям ряда аналитиков³, очевидным следствием глобализации энергетической политики Китая становится ее растущая роль в качестве фактора ценообразования на мировых рынках топлива. Повышается и способность КНР воздействовать на мировые рынки в выгодном для себя направлении. Одним из условий успешного прогнозирования конъюнктуры мировых топливных рынков становится в наши дни изучение действий китайского регулятора, а также стратегий корпораций и местных органов власти в сфере энергетики — не говоря уже о планах развития хозяйства, инвестиционных приоритетах и т.п. Привычным образом действий для регулятора в КНР является стремление к определенному торможению темпов роста в их восходящих фазах, в том числе по причине опасений чрезмерного роста цен на топливо. Следует считаться с привычным стремлением к удержанию на относительно низком уровне тарифов на электроэнергию.

Для Китая в силу масштабов экономики и сложившихся традиций планирования особую ценность представляют долгосрочные контракты на поставку значительных объемов топлива по «сглаженным» в отношении ценовых пиков и спадов ценам. Новые возможности для партнеров Китая открывает и продолжение либерализации энергетической политики, которая, по-видимому, повлечет образование разных по структуре типов потребления энергии в отдельных регионах при их большей самостоятельности в вопросах внешней торговли энергоресурсами.

Взаимосвязь экономической стратегии и энергетической политики в Китае наглядно проявляется в последовательной технической модернизации потребления и производства энергии, уже вполне сопоставимой с достижениями передовых стран. Она разворачивается преимущественно на внутренней основе — идет ли речь о «старых» отраслях ТЭКа или новой энергетике (разумеется, при активном использовании заимствованных извне технологий, ресурсов и опыта).

Массовое обновление основных фондов в тяжелой промышленности и энергетике, развернувшееся в начале XXI века, позволяет говорить о переходе к интенсификации народного хозяйства, отмеченной в последнее пятилетие существенным сокращением энергоемкости ВВП, начавшимся вхождением страны в число мировых лидеров научно-технического прогресса. Говоря об энергоемкости и энергоэффективности китайской экономики, нужно отметить своеобразие индустриализации в КНР, которой некоторые исследователи предрекают — на основе сопоставлений с другими странами — длительный, вплоть до 2030 г., этап «поздней индустриализации», с чем в целом можно согласиться⁴.

Китайские компании активно осваивают выпуск продукции для нужд конвенциональной и «зеленой» энергетики. Они уже способны предоставлять конкурентоспособные товары и услуги другим странам (разного технологического уровня, в зависимости от конкретного спроса).

При этом Пекин стал декларировать недопустимость экологических жертв во имя интересов экономики, что чревато серьезными последствиями для его экономических партнеров.

Проблемы развития газовой промышленности стран Центральной Азии

За последние несколько лет на мировом энергетическом рынке наблюдались серьезные подвижки. Совершенствование технологии добычи сланцевых углеводородов выросло, наблюдалось падение мировых цен на нефть и на природный газ (ПГ), что ухудшило инвестиционную привлекательность традиционных углеводородов. Следствие этого — приостановка или отмена ряда новых нефтегазовых проектов с более сложными

геолого-промысловыми условиями. Под этот пресс попала и значительная часть нефтегазовых ресурсов стран Центральной Азии (ЦА).

Центрально-Азиатский регион, замкнутый в центре Евразии, не имеет прямого выхода на такие крупные энергопотребляющие регионы, как Восточная и Юго-Восточная Азия, Европейский союз. Экспорт газа является для стран ЦА ведущим бюджетообразующим ресурсом, им предопределяется уровень финансирования социальных платежей. Но эта отрасль вступает в регионе в эпоху нестабильности, вызванной как внешними, так и внутренними обстоятельствами.

Ресурсы традиционного недорогого газа, добываемого из сравнительно неглубоких продуктивных горизонтов в промысловых районах с обустроенной инфраструктурой, начинают исчерпываться практически во всех нефтегазодобывающих странах ЦА. Разведаны и начали разрабатываться новые газовые месторождения на значительно больших глубинах — от 4000 до 7000 метров. Эти горизонты, как правило, имеют сложное геолого-промысловое строение. К тому же газ в этих пластах содержит высокую долю агрессивных компонентов, прежде всего, сероводорода. В связи с этим новые ресурсы газа могут быть отнесены к «нетрадиционным».

Поскольку страны ЦА не располагают в достаточной степени технологиями разработки такого газа, их надежды связаны с зарубежным содействием. В 1990-е годы в регион пришли известные нефтегазовые компании США, Италии, Малайзии и др. Они столкнулись со множеством технологических проблем, вследствие чего надежды на высокую прибыльность разработки этих ресурсов испарилась, и многие компании ушли из региона. В настоящее время на первые позиции в освоении центральноазиатских ресурсов выдвинулся Китай, предлагающий необходимые кредиты, но, как правило, оговаривающий свои условия — использование китайского оборудования и рабочей силы.

Между тем нефтегазовые ресурсы региона весьма значительны (табл. 1). По данным British Petroleum (BP), за последние 10 лет (2006–2016 гг.) оценка запасов газа по странам ЦА имела разнонаправленные тренды: если в Казахстане и Узбекистане запасы сократились на 10–15%, то в Туркмении выросли с 2.3 до 17.5 трлн куб. м или в 7.6 раз.

Таблица 1

**Сравнительные характеристики газового потенциала
центральноазиатских стран и Китая на конец 2016 г.**

Страны	обеспеченные запасы (трлн куб. м)	добыча (млрд куб. м)	Потребление (млрд куб. м)
Казахстан	1,0	19,9	13,4
Узбекистан	1,1	62,8	51,4
Туркменистан	17,5	66,8	29,5
Китай	5,4	138,4	213,5

Источник: BP Statistical Review of World Energy, June 2017.

Туркменистан. Показательна ситуация, сложившаяся в ведущей по газовым ресурсам стране региона (4-й в мировом рейтинге после России, Ирана и Катара). Промышленные запасы природного газа находятся здесь по двум категориям месторождений — традиционного и высокосернистого («нетрадиционного») газа. Для добычи и транспортировки последнего требуется сложная и затратная подготовка. Основные экспортные ресурсы газа находятся в крупных месторождениях юго-восточной части Туркменистана. До 2007 г. основным экспортным месторождением был Довлетабад-Донмез, использовавшийся для транспортировки газа в Россию и Иран. С 2015 г. из-за резкого снижения цен на газ на мировом рынке и нежелания властей Туркменистана идти на со-

ответствующее снижение отпускных цен на это сырье был прекращен экспорт газа сначала в Россию, затем в Иран.

В настоящее время продуктивные горизонты большинства месторождений этого района существенно выработаны, и для подачи газа в магистральные газопроводы начали активно использовать дожимные компрессорные станции, что резко удорожает затраты на подготовку газа к транспортировке и стоимость самого газа. С другой стороны, низкий уровень мировых цен ведет к резкому снижению общей эффективности разработки газа.

Новый этап освоения газовых ресурсов Туркменистана связан с переходом на разведку более глубоких продуктивных горизонтов, в которых газ содержит агрессивные примеси сероводорода и др. В 2007 г. открыто уникальное по запасам месторождение Галкыныш, сразу же улучшившее рейтинг республики. Британская компания «Gaffney, Cline & Associates» по результатам аудита запасов назвала его вторым в мире после месторождения Южный Парс в Иране, оценив запасы туркменского месторождения в 13,1–21,2 трлн куб. м⁵. Тогда же British Petroleum (BP) официально оценила общий уровень доказанных запасов ПГ Туркменистана в объеме 24,3 трлн куб. м⁶. Международными экспертами достоверность данной оценки подвергается сомнениям, что уже привело не только к крупным скандалам с иностранными инвесторами, но и к отставкам в газовой отрасли Туркменистана. В соответствии с международной классификацией доказанные запасы газа представляют собой количество газа, которое с определенной долей допуска экономически целесообразно будет извлекать из открытых месторождений при существующей экономической конъюнктуре и технологиях, исходя из геологической и технической информации. Здесь и «зарыта собака»: большинство экспертов обращает внимание на неоправданную закрытость информации по запасам газа в Туркменистане, что может быть объяснено тем, что большинство этих запасов относятся к категории трудноизвлекаемых и чрезвычайно затратных для разработки. Это усиливает подозрительность зарубежных инвесторов⁷.

В немалой степени из-за этого многие иностранные инвесторы отложили новые проекты в сфере разработки и транспортировки газа. Дело в том, что сооружение крупных газотранспортных систем под обеспечение долгосрочных газовых поставок требует гарантированных запасов газа в течение значительного периода, как правило, 30 лет. При этом потребитель должен гарантировать стабильный многолетний отбор газа.

За последнее десятилетие темпы прироста запасов природного газа в Туркменистане значительно опередили прирост добычи. По оценке BP на конец 2016 г., официальные разведанные запасы ПГ в Туркменистане составили гигантскую цифру в 17,5 трлн куб. м (табл. 1). Кроме Галкыныша, перспективными месторождениями считаются Яшлар (до 1,5 трлн куб. м) и Минара (200 млрд куб. м)⁸. Консорциум во главе с Китайской национальной нефтяной корпорацией (CNPC) заключил в 2009 г. соглашение о разделе продукции на месторождении Галкыныш на сумму 10 млрд долл. с обязательством ежегодно поставлять в КНР 30 млрд куб. м газа в течение 30 лет. К тому времени в портфеле CNPC уже имелось схожее соглашение по нефтегазовому проекту Багтыярлык, охватывающему несколько месторождений, включая Саман-Депе и Алтын Асп⁹.

Таким образом, в числе рисков добывающего сектора Туркменистана, кроме уже упомянутой завышенной оценки достоверности запасов, можно отметить резкое увеличение (в разы) стоимости разработки большинства новых открытых месторождений, связанное с большими глубинами залегания пластов (4000–7000 метров) и повышенным содержанием такого агрессивного компонента, как сероводород. Это требует привлечения значительных инвестиций не только в добычу, но и в подготовку этого газа на газоперерабатывающих заводах для дальнейшей транспортировки потребителям.

В реальных условиях сегодняшнего дня единственным реально действующим направлением экспорта туркменского газа является Китай. Построена 3-ниточная газотранспортная система Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай (ТУКК)

мощностью 55 млрд куб. м. При обсуждении параметров транспортировки газа в Китай предполагалось увеличение объема поставок газа по газопроводу на ближайшую перспективу до 65 млрд куб. м газа в год¹⁰.

Между тем до сих пор газопровод заполнен газом только на 54%, в 2016 г. по нему было экспортировано только 29,86 млрд куб. м туркменского газа (табл. 2).

Таблица 2

Поставки газа по МГ Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай
(млрд куб. м)

Страна	2013	2014	2015	2016
Туркмения	25,00	28,00	29,00	29,86
в том числе СП Багтыярлык	5,59	9,11	11,70	13,30
Узбекистан	2,90	1,30	1,60	4,30
Всего:	27,90	29,30	30,57	34,16

Источники: CNPC, «Туркменгаз», «Узбекнефтегаз», «КазТрансГаз».

Такая привязка к единственному потребителю несет существенные риски для туркменской стороны, прежде всего из-за того, что потребитель может диктовать свои условия ввиду неустойчивости цен на газ на мировом рынке. К тому же объемы предложения туркменского газа реально превысили эффективный спрос на него в Китае, для которого такая сверхдальняя транспортировка центрально-азиатского газа в Гуанчжоу (на 7000 км) явно нерентабельна. Уже сейчас китайские компании — импортеры газа (в частности, PetroChina) несут убытки в размере 130 долл. за 1 тыс. куб. м импортируемого газа¹¹, и Китай вынужден вводить льготы импортерам газа в форме возмещения НДС сроком на 10 лет при превышении стоимости импортируемого газа над внутренними ценами в Китае. В конечном итоге мощности экспортных газопроводов простаивают.

При этом заполняемость газопровода ТУКК становится неопределенной, и в условиях расчетной недозагрузки газопровода показатели эффективности его работы резко ухудшаются. Между тем Китай приобретал туркменский газ осенью 2016 г. в среднем по 185 долл. за 1 тыс. куб. м, то есть цены были достаточно невысокими¹². Вследствие снижения экспортных доходов экономика Туркменистана испытывает значительные трудности. В свою очередь, возникающие в среднесрочной перспективе риски экспорта туркменского газа в Китай заставляют туркменские власти диверсифицировать газовые маршруты и искать для них новые направления.

Одно из них — европейское, посредством строительства Транскаспийского газопровода и его соединения с «Южным газовым коридором» в Азербайджане. Однако при нынешних невысоких ценах на газ на мировых рынках туркменский газ коммерчески нерентабельно поставлять по вновь построенным трансконтинентальным газопроводам в Европу, и в перспективе ситуация вряд ли изменится. Второй вариант — строительство магистрального газопровода Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ), который пока никак не продвигается из-за нерешенности проблем безопасности.

В Узбекистане газовый комплекс также не свободен от сложных проблем, хотя ресурсные возможности достаточно высоки благодаря тому, что было разведано большое количество новых газовых месторождений. Но и уже выработанных, содержащих низконапорный газ, — множество. Для его использования необходимо строительство дожимных компрессорных станций, что резко повышает стоимость добытого газа. Но и большая часть новых месторождений содержит немало высокосернистого газа. Для доведения его до товарных кондиций надо сооружать газоперерабатывающие заводы для очистки от сероводорода, и стоимость разработки газа и подготовки его к транспортировке резко возрастает.

Проекты разработки таких месторождений, как Гаджак, открытого еще в советские времена (1970 г.), сопряжены с высокими рисками. Хотя это месторождение входит в пятерку крупнейших в Узбекистане, оно, по мнению иностранных инвесторов, не является привлекательным. Таких проектов в Узбекистане немало, и «Узбекнефтегаз» будет вынужден разрабатывать их либо самостоятельно, либо с новыми партнерами, при том что эти месторождения рискуют остаться убыточными.

Узбекистан уже много лет пытается решать главную проблему — компенсировать убыль традиционного газа за счет нового, преимущественно сернистого газа. Его максимальное товарное производство (добыча минус технологические потери переработки) было достигнуто в 2008 г. (61,9 млрд куб. м), на протяжении последних 5 лет производство постепенно снижалось — до 56 млрд куб. м. в 2016 г. В целях поощрения экспорта газа власти Узбекистана пошли в 2016 г. на резкое сокращение внутреннего потребления (т.е. замены газа углем). В результате объемы экспорта в 2015–2016 гг. увеличились с 7,5 до 11,4 млрд куб. м. До недавнего времени основные объемы экспорта газа забирал Газпром для обеспечения газом соседних стран региона, что составило около 7 млрд куб. м в 2016 г. Причем с Газпромом реализуется договор о продаже газа по цене 125 долл./1000 куб. м до 2022 г. С постройкой узбекского участка газопровода в Китай за счет кредита в 1,5 млрд долл., взятого у Банка развития Китая, в 2016 г. резко возросла подача газа в КНР (4,3 млрд куб. м). По оптимистическим расчетам Узбекистана, экспорт газа в Китай в среднесрочной перспективе может достичь планки в 8 млрд куб. м.

В Казахстане разработка газовых ресурсов имеет свои особенности. Большинство его нефтегазовых месторождений открыто в западных и центральных районах, и это в основном нефтяные месторождения. Поэтому значительная часть газовых ресурсов Казахстана, за исключением Карачаганакского газоконденсатного месторождения, представлены попутным газом. Добыча попутного газа, как известно, имеет побочный характер, и динамика его извлечения определена планами по добыче нефти. Существенная часть газа (до 40%) закачивается обратно в промысловые нефтяные пласты для поддержания пластового давления.

Добытый же на Карачаганакском месторождении газ (с высоким содержанием сероводорода) отправляют на близлежащий Оренбургский ГПЗ, с которого он в смеси с российским газом экспортируется по Единой системе газоснабжения Газпрома в страны СНГ и ЕС.

Имеются планы по дальнейшему наращиванию добычи на двух уникальных нефтяных месторождениях — Тенгизском и Кашаганском, в связи с чем появятся определенные избытки попутного газа, которые Газпрому не нужны. Казахстан планирует экспортировать этот газ в Китай (для диверсификации экспортных поставок и для урегулирования имеющихся задолженностей). Чтобы обеспечить поставки газа в Южный Казахстан и в Китай с западноказахстанских месторождений, введен в строй новый магистральный газопровод Бейнеу — Бозой — Шымкент, подключенный к магистральному газопроводу ТУКК. Согласно меморандуму, подписанному летом 2017 г. между «КазМунайГаз» и CNPC, экспорт казахского газа в Китай составит 5 млрд куб. м.

Однако большие надежды на устойчивый экспорт казахского газа в Китай иллюзорны. Во-первых, к 2022 г. планируется увеличить объемы обратной закачки в пласт Тенгизского попутного газа, что резко сократит его избытки, во-вторых, вряд ли какие-то объемы карачаганакского газа переориентируются с российского на китайское направление из-за более высоких цен у западных потребителей. В итоге, согласно правительственным прогнозам Казахстана, планируется сократить объемы экспорта газа с 14 млрд куб. м в 2016 г. до 10 млрд куб. м в 2025 г.

Такова текущая ситуация с газовыми ресурсами Центрально-Азиатского региона, которую правительство КНР отводило до недавнего времени роль важной и крупного поставщика газа.

Развитие газовой промышленности Китая

Глобальный энергетический рынок во втором десятилетии XXI века перестал быть стабильным, на нем происходят серьезные перемены. Они заключаются в появлении на глобальном рынке новых видов углеводородов, связанных с формированием новых центров производства СПГ, резким ростом добычи сланцевого газа в США, изменениями в доходности разработки запасов традиционного газа. Все это ведет к высокой волатильности цен на основных региональных рынках газа.

В среднесрочной перспективе значительные предложения сланцевого газа будут конкурировать на мировом рынке с СПГ и сетевым газом, что окажет сильное влияние на объемы международной торговли газом и на стоимость его реализации. Происходящие в мировой энергетике процессы и соответствующее падение цен наложили серьезный отпечаток на перспективы углубления сотрудничества Китая с нефтегазодобывающими странами ЦА.

Выстроенная долговременная схема обеспечения Китая центральноазиатским газом стала подвергаться (как отмечалось выше) существенной корректировке, что обусловлено не только переменами на глобальном газовом рынке, но и резким расширением использования газа в КНР. Китай вступил в полосу перемен в народном хозяйстве. Это касается и предложения как новых видов энергоносителей (сланцевого газа, шахтного метана, синтетического газа), так и традиционных. В стране происходит газовая революция. Флуктуации на мировом газовом рынке напрямую затронули и Китай: как с точки зрения покрытия нарастающего в нем дефицита энергоресурсов, так и ввиду необходимости повышения энергоэффективности, конкурентоспособности продукции и экологической безопасности народного хозяйства.

Состояние и перспективы мирового энергетического рынка чрезвычайно важны для такого его ведущего игрока, как Китай. Конъюнктура этого рынка влияет на расстановку приоритетов в национальной модели развития, на скорость процесса модернизации страны, «иерархию» внешних поставщиков углеводородов и на интенсивность сотрудничества с ними.

Отличительная особенность современного периода развития Китая — в том, что перед страной поставлены новые задачи. Они были озвучены на состоявшемся в конце 2017 г. XIX съезде КПК. Ключевыми словами программной речи Си Цзиньпина на съезде стали «стабильность» и «поступательное развитие». Одной из ведущих составляющих ключевого термина «стабильность» является понятие «чистая экология». Общеизвестны гигантские проблемы с загрязнением окружающей природной среды в Китае. Этот вызов сохранится на многие годы, профилактика и ликвидация загрязнения есть приоритетное направление развития.

В настоящее время развитие страны в рамках традиционных технологий подошло к своим пределам, и Китай вынужден форсированно переходить на более чистые («зеленые») технологии. А «зеленая» экономика предполагает такие революционные изменения, как гибридизация и электрификация автомобилей с отказом от традиционного моторного топлива, достаточно быстрый переход на альтернативные источники энергии. Все это уже внедряется в Китае.

Другой, не менее значимой проблемой загрязнения природной среды являются промышленные выбросы предприятий и тепловых электростанций при использовании угля как энергоносителя. Здесь альтернативой является повсеместное вытеснение местного низкокачественного энергетического угля газом во всех сферах народного хозяйства, особенно в крупных городах. Причем основные проблемы загрязнения атмосферного воздуха проявляются в северо-восточных и центральных провинциях Китая. Недаром началась разработка большого плана «Экологически чистого отопления северных районов

в зимний период», где наряду с закрытием неэффективных и грязных производств осуществляется активный переход на альтернативные виды топлива.

Таким образом, ускоренная газификация страны есть актуальнейшая задача. Здесь, в сущности, происходит «газовый переворот», сопровождаемый реализацией весьма капиталоемких проектов. Это, во-первых, массированное вложение средств в геологоразведку, в разработку месторождений и широкомасштабное строительство магистральных газопроводов; во-вторых, развитие инфраструктуры регазификации и снабжения сжиженным газом таких сфер, как энергетика, химическая промышленность и металлургия (преимущественно в южных, восточных и северо-восточных провинциях); в-третьих, активизация китайского участия в разведке и разработке газовых ресурсов по всему миру и их транспортировке в КНР; в-четвертых, интенсивное развитие газораспределительной инфраструктуры, в частности, сооружение подземных газохранилищ и сетей.

Собственная добыча в Китае не покрывает растущие потребности народного хозяйства, и поэтому в среднесрочной перспективе Пекином взят курс на значительное увеличение инвестиций в ориентированную на импорт газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности, что позволяет укрепить энергетическую безопасность и оптимизировать ценовую конкуренцию между экспортерами газа.

Ныне Китай стоит перед широким выбором источников традиционного и альтернативных видов газа. По предварительным подсчетам Института экономики и технологии Китайской национальной нефтегазовой корпорации, собственная добыча ПГ в Китае в 2016 г. достигла 134,1 млрд куб. м., в то время как реальный объем потребления газа составил 204 млрд куб. м, увеличившись на 6,5% по сравнению с 2015 г. За 2016 г. (в сравнении с 2015 г.) темп роста потребления газа (2,4%) существенно превысил темп роста его добычи (1,4%), и растущая разница в объемах была покрыта за счет увеличения импорта газа. Китай в 2016 г. импортировал 35,2 млрд куб. м трубопроводного газа и 25 млн т сжиженного природного газа (СПГ) (около 34,7 млрд куб. м). При этом темп роста потребления СПГ почти вдвое превысил темп роста потребления трубопроводного газа (соответственно 27,2% и 15,6% по сравнению с 2015 г.)¹³ Предполагается, что в 2017 г. потребление ПГ вырастет на 5,9% — до 216,2 млрд куб. м, а доля газа в общем объеме потребления первичных энергоресурсов — до 6,2%¹⁴.

За период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) Государственное управление КНР по энергетике планирует существенно увеличить доли газа и возобновляемой энергетики (с учетом ГЭС) в энергобалансе страны — с 5,9% до 10% и с 12% до 15% соответственно, по сравнению с 2015 г.¹⁵ При этом доля угля должна снизиться с 64 до 58%¹⁶. Впрочем, доля газа в топливно-энергетическом балансе страны все равно остается крайне незначительной по сравнению с энергобалансами других индустриальных держав, где она составляет не менее 25–35%.

Выдвигается множество разнообразных прогнозов развития газовой отрасли Китая на период до 2020 г. — и китайских, и зарубежных. Они носят как пессимистичный, так и оптимистичный характер, но практически во всех прогнозные величины объемов потребления газа в стране в 2020 г. ожидаются на уровне 340–360 млрд куб. м. При этом предполагается, что основные государственные стратегические планы по изменению внутреннего газового баланса КНР должны быть полностью реализованы к 2030–2035 гг.¹⁷

Согласно докладу «Развитие газовой отрасли Китая — 2016», подготовленному Государственным управлением по энергетике, Центром по изучению проблем развития при Госсовете КНР и Министерством земельных и природных ресурсов, покрывать этот спрос Пекин собирается отчасти за счет роста собственной добычи (до 220 млрд куб. м.), из которых традиционный газ даст 170 млрд, сланцевый — 30 млрд, а остальное — метан угольных пластов. Следовательно, ниша для импорта может вырасти с нынешних

69,9 до 120 млрд куб. м. Согласно долгосрочным стратегическим планам, к 2030 г. Китай может еще более чем удвоить импорт газа — до 270 млрд куб. м¹⁸.

Пекином поставлена задача форсирования геолого-разведочных работ, чтобы к 2020 г. разведанные запасы ПГ достигли 16 трлн куб. м¹⁹. Важно, чтобы они относились к категории доказанных запасов, которые, как предполагается, будет экономически целесообразно извлекать из разведанных месторождений. При этом корректность оценки таких запасов во многом зависит от общих ценовых трендов мирового энергетического рынка и восточноазиатского рынка, в частности.

В настоящее время китайские власти большие надежды связывают с разработкой нового нетрадиционного источника ПГ — сланцевых залежей. Запланировано широкое развертывание геолого-разведочных работ в целях доведения их разведанных запасов до 1,5 трлн куб. м²⁰. Налицо бурный прирост добычи сланцевого газа. Если в конце 2014 г. его совокупная добыча у двух ведущих нефтегазовых корпораций — Sinopet и PetroChina — составляла 1,7 млрд куб. м, то к началу 2016 г. — уже 6,2 млрд куб. м (то есть прирост добычи более, чем утроился)²¹. Успехи текущих лет говорят о вероятности реализации оптимистичного сценария и быстром росте добычи к 2020 г. — до 60–100 млрд куб. м. В пользу этого свидетельствует приоритетное внимание, которое уделяется добыче сланцевого газа правительством. Для этого используются различные стимулирующие механизмы, в частности установлены субсидии для поощрения добычи, а главное — проведена либерализация рынка сланцевого газа в плане расширения прав собственности на добытый газ и отказа от государственного регулирования цен на него. Это, начиная с 2016 г., привлекло к разработке сланцевых месторождений иностранные компании. В конечном итоге, согласно данным ВР, к 2035 г. основная часть мировых объемов сланцевого газа будет добываться именно в Китае, а его доля составит четверть от общей добычи газа в мире²².

Таким образом, во избежание дефицита природного газа правительство КНР решило задействовать все возможные внутренние и внешние источники ПГ. Китаю необходимо ускорить поставку природного газа из своих внутренних районов и из-за границы для удовлетворения спроса в районах потребления. Это входит в поставленную перед страной большую цель вытеснения энергетического угля газом с соответствующим ростом доли природного газа в энергетическом балансе КНР.

Внимание китайского руководства направлено на инфраструктурные преобразования газовой отрасли: строительство газопроводов, ПХГ и пр. Понятно, что быстрее всего дополнительные объемы газа могут быть получены из импортных источников. Это — СПГ из различных газодобывающих стран и трубопроводный газ по действующим магистральным газопроводам из Центральной Азии и Мьянмы. В настоящее время Китай создал избыточную по мощности газовую инфраструктуру для получения импортного газа. В условиях серьезного дефицита газа акцент сделан на развитие инфраструктуры по приему импортного СПГ через наращивание строительства приемочных терминалов, поскольку логистика поставок СПГ морским путем является достаточно гибкой при наличии достаточных регазификационных мощностей.

В 2017 г. поставки СПГ в Китай превысили 38 млн т (рост по сравнению с предшествующим годом более чем на 50%). Сейчас китайские компании закупают СПГ преимущественно на спотовом рынке, что взвинтило цены в Юго-Восточной Азии, где они превысили 11 млн долл. (примерно 406 долл./тыс. куб. м), что вдвое больше, чем прошлым летом²³. В связи с этим ведущие производители СПГ быстро отреагировали на изменение конъюнктуры, перенаправив в Китай экспортные потоки.

К настоящему времени КНР законтрактовала поставки СПГ в объеме около 50 млрд куб. м в год. Но в перспективе предполагается существенно увеличить закупки СПГ, и к 2019 г. этот показатель может вырасти до 60 млрд куб. м. Поставки обеспечат потребности страны в импорте газа до 2020 г., и у китайских компаний еще останется

возможность покрывать пики потребления за счет закупок СПГ на спотовом рынке²⁴. Стратегия покупки газа корректируется, и Китай планирует отказываться от спотовых закупок в пользу проектов, где он участвует, контролируя всю цепочку — от добычи до сжижения и транспортировки. Так, СПГ, закупаемый в США, достаточно дорог, поскольку в его стоимость входит маржа всех компаний, участвующих в цепочке от производителя до потребителя. Участие же Китая в проектах сможет снизить стоимость СПГ, делая его более конкурентоспособным. Позитивным примером мог бы стать начатый проект «Ямал СПГ», в котором свои доли имеют CNPC и инвестфонд «Silk Road». Сообщается о новом соглашении относительно совместного развития выпуска СПГ на Аляске, подписанном американской корпорацией «Alaska Gasline Development Corporation», властями штата Аляска и китайскими государственными структурами — нефтегазовой компанией Sinopet, инвестфондом «CIC Capital Corporation» и банком «Bank of China». Согласно проекту, на юге Аляски будет сооружен крупнейший завод по сжижению природного газа мощностью 27,6 млрд. куб. м²⁵.

В разных районах Китая проблема дефицита топлива решается по-разному. Он не делает ставку только на СПГ — строит и трубопроводы для транспортировки газа. Если в прибрежных районах дефицит топлива покрывается посредством СПГ, то остаются неохваченными крупные промышленные центры, что удалены от морского побережья. Это, прежде всего, Дунбэй, куда доставка импортного СПГ или центральноазиатского газа весьма затратна. В то же время, по оценке на осень 2017 г., цены российского трубопроводного газа в Европе были ниже, чем СПГ в Азии на 30%²⁶. Этот фактор немаловажен для активизации сотрудничества КНР с РФ по организации масштабной доставки восточно-сибирского и дальневосточного газа в Дунбэй

Китайские инвестиции в ЦА и другие страны СНГ

Ситуация в нефтегазовом комплексе ЦА будет во многом зависеть от приоритетов инвестиционной политики Китая. Здесь также грядут перемены. В настоящее время в Китае реализуется новый этап модернизации экономики. Осенью 2017 г. на XIX съезде КПК была объявлено о вступлении Китая в «новую эпоху социализма с китайской спецификой» и принята обновленная стратегия развития на ближайшие годы.

Особое внимание властей КНР сосредоточено на снижении долговой нагрузки корпоративного сектора и местных правительств, повышении эффективности госпредприятий в направлении формирования на их основе национальных мегакорпораций. Для сдерживания роста долговой нагрузки компаний и оттока капитала Китай ужесточает контроль за активностью своих инвесторов. Перечисленные меры призваны изменить подходы Китая к инвестированию за рубежом. Так, с января по сентябрь 2017 г. вложения в нефинансовый сектор за рубежом упали на 41,9%²⁷.

Принимаемые меры позволяют приступить к введению единых правил инвестирования за рубежом, отвечающих стратегическим интересам Китая. При этом Китай не станет инвестировать меньше, но новые сделки будут увязываться со стратегией продвижения государственных интересов в мире. Объявленные в ходе XIX съезда КПК цели по превращению Китая к 2050 г. в «модернизированное социалистическое государство», занимающее лидирующие позиции в области науки и техники, в практическом плане реализуются в рамках программы «Сделано в Китае — 2025» и подразумевают развитие инноваций и «умных» производств.

Эти нововведения должны коснуться и инвестиционной политики по отношению к ЦА. Тенденция снижения мировых цен на нефть и газ, как и санкционная политика стран Запада в отношении России, снижение стоимости рубля и девальвация валют постсоветских стран, особенно в ЦА — все это ударило по их национальным бюджетам. В итоге давление внешних негативных факторов обострило экономическую и социаль-

ную ситуацию в ЦА. Симптоматично, что на этом негативном фоне резко упал спрос на китайские товары.

Падение мировых цен на углеводороды оказало негативное воздействие на эффективность разработки нефтяных и газовых месторождений в ЦА, вынуждая выводить из оборота наиболее затратные месторождения и приостанавливать освоение новых. Поскольку китайская доля в нефтегазовых активах региона значительна, то этот мировой ценовой тренд неблагоприятно сказывается на интенсивности энергетического сотрудничества Китая со странами региона.

Согласно аналитическому докладу Евразийского банка развития (ЕАБР) «ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций в 2016 г.», изменились приоритеты инвестиционной политики Китая на постсоветском пространстве: в частности, наблюдалась тенденция к сокращению доли топливного комплекса в общем объеме накопленных китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в большинстве стран СНГ. С 2010 г. она снизилась с 86,8 до 74,1%²⁸.

Неожиданно резкий рост китайских ПИИ в Россию, наблюдавшийся в 2016 г., объясняется наличием двух крупных сделок на российском рынке: покупкой 10% акций ПАО «Сибур» китайским Фондом Шелкового пути и 20% ПАО «Верхнечонскнефтегаз» китайской «Beijing Gas Group Company Ltd». На них пришлось 90% от всех китайских инвестиций в новые проекты в 2016 г.²⁹ Важно, что сделка по продаже 20% ПАО «Верхнечонскнефтегаз» обеспечила выход Роснефти на внутренний газовый рынок Китая, что служит хорошей предпосылкой к началу двустороннего сотрудничества в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке на всех этапах производственной цепочки — от геологоразведки до добычи и реализации газа.

Анализ инвестиционной активности Китая в 2016 г. показывает, что приоритетным направлением для реализации новых проектов с китайскими ПИИ стала Россия как по числу таких проектов (пять из восьми новых проектов в ЕАЭС), так и по объему привлеченных в них инвестиций (94%). Среднегодовой прирост китайских ПИИ в российскую экономику за последние пять лет составил 57%. С учетом последних сделок 82% накопленных китайских инвестиций сосредоточены в топливном и химическом комплексах³⁰.

В Казахстане инвестиции КНР в топливный комплекс (включая магистральные трубопроводы) по-прежнему составляют около 98% от китайских накопленных ПИИ в этой стране. Однако в конце 2016 г. в рамках программы по переносу производственных мощностей из Китая в Казахстан открыт казахстанско-китайский завод по переработке масличных культур. В дальнейшем компания планирует создание крупного агропромышленного парка.

* * *

Общее состояние энергетической политики Китая на нынешнем этапе можно охарактеризовать как переходное — от решения народнохозяйственных задач (остающихся приоритетными) к глобальному позиционированию и действиям. Пока еще китайская энергетика остается слабо интегрированной в мировую экономику. Однако в рамках расширения масштабов мирового газового рынка закупки СПГ Китаем выводят его на 2-е место в Азии.

Обеспечение потребностей народного хозяйства Китая в энергоносителях в настоящее время стало одним из активных факторов его внешнеполитической стратегии. С постановкой задач по дальнейшей модернизации экономики Китая проявился повышенный спрос на углеводороды. И здесь принципиально важную роль играет природный газ.

Поставленные на XIX съезде КПК задачи требуют ускоренной газификации страны. Внутренние источники не могут покрыть этот повышенный спрос на газ, в связи с чем Китай задействовал множество импортных источников, из которых быстрее всего отреагировали производители СПГ. В условиях высоких перспектив спроса на газ в Ки-

тае возросла заинтересованность других крупных игроков глобального газового рынка, и у Пекина расширился выбор поставщиков, в числе которых такие производители СПГ, как Австралия, Катар, Малайзия и др. Появляются новые транснациональные корпорации, например, Ямал СПГ, где китайский капитал играет активную роль. Китайская компания Sinopet заключила соглашение о совместном развитии СПГ на Аляске с американской корпорацией «Alaska Gasline Development Corporation».

Серьезную ставку Китай делает на развитие трубопроводной доставки российского газа, который остается надежнее и дешевле, чем импортируемый СПГ. Имеются и альтернативы среди поставщиков трубопроводного газа.

Однако перспективы расширения поставок газа из ЦА неоднозначны. Экономика нефтегазодобывающих стран ЦА испытывает значительные трудности из-за резкого снижения экспортных доходов, вызванного низкими ценами на энергоносители. В условиях неустойчивого социально-экономического положения стран ЦА встала проблема выплаты накопленных китайских кредитов. Сегодня китайцы являются крупнейшими инвесторами нефтегазового комплекса региона. В частности, Туркменистан, как и Узбекистан, оказались в сложной ситуации, ибо крупные китайские кредиты отдаются из прибыли за экспорт газа, а цены продажи в Китай невысокие. Условия для успешного развития нефтегазодобывающего комплекса Центрально-Азиатского региона в настоящее время зыбки. В нынешних ценовых условиях свободных ресурсов для экспорта недостаточно. Исходя из такого расклада сил, потребность в увеличении поставок центральноазиатского газа сокращается. В связи с этим Китай медлит со строительством четвертой нитки магистрального газопровода ТУКК.

Серьезным конкурентом на газовом рынке Китая для стран ЦА является РФ с трубопроводным проектом «Сила Сибири-1» на 38 млрд куб. м. Россией предложено еще два новых трубопроводных проекта «Сила Сибири-2» (бывший «Алтай») и газопровод с Сахалина. Китай особенно заинтересован в покупке сахалинского газа в связи с небольшими капиталовложениями для врезки и высокой готовностью газопровода. В рамках этого проекта сейчас подписано очередное соглашение по параметрам поставок и начаты коммерческие переговоры. При этом российский газ останется вне конкуренции в Дунбэе.

1. URL: <http://www.oilru.com/news/377875>
2. *Fu Mengzi*. Tackling Challenges in the Global Economy and Building a New World Order — China's Influence and US Factors // *Contemporary International Relations*. 2010. March — April. Vol. 20. № 2. P. 2.
3. *Томберг И.П.* Формирование энергетической политики КНР в начале XXI века: внутренние ресурсы и мирохозяйственные перспективы. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д.э.н. М.: ИВ РАН, 2017.
4. Там же.
5. URL: http://www.eabr.org/r/press_center/region_news/index.php?id_4=13352
6. BP Statistical Review of World Energy. June 2012.
7. *Матвеев В.А.* Экспортный потенциал газовой отрасли Туркменистана: перспективы и риски // *Россия и новые государства Евразии. ИМЭМО РАН*. 2012. № 4.
8. URL: http://www.gas-journal.ru/gij/gij_detailed_work.php?gij_element_id=43398&work_element_id=43547
9. URL: http://news.eizvestia.com/news_economy/full/2811-putinu-s-privetom-kitaj-nacelilsya-naturkmenskij-gaz
10. Там же.
11. URL: http://twitter.com/gazo_ru/status/106581138075697152
12. URL: easily.com/ru/news/2016/10/28/pochem-gaz-dlya-kitaya-rossiya-bet-ssha-i-po-spg
13. URL: http://www.ngv.ru/news/gazopro-vod-tsentrlnaya-aziya-kitay-perekachal_170_mlrld_kub_m_gaza/?sphrase_id=6882431
14. Там же.

15. Барсуков Ю., Коростиков М. Китай переходит на газ // Коммерсант. 19.01.2017.
URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3195636>
16. URL: http://www.pro-gas.ru/persp/persp_full
17. URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2016-11/3>
18. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/156514-Kitay-usilenno-razvivaet-svoyu-gazovuyu-otrasl-promyshlennosti-no-rech-ob-otkaze-ot-importnogo-gaza-ne-idet>
19. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/157462-Kitay-provozglasil-borbu-s-importozavisimostyu.-Strana-namerena-razvivat-sobstvennyuyu-dobychu-nefti-i-gaza>
20. URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2016-11/3>
21. URL: http://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/countries_long/China/china.pdf
22. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-04/01/content_38155044.htm
23. URL: <https://lprime.ru/articles/20171229/828312467.html>
24. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2042351
25. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/11/10/vostochnyy-balans-rossiyskiy-gaz-kitay-uravnovesit-spg-iz-alyaski>
26. Ibid.
27. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports>
28. Ibid.
29. Ibid.
30. Ibid.

Военное строительство

Новый этап военно-технического сотрудничества России и Китая

© 2018

М.Г. Евтодьева

В статье анализируются военно-техническое сотрудничество России и Китая в 1992–2013 гг., а также особенности нового этапа этого сотрудничества, начавшегося в 2014 г. В качестве ключевых характеристик последнего обозначены высокая заинтересованность КНР в закупках у России новейших систем вооружений, освоении и трансфере новых технологий. Значительное внимание уделено рассмотрению влияния политических факторов на состояние военно-технического сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: Россия, Китай, военно-техническое сотрудничество, продажи вооружений и военной техники, исследования и разработки, трансфер технологий, защита интеллектуальной собственности.

DOI: 10.31857/S013128120000156-2

Россия продолжает активно развивать «всеобъемлющее партнерство» и «стратегическое взаимодействие» с Китайской Народной Республикой¹. Военно-техническое сотрудничество (ВТС) России и Китая является одним из главных компонентов российско-китайского стратегического сотрудничества, отражающее как военно-политические, так и экономические интересы двух государств. Хотя формы и содержание ВТС, а также динамика и объемы закупок КНР российских вооружений и военной техники (ВиВТ) существенно менялись на протяжении последних двух с половиной десятилетий, Китай в течение всего постсоветского периода оставался крупнейшим покупателем российских систем вооружений, а Россия сохраняла за собой роль главного поставщика ВиВТ для Китая². Закупки вооружений и другие составляющие военно-технического сотрудничества при этом значительно влияли на ход модернизации вооруженных сил и оборонно-промышленных комплексов обеих стран, процессы развития и трансфера технологий, а косвенно — и на внешнеполитические и военные доктрины и стратегии России и КНР.

В 2014 г. в результате украинского конфликта, за которым последовало введение западными странами экономических санкций против России, началась «переориентация

Евтодьева Марианна Георгиевна, кандидат политических наук, руководитель группы глобализации военно-экономических процессов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН).
E-mail: marianna133@mail.ru.

на Восток» российской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии. При этом для России и Китая открылись новые возможности для углубления как военно-технического, так и военно-политического сотрудничества.

Эволюция ВТС России и Китая в 1992–2013 гг.: от тесного партнерства к спаду в продажах вооружений

Большинство исследователей выделяет в сфере военно-технического взаимодействия России и Китая 1992–2013 гг. три ключевых этапа³. Критериями для такой классификации служат, с одной стороны, динамика объемов продаж вооружений (выручки от осуществленных поставок), с другой — специфика приоритетных направлений этого сотрудничества и его выстраивания по различным стадиям разработки и производства военной техники.

В рамках первого периода (1992–1999) было заключено и реализовано достаточно большое число соглашений о закупках ВнВТ, а Китай был вторым по счету после Индии крупнейшим покупателем российских обычных вооружений⁴. Характерной особенностью этого этапа ВТС являлось то, что китайская сторона в основном закупала готовые системы вооружения, разработка которых начиналась еще, как правило, в советский период. Только к концу этого этапа военно-техническое сотрудничество России и Китая стало развиваться на более широких основах — заключались соглашения по лицензионному производству, осуществлялись совместные проекты в сфере разработок военной техники. Так, российская сторона передала Китаю лицензии по Су-27СК, в результате в китайском Шэньяне с 1998 г. было организовано производство этих истребителей под обозначением F/J-11⁵. Российские специалисты приняли участие в разработке проектов китайских истребителей J-10, JF-17 и учебного самолета L-15⁶, а также активно занимались подготовкой командных и военно-технических кадров для китайской армии (согласно заключенному в 1999 г. соглашению).

За период 1992–1999 гг. Россия поставила в Китай 45 истребителей Су-27СК и 2 истребителя Су-27УБК, 10 военно-транспортных самолетов Ил-76М, 60 вертолетов Ми-8/Ми-17 и 7 вертолетов Ка-27ПЛ, 4 подводных лодки (2 — проекта 877Е и 2 — проекта 636Е), а также 4 (по другим данным, 6) дивизиона системы ПВО С-300МПУ-1⁷. Объемы продаж ведущих систем обычных вооружений в обозначенный период (здесь и далее по этому показателю приводятся данные СИПРИ, базирующиеся на динамике показателя тренда по поставкам вооружений) варьировали в пределах от 0,5 и ниже, до 1,45 млрд долл. в год (рис. 1).

В рамках второго этапа сотрудничества (2000–2006) произошло как значительное увеличение стоимости, так и повышение степени сложности заключаемых контрактов по закупкам вооружений. Объемы доходов от поставок ВнВТ в этот период значительно возросли и стали составлять до 2,5–3 млрд долл. в год, при этом Китай вышел на 1-е место среди других крупнейших покупателей российских вооружений.

В 2000–2006 гг. в сфере авиатехники Китаем были, в частности, приобретены еще 28 истребителей Су-27СК (к тому же к 2007 г. было поставлено 105 комплектов для их лицензионной сборки), около 100 истребителей Су-30 МКК/МК2, 75 вертолетов Ми-8/Ми-17, а также 54 авиадвигателя АЛ-31ФН для комплектования истребителей; в сфере военно-морских вооружений — 4 эсминца проекта 956Э/ЭМ и 8 ДЭПЛ проекта 636Е; в сфере средств противовоздушной обороны — дополнительно 4 дивизиона системы ПВО С-300ПМУ-1. Помимо этого, Китай получил из России большие партии авиационного управляемого вооружения, торпеды, комплексы береговых РЛС, огневые и радиолокационные станции и зенитные ракетные системы корабельного базирования, а также приобрел или производил по лицензии управляемые артиллерийские снаряды, мины, системы залпового огня и другие вооружения для сухопутных сил.

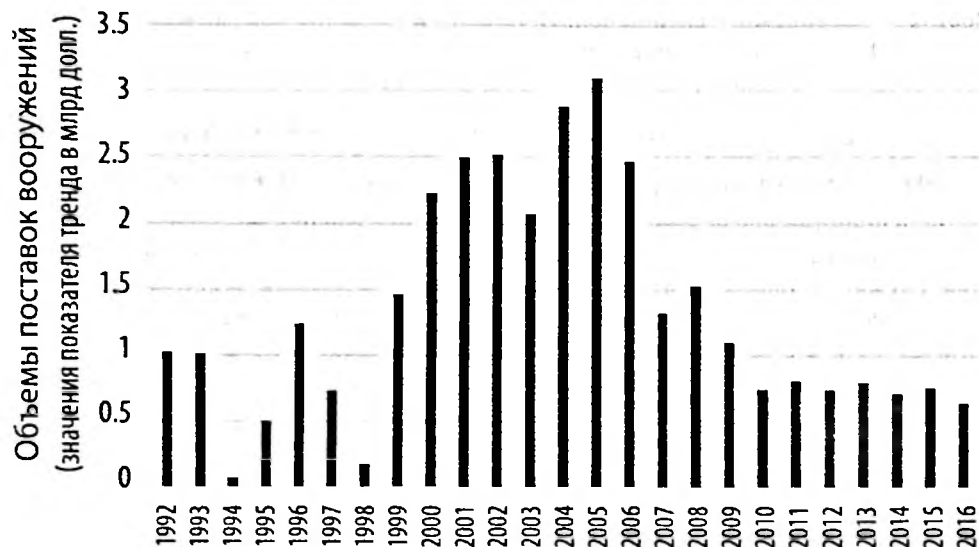

Рис. 1. Динамика поставок российских вооружений в Китай, 1992–2016 гг.

Примечание: Значение тренда является разработанным СИПРИ показателем, в котором находят отражение ежегодные объемы поставок, но не точная стоимость продаж при поставках вооружений.

Источник: *China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017. P. 13.*

Большая часть поставленных КНР в 1992–2006 гг. ВиВТ относились к 3-му (как подлодки проекта 636Е) и 4-му поколению (как самолеты Су-30МКК/МК2). Несмотря на то, что часть из них стала уже устаревать к началу второго десятилетия XXI века, в целом столь масштабные закупки различных категорий российских ВиВТ помогли Китаю значительно улучшить степень оснащенности своей армии современными вооружениями и повысить оборонный и наступательный потенциал Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

После 2006 г. наступил период охлаждения и некоторого кризиса в российско-китайском военно-техническом сотрудничестве, который продлился до 2013–2014 гг. Этот кризис нашел выражение как в значительном спаде продаж вооружений, так и в противоречиях, связанных с актуализацией ряда проблем и различиями в оценках и видении перспектив двустороннего взаимодействия в военно-технической сфере. Китай в 2004–2005 гг. ожидал отмены европейского эмбарго на поставки вооружений и товаров двойного назначения, рассчитывая усилить «диверсификацию» в сфере технологического сотрудничества за счет взаимодействия с западными странами⁸. Эмбарго, однако, не было отменено — во многом ввиду активного противодействия Соединенных Штатов таким попыткам⁹. Россия во второй половине 2000-х годов также придерживалась преимущественной ориентации на создание «технологических альянсов с западными странами» (термин Д. Медведева), делая акцент на активном развитии с ними международной промышленной кооперации и инвестиционного сотрудничества (в авиастроении, космосе, ряде других отраслей). В определенной степени эти тенденции затронули и сферу оборонных закупок (соглашение по «Мистральям» и др.)¹⁰

В 2004–2005 гг. по инициативе Пекина были отменены ранее заявленные контракты либо приостановлены переговоры по ряду закупок ВиВТ. Так, Китай не заказал второй полк многоцелевых истребителей Су-30МК2, отказался от поставки еще около

100 машинокомплектов для Су-27СК, а также от закупок палубных истребителей Су-33¹¹. Тем не менее благодаря длительным срокам реализации заключенных контрактов по ВиВТ общий уровень вырученных средств до 2007 г. оставался достаточно высоким. Рубежным стал 2007 год — с него начался спад поставок российских вооружений Китаю, и на 1-е место по закупкам российских ВиВТ вновь вышла Индия. Объем выручки от поставок Китаю вооружений в 2007–2008 гг. сократился до 1,3–1,5 млрд долл. в год, а в период 2009–2015 гг. не поднимался выше 0,8 млрд долл. в год. В целом в 2007–2016 гг. доходы от экспорта российских вооружений Китаю сократились по сравнению с десятилетием 1997–2006 гг. (период роста продаж) в 2–2,2 раза.

Если говорить о ключевых закупках, то в 2007–2013 гг. Китаю и Российской Федерации удалось достичь договоренностей о поставках КНР 12 военно-транспортных самолетов Ил-76МД и 4 самолетов-заправщиков Ил-78, 9 вертолетов Ка-27 и 9 вертолетов Ка-32, а также о передаче КНР 16 дивизионов ЗРК С-300ПМУ-2 и ракет для их оснащения. Решающее значение имели также заключенные контракты на поставку КНР около 500 ед. авиадвигателей — турбовентиляторных АЛ-31 различных модификаций (для истребителей J-10 и J-11) и двухконтурных турбореактивных Д-30 (для модернизированных дальних бомбардировщиков Н-6К). Общая стоимость контрактов по двигателям составляла около 2 млрд долл., а их продолжающиеся закупки в таких больших количествах стали фактически признанием того факта, что у КНР сохраняются довольно значительные пробелы в сфере разработки и производства собственных авиадвигателей, вследствие чего и отдается предпочтение более надежным российским технологиям¹².

В целом, как обозначенная номенклатура закупок вооружений, так и ход переговоров по вопросам ВТС начиная со второй половины 2000-х годов продемонстрировали, что Пекин *перестал быть заинтересованным в закупках больших партий, по сути, устаревающих систем вооружений у России и в гораздо большей степени проявляет интерес к новейшим системам вооружения и к развитию и освоению новых технологий*. Еще в конце 2010 г., в ходе визита в КНР тогдашнего министра обороны РФ А. Сердюкова, китайская сторона выразила намерение приобрести у России истребители поколения 4++ Су-35 и новейшие средства ПВО — зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) С-400. Тогда же, по данным СМИ, начались и переговоры о возможности покупки у РФ дизельэлектрических подводных лодок 4-го поколения типа «Лада» (в экспортном варианте — «Амур-1650»).

Россия, однако, не была готова к этому «сдвигу в спросе» на рынке вооружений. Сыграли свою роль и соображения, связанные со снижением уровня доверия к китайским партнерам. Следует также упомянуть о ставшей очень острой к концу 2000-х годов проблеме «копирования» (в том числе — обратного инжиниринга) российских систем вооружений Китаем. Так, по оценкам экспертов, китайские истребители J-11В в значительной степени копируют Су-27СМК, самолеты КJ-2000 построены на базе Ил-76МД, подводные лодки Yuan Туре 41 созданы на основе российской подлодки 877 Kilo, ЗРК HQ-9 — на основе С-300¹³. В китайском самолете-невидимке J-20 4-го (согласно ряду западных экспертов, 5-го) поколения также неофициально использовались некоторые российские наработки. Подозрения в нарушении прав интеллектуальной собственности (ИС) российских производителей, а также стремление Китая к закупкам ряда российских образцов вооружений очень малыми партиями (ввиду заинтересованности, в первую очередь, в заимствовании технологий) вызвали у Москвы сомнения относительно выгодности скорейших поставок новых систем вооружений Пекину. Наряду с указанными соображениями, сделать паузу в поставках на экспорт последних российской сторону заставил также взятый в рамках формирования нового облика Вооруженных сил и новой Госпрограммы вооружений (ГПВ-2020) курс на приоритетное оснащение современными и перспективными образцами ВиВТ российской армии.

Изменения российской позиции в 2014 г.: два вектора

В 2014 г. в позиции российской стороны по вопросам продаж вооружений и ВТС с Китаем стали происходить существенные сдвиги. Вследствие введения западными странами санкций, которые затронули финансово-кредитную сферу и ряд ключевых отраслей экономики, в первую очередь — оборонный сектор, была отменена большая часть контрактов с компаниями США и европейских стран в оборонной сфере, в том числе по поставкам или совместной разработке вооружений и военной техники или их компонентов¹⁴. Взяв курс на активизацию сотрудничества в экономической, оборонной и технологической сферах с ключевыми странами Азиатско-Тихоокеанского региона (так называемая политика поворота к Азии)¹⁵, Российская Федерация стала более активно развивать взаимодействие с КНР в военной и военно-технической областях при ясном понимании того, что ситуация на китайском рынке вооружений изменилась, и Пекин будет интересоваться в первую очередь новейшие российские вооружения и технологии¹⁶.

В 2014–2015 гг. Россией и Китаем после нескольких лет сложных переговоров были подписаны соглашения по поставкам в КНР 24 самолетов Су-35 и 6 дивизионов ЗРК С-400¹⁷, общая стоимость этих контрактов составляет около 5 млрд долл. (по Су-35 контракт заключен на 2 млрд долл., по С-400 — на 3 млрд долл.) Таким образом, они ознаменовали собой новый этап подъема в продажах вооружений и военной техники Китаю.

Также в 2014 г. в «Рособоронэкспорте» подтвердили информацию о переговорах с КНР по поставкам неатомных подводных лодок «Амур-1650». Ранее средства массовой информации сообщали, что «Рособоронэкспорт» подписал рамочный контракт с китайской стороной о совместном проектировании и строительстве четырех таких подлодок, две из которых должны были быть построены в России, и две — в Китае¹⁸.

Помимо сферы торговли вооружениями, новый вектор российской политики — если рассматривать его в аспекте «поворота к Китаю» — нашел выражение в активном развитии других ключевых направлений российско-китайского военно-экономического и военно-политического сотрудничества. Речь идет *об увеличении общего количества и усложнении и расширении сфер охвата военных учений с участием двух стран, более активном развитии контактов между министерствами обороны и ведомствами, курирующими ВТС и оборонно-промышленный комплекс, а также, в более широком плане — о стимулировании как в Москве, так и в Пекине ориентации на более тесную производственную кооперацию и сотрудничество в сфере научных исследований и разработок (НИР) оборонного и двойного назначения.*

Контакты между министерствами обороны и ведомствами, курирующими оборонный комплекс, осуществляются как в рамках двусторонних переговоров по конкретным проектам и контрактам в сфере ВТС (в них участвуют, в первую очередь, представители российско-китайской комиссии по военно-техническому сотрудничеству), так и в рамках различных международных организаций и форматов взаимодействия, включая структуры ООН, БРИКС, ШОС, АСЕАН и ряд международных форумов (форум Шяншань, Московские конференции по безопасности и др.) С 2014 г. число взаимных контактов, ориентированных на обсуждение оборонных и военно-технических вопросов, возросло. Увеличилась и численность военнослужащих, участвующих в совместных военных учениях (всего за последние 15 лет их было проведено более 25). Следует особо выделить две «линейки» совместных учений — антитеррористические учения «Мирная миссия», проводимые под эгидой ШОС, и двусторонние морские военные учения «Морское взаимодействие» (МВ). Последние, что очень важно, позволили китайским и российским военно-морским силам оперировать в новых для себя стратегически важных с точки зрения международной безопасности зонах, таких, как Средиземное море («МВ-2015») и Балтийское море («МВ-2017») — для Китая, или Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря — для России («МВ-2014» и «МВ-2016»). Кроме того, с 2016 г. стали

проходить российско-китайские учения нового формата — командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность», ориентированные на укрепление совместного сотрудничества в области ПВО/ПРО, включая планирование совместных операций. В ходе этих учений, состоявшихся в декабре 2017 г. в Пекине, отрабатывались вопросы взаимодействия группировок ПВО/ПРО России и Китая по совместному отражению ракетных угроз со стороны «третьих» стран.

Начиная с 2014 г. появился также ряд признаков, указывающих на усиление технологического сотрудничества между российскими и китайскими компаниями, прежде всего в сфере НИОКР оборонного и двойного назначения. Так, в 2015 г. Китайская корпорация авиационной промышленности (AVIC) и АО «Вертолеты России» подписали рамочное соглашение о сотрудничестве по проекту передового тяжелого вертолета на базе Ми-26, за которым последовало межправительственное соглашение о сотрудничестве по этой программе. В эту программу будут преимущественно направляться китайские инвестиции, а «Вертолеты России» разработают техническое предложение и отдельные системы перспективного вертолета (всего для Китая планируется построить не менее 200 новых вертолетов к 2040 г.). В июне 2016 г. В. Путин и Си Цзиньпин подписали межправительственное соглашение о совместной разработке, производстве, коммерциализации и послепродажном обслуживании нового дальнемагистрального широкофюзеляжного самолета (ШФМДС, китайское название — CR 929). По некоторым оценкам, совокупные инвестиции в проект могут составить от 16 до 20 млрд долл.¹⁹

В 2014–2017 гг. китайскими и российскими оборонно-промышленными компаниями и исследовательскими центрами были заключены и другие соглашения по различным направлениям сотрудничества. В частности, в декабре 2015 г. были подписаны Меморандум о взаимопонимании между Китайским авиационным исследовательским институтом (CARI) и российским Центральным институтом авиационного моторостроения (ЦИАМ) по сотрудничеству в области развития технологий авиадвигателей, а также соглашение между Китайским национальным космическим управлением (CNSA) и российской корпорацией «Роскосмос» по разработке и производству компонентной базы космического назначения и применению навигационных технологий в рамках систем GLONASS и Beidou²⁰. Госкорпорацией «Ростехнологии» и ее дочерней компанией «Росэлектроника» в 2014 г. были также достигнуты соглашения с AVIC²¹, Китайской корпорацией аэрокосмической науки и техники (CASC)²² и Китайской корпорацией электронных технологий (CETGC)²³. Они охватили сферы сотрудничества в области самолетостроения, вертолетостроения, двигателестроения, материалов для авиации, авионики, разработки и производства электронной компонентной базы, развития информационных технологий, систем связи и двойных технологий.

Оценивая в целом намеченные векторы укрепления военно-экономического и военно-политического сотрудничества России и КНР, следует отметить, что на практике высокая динамика взаимодействия в одной из этих сфер может оказывать существенное влияние на другую, и наоборот. Например, активизация контактов между военными и оборонно-промышленными структурами или проведение новых учений может способствовать заключению новых контрактов по закупкам и/или разработкам вооружений, и наоборот. Однако ключевой, на наш взгляд, вопрос, состоит не столько в особенностях этого влияния, сколько в том, *на какой из этих двух сфер сотрудничества — военно-политической или военно-экономической* — Россия сумеет сделать основной акцент в своем стратегическом курсе «поворота к Азии».

Сложность ответа на него заключается в том, что для российского экспертного сообщества более привычным и «традиционным» является восприятие стратегического партнерства с Китаем, прежде всего, через призму военно-политического сотрудничества и наращивания объемов торговли оружием, которые, в свою очередь, могут обеспечить и соответствующий рост политического влияния РФ в АТР. В то же время экспертные

оценки относительно того, как следует развивать партнерство с Китаем в высокотехнологических отраслях и в сфере новых технологий, гораздо менее проработаны. В дискуссиях на эту тему в основном обозначаются общие и достаточно очевидные задачи, которые следует решить российской стороне: привлекать инвестиции, предотвратить копирование российских технологий, «придать импульс инновациям в российском ОПК» с помощью расширения и углубления НПОКР с КНР²⁴. Между тем развитие военно-экономического сотрудничества с КНР может быть осложнено целым рядом проблем, включая такие, как: а) диспропорциональность модели двусторонней торговли с Китаем (в рамках которой роль России сведена к поставкам сырья); б) усиление зависимости РФ от китайской экономики — высокая заинтересованность в притоке инвестиций, прежде всего в нефтегазовую отрасль²⁵, а также в закупках станков, оборудования, микропроцессоров; в) преимущественное участие в двустороннем экономическом взаимодействии ограниченного числа государственных компаний, достаточно низкая вовлеченность напрямую частного бизнеса. К ним добавляются проблемы обеспечения защиты интеллектуальных прав и увеличения числа случаев наложения западными странами санкций на китайские компании, взаимодействующие с российским бизнесом²⁶. Однако модель укрепления чисто военно-политических элементов сотрудничества с КНР таит в себе еще больше негативных сторон. Заключаются они в возможностях консервации на длительный срок указанных неблагоприятных трендов в экономическом взаимодействии двух держав²⁷ при одновременном почти ничем не компенсируемом росте угроз, связанных с наращиванием военно-стратегической мощи Китая.

Оценки нового этапа военно-технического сотрудничества России и Китая

По оценкам военных специалистов, с помощью систем С-400, поставки которых в КНР начались в 2018 г., Китай сможет значительно расширить радиус обеспечения действия своей системы ПВО с 200–250 км (максимальная дальность поражения С-300ПМУ2) до 400 км — вплоть до охвата всей территории Тайваня, а также воздушного пространства над значительной частью Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, в том числе над спорными островами Сэнкаку/Дяоюйдао, контролируемые Японией. Оснащенные более современным радаром, способные реагировать на 80 одновременно обстреливаемых целей и интегрированные со средствами РЭБ, С-400 также позволят значительно усилить китайскую опознавательную зону противовоздушной обороны (*Air Defence Identification Zone, ADIZ*), развертыванию которой активно противодействовали США и их союзники в регионе²⁸.

К числу технологических преимуществ российских Су-35, в отличие от истребителей 4-го поколения J-11, находящихся на вооружении ВВС НОАК, относятся новый комплекс авионики (на основе цифровой информационно-управляющей системы), новая радиолокационная станция «Ирбис-Э» с фазированной антенной решеткой, большая дальность обнаружения воздушных целей (до 400 км) и увеличенное число одновременно сопровождаемых целей. Су-35 также обладает усиленными стелс-возможностями и возможностями РЭБ и оснащен новыми двигателями И7С с увеличенной тягой и поворотным вектором тяги. Получение истребителей Су-35, как считается, позволит НОАК не только использовать их в целях укрепления системы ПВО, но и улучшить технологические характеристики новейшего истребителя J-20, принятого в 2017 г. на вооружение в КНР.

Технологическими преимуществами ДЭПЛ «Лада», которые представляются наиболее важными для Китая, являются малозумность этой подлодки²⁹, увеличенная дистанция обнаружения целей, примененные на ней новые технологии по снижению заметности субмарин, оснащенность уникальным гидроакустическим комплексом. В рам-

как этого проекта Китай, по всей видимости, может также выиграть за счет выгодных условий технологической кооперации: так, не менее 30% комплектующих в подлодках «Лада»/«Амур» могут быть китайского производства, и эти подлодки могут быть оснащены ВНЭУ иностранного производства, произведенной, видимо, в Китае³⁰.

Соглашения по С-400 и Су-35, наряду с проектами ШФДМС и перспективного тяжелого вертолета, входят в так называемый президентский список приоритетных совместных проектов, реализуемых Россией и КНР. Для России, помимо непосредственных выгод от реализации крупных контрактов по поставкам вооружений и осуществлению совместных НИОКР, а также демонстрации (за счет содействия укреплению противоздушной обороны Китая) «стратегического ответа» Вашингтону на развертывание ПРО в Южной Корее, они откроют возможности для расширения промышленной и технологической кооперации и инвестиционного сотрудничества с Китаем. При этом открытым остается вопрос, будет ли активизация совместного военно-политического и военно-технического сотрудничества способствовать более тесному сближению Москвы и Пекина вплоть до создания полноценного военно-стратегического альянса двух стран. По этому поводу как в западных, так и в российских экспертных кругах преобладают мнения, что последнее вряд ли возможно. В том числе потому, что Россия в Азии ведет достаточно сложную и многостороннюю «игру», стремясь определенным образом сбалансировать «стратегическое партнерство» с Китаем поддержанием тесных экономических и военно-политических связей и активным развитием ВТС с Индией и Вьетнамом, а в последнее время — налаживанием экономического и политического сотрудничества с Южной Корей и Японией³¹.

Если же рассматривать военно-экономические составляющие активно развивающегося сотрудничества с КНР, следует отметить, что в этом плане ключевыми вопросами будут оставаться вопросы о защите интеллектуальной собственности, условиях передачи технологий и ограничений, накладываемых на них в рамках государственного регулирования, а также вопросы моделей инвестиционного взаимодействия и производственной кооперации.

Говоря о некоторых преобладающих тенденциях в этой сфере, подчеркнем, что с российской стороны будет продолжаться повышаться внимание к проблемам контроля за передачами технологий и защиты ИС, это обусловлено в том числе недоработками, которые были допущены в этом плане ранее. Так, согласно ряду экспертных оценок и анализу, предпринятому российскими государственными структурами после 2014 г., многие технологии и системы вооружения, которые, как считалось, были незаконно скопированы Китаем в 1990-е и 2000-е годы, на самом деле были получены на основании легитимных контрактов с китайскими оборонными компаниями ввиду общего слабого регулирования технологических обменов в РФ³².

Повышение роли регулирующей составляющей за последние несколько лет нашло выражение в подписании в 2012 г. Российской Федерацией нового соглашения с КНР в области защиты ИС в развитие соглашения по защите интеллектуальной собственности 2008 г., а также в том, что в последние годы по большинству отдельно взятых соглашений с КНР по продажам вооружений и их совместному производству стали заключаться дополнительные соглашения по защите ИС. Такое соглашение было, в частности, заключено в 2015 г. в связи с продажей Су-35 КНР. Еще одним примером стало подписание в 2016 г. и последующая ратификация соглашения о защите ИС в сфере ракетно-космических технологий³³. Поскольку в сфере ракетных технологий достаточно сложное регулирование, в первую очередь связанное с экспортным контролем, такое соглашение может открыть перспективы для соответствующего трансфера технологий. В том числе, видимо, и в том, что касается широко обсуждаемого вопроса о возможностях передачи Китаю технологий ракетных двигателей РД-170 и РД-180 (последними оснащаются аме-

риканские ракеты Atlas 5, но США рассматривают вопрос о прекращении закупок РД-180 в качестве «элемента санкций»³⁴.

В целом перспективы развития сотрудничества в технологической сфере с Китаем можно оценить как более благоприятные, чем пять-десять лет назад. В первую очередь это связано с тем, что руководством КНР в последние годы взят курс на жесточайшие политики в сфере защиты ИС в целях улучшения инвестиционного климата и возможностей дальнейшего технологического развития страны³⁵.

Следует ожидать, по всей видимости, и большей детализации и усложнения лицензионных соглашений, включая соглашения по лицензионному производству, которые будут заключаться с контрагентами из Китая. Это обусловлено тем, что предметом соглашений будут выступать теперь преимущественно новейшие российские системы вооружений и технологии, тогда как ранее, напротив, они заключались в основном по достаточно давно разработанным системам вооружений и/или же касались ВиВТ, не отличающихся очень высокой сложностью (артиллерийские установки, РСЗО, самоходные гаубицы и др.)

Между тем фиксируется и тренд, связанный с сохранением достаточно высокой «степени защиты» ключевых российских оборонных технологий и технологий двойного назначения. Наиболее чувствительные для развития отечественного оборонного комплекса технологии, будут, очевидно, запрещаться к передаче Китаю в форме соответствующих соглашений по лицензионному производству или иным способом, помимо продаж готовых изделий. Примерами в этом плане являются технологии авиационного двигателестроения, создания систем ПВО/ПРО и ряд других.

* * *

В целом ключевые события, зафиксированные в сфере военно-технического сотрудничества России и Китая в 2013–2017 гг., указывают на состоявшийся переход к новому этапу этого сотрудничества. Он характеризуется не только ростом объемов продаж ВиВТ (учитывая не очень большое число новых контрактов, этот рост вряд ли может оказаться значительным), но также новыми контрактами в области НИОКР и большим вниманием к вопросам передач технологий. Учитывая давно наметившуюся тенденцию перехода КНР к избирательным закупкам новейших образцов вооружений и техники, далее соглашения по закупкам, видимо, будут касаться преимущественно небольших и высокотехнологичных систем и новейших разработок по основным ключевым сегментам ВиВТ, к которым Китай продолжает сохранять интерес (военное авиастроение, двигателестроение, военно-морские вооружения и комплексы, системы ПВО/ПРО и ряд других).

По сравнению с военно-экономическими факторами, влияние на развитие ВТС России и Китая военно-политических факторов пока продолжает играть главенствующую роль. Курс на «поворот к Азии» нашел выражение прежде всего в укреплении военно-политического взаимодействия России с Поднебесной (учения, военное и военно-политическое сотрудничество в рамках международных организаций и форумов). Между тем, несмотря на существующие сложности (слабость ряда компонентов российской инновационной системы, неравномерность структуры торговли с КНР), России следует воспользоваться открывшимся окном возможностей для налаживания более тесных военно-экономических связей с Китаем. В целях более детальной проработки возможностей такого сотрудничества Российская Федерация могла бы опереться как на зарубежный опыт партнерств в оборонной и военно-технической сфере и сфере трансфера технологий, так и на уже имеющийся опыт реализации соглашений в области НИОКР, лицензионного производства и передач технологий с Индией и рядом других ключевых стран — партнеров по ВТС.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
2. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017. P. 12. Стоимость закупленных Китаем у России в 1992–2006 гг. вооружений и военной техники оценивается рядом экспертов приблизительно в 26 млрд долл. А за период 2008–2012 гг. Китай, согласно данным СИПРИ, закупил у РФ обычных вооружений на сумму 5, 15 млрд долл., тогда как общий объем закупок вооружений КНР в указанный период составлял 7, 483 млрд долл.
3. *Барабанов М.С., Кашиин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР/ Центр анализа стратегий и технологий; Российский ин-т стратегич. исслед. М., 2013. С. 155–156.
4. *Bromley M., Holton P., Perlo-Freeman S., Wezeman P.D.* Recent Trends in the Arms Trade. SIPRI Background Paper. April 2009. URL: <http://www.unidir.org/files/medias/pdfs/recent-trends-in-the-arms-trade-sipri-eng-0-139.pdf>
5. *Барабанов М.С., Кашиин В.Б., Макиенко К.В.* Указ. соч. С. 144–154. Кроме того, в КНР было организовано лицензионное производство корабельной артиллерийской установки АК-176, реактивной системы залпового огня 9К58 «Смерч», боевого отделения самоходной гаубицы 2С19М1 «Мста-С», боевого модуля «Бахча-У» для бронетанковой техники, комплексов управляемого танкового вооружения 9К116–1 «Бастион» и 9К119М «Рефлекс-М», миномета 2С23 «Нона-СВК» и ряда других вооружений сухопутных войск.
6. *Кравченко А.* Россия в небе Китая. URL: <http://rostec.ru/news/4515009/>
7. Здесь и далее приводятся сведения по поставкам ВиВТ Китаю из базы данных СИПРИ по поставкам обычных вооружений. См.: SIPRI Database on transfers of major weapons. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>
8. *Клименко А.Ф.* Российско-китайское военное сотрудничество. URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=152903&type=3&page=0&hd=>
9. Подробнее о попытке снятия эмбарго ЕС в отношении Китая в 2004 г. и о роли США в сохранении этого эмбарго см.: Ежегодник СИПРИ 2005: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2006. С. 442–446.
10. *Евтодьева М.* Кризис системы военного и военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами // Разоружение и безопасность 2013–2014. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 146–150, 157–158.
11. Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы / под ред. Н.И. Калининной. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 155–156.
12. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017.
13. *Евтодьева М.* Указ. соч. С. 153–155.
14. Там же. С. 157–158.
15. *Mankoff J.* Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // Asia Policy. 2015. № 19. P. 65–87.
16. Москва и Пекин пока не будут заключать новых договоров по военно-технической сфере. URL: https://vpk.name/news/44752_moskva_i_pekina_poka_ne_budut_zaklyuchat_novyih_dogovorov_po_voennotekhnicheskoi_sfere.html
17. China makes advance payment for S-400 air defense system delivery. TASS. March 11, 2016. URL: <http://tass.com/defense/861706>; *Петров И.* Крылья на экспорт // Российская газета. 19.11.2015.
18. *Киселева Е.* На китайских берегах «Амуры» // Коммерсант. 20.12.2012.
19. *Потов М.* Самолет на \$20 млрд. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2018/04/10/536197.html>
20. Роскосмос. Участие в 20-й встрече глав правительств России и Китая. URL: <https://www.roscosmos.ru/21874/>
21. Ростех и AVIC заключили соглашение о сотрудничестве. URL: <http://rostec.ru/news/4515000/>
22. «Ростех» подписал соглашение с китайской аэрокосмической корпорацией (пресс-релиз). URL: http://rostec.ru/content/files/press-rel/press-release_Rostec_CASC.pdf
23. «Росэлектроника» продолжает сотрудничество с китайскими коллегами. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2014/08/18/301469.html>

24. *Смирнова Л.Н.* Россия — Китай: 20 предложений для экономического, научного и гуманитарного партнерства. М.: Российский совет по международным делам (РСМД), 2014.
URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-20-predlozheniy-dlya-ekonomicheskogo/>
25. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017. P. 12.
26. *Кашин В.* Валдайская записка № 44. Промышленная кооперация — путь к сопряжению российской и китайской экономик. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11763/>
27. Там же.
28. Комплексы С-400 (сопряженные с ними системы управления) могут также интегрировать различные зональные системы ПВО, включая системы С-300ПМ1/ПМ2, «Тор-М1», «Панцирь-С1». См.: Зенитная ракетная система С-400 «Триумф». URL: <http://nevskii-bastion.ru/s-400-tm-2014/>
29. Ряд экспертов, однако, считают, что информация о малой шумности подлодки «Лада» сильно преувеличена, поскольку российские разработчики пока не сумели создать эффективную воздушнезависимую энергетическую установку (ВНЭУ) для этой подлодки, которая могла бы обеспечить низкие параметры шумности. См.: *Roblin S.* Why Russia's New 'Stealth' Submarine Have a Big Problem // The National Interest. 2017. October 30.
30. *Киселева Е.* Указ. соч.
31. *Mankoff J.* Op. cit.; *Karaganov S., Bagchi I.* China and Russia are quasi allies... On strategic affairs Russia and India have serious conversations only at top level // The Times of India. 28.02.2018.
32. *Gabuev A.* Friends with Benefits? Russia-Chinese Relations after the Ukraine Crisis. URL: http://carnegieendowment.org/files/CEIP_CP278_Gabuev_revised_FINAL.pdf; *Kashin V.* Selling S-400s to China: A New Front in the Cold War? URL: <http://carnegie.ru/2015/04/27/selling-s-400s-to-china-new-front-in-cold-war/ik1m>.
33. Утверждено российско-китайское соглашение о защите интеллектуальной собственности в сфере ракетно-космических технологий. URL: <http://agat-rosocosmos.ru/novosti-otechestvennih-smi/utverzhdno-rossijsko-kitayskoe-soglashenie-o-zashchite-intellektualnoy-sobstvennosti-v-sfere-raketn/>
34. Россия и КНР подпишут соглашение о защите ракетных технологий // Известия. 24.04.2016.
35. Новое в защите интеллектуальной собственности в Китае в 2012 г.
URL: <http://www.korpusprava.com/ru/publications/analytics/novoe-v-zashite-intellektualnoy-sobstvennosti-v-kitae-v-2012-g.html>; China Must Enhance Protection of Intellectual Property Rights: Premier Li. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2017-11-22/china-must-enhance-protection-of-intellectual-property-rights-premier-li>

Государство и общество

Правовые основы деятельности институциональных инвесторов в России, Китае и США

© 2018

Ю.В. Магдалинская

В статье анализируются правовые принципы и основы деятельности институциональных инвесторов в России, Китае и США. Показано, что именно посредством вовлеченности институциональных инвесторов можно ограничить риск неправомерных действий со стороны менеджмента компании. Активность российских пенсионных фондов и прочих видов доверительного управления остается низкой по сравнению с развитыми рынками. Поэтому китайский опыт внедрения инвесторов в корпоративное управление компаниями может стать хорошим подспорьем для нового витка развития российской корпоративной среды.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, коллективное инвестирование, институциональные инвесторы, корпоративное управление, закон об инвестициях, ценные бумаги, совет директоров, акционерный капитал.

DOI: 10.31857/S013128120000157-3

В современных условиях неопределенности вектора своего дальнейшего развития инвестиционная деятельность становится основным объектом анализа и принятия управленческих решений. На текущий момент мировые финансовые и товарные рынки так изменчивы, что риск убыточного инвестирования достаточно велик. Именно поэтому мировая инвестиционная деятельность получила новый виток развития в виде достаточно активного участия институциональных инвесторов — юридических лиц или структур без образования юридического лица, управляющих частными накоплениями и при этом берущих на себя ответственность за принятие инвестиционных решений в том или ином объеме. Ситуация, когда физическое лицо передает свои денежные средства (активы) в доверительное управление специально созданным инвестиционным фондам, доверительным структурам, не вызывает множества вопросов — частный инвестор, не имея прямой доступа к национальным и международным финансовым рынкам, становится опосредованным участником, получая, естественно, доход в зависимости от объема инвестиционных средств и успешности выбранной инвестиционной стратегии. Гораздо сложнее охарактеризовать правовые полномочия, которые несут инвесторы в лице фондов доверительного управления (ФДУ) и инвесторы как вкладчики в данные ФДУ. Более

того, в зависимости от правовой системы и законодательных ограничений обе стороны инвестиционных отношений несут не только ограниченную правовую ответственность за инвестиционные решения, но и ограниченные права на получение прибыли.

Понятие «институциональные инвесторы» в правовом аспекте

Инвесторы являются современными аккумуляторами финансовых средств, полученных от множества физических и юридических лиц. Будучи активными участниками финансовых рынков, они создают новые особые правила функционирования фондовых бирж и корпоративного сектора. В отличие от стратегических инвесторов, которые сфокусированы на прямых инвестициях в отдельный бизнес или проект, институциональные инвесторы ставят перед собой задачу собрать оптимальный портфель успешных вложений, инвестируя агрегированные финансовые ресурсы, полученные от физических и юридических лиц. Именно поэтому институциональные инвесторы не считают первоочередной задачей получение полного контроля над объектом инвестирования. Удачно сформированный инвестиционный портфель позволяет создать успешную стратегию управления и иметь стабильный доход от вложений.

Современная тенденция в международной практике состоит в понижении доли финансового сектора и повышении удельного веса институциональных инвесторов при распределении денежных ресурсов на рынке вложений.

Развивающийся высокими темпами рынок коллективных инвестиций, а также возросшие требования объективной реальности поставили перед законодательством ряд задач: расширить правила игры на рынке коллективных инвестиций в целом и паевых инвестиционных фондов в частности, удовлетворить стремление участников рынка применять новые виды инвестирования и привлечения денежных средств инвесторов, а также увеличить правовое поле институтов инвестирования до общемировых стандартов¹.

Стратегические инвесторы, как правило, получив контроль над интересующей компанией, перестают активно управлять своим инвестиционным портфелем. Изначально из-за большей фидуциарной ответственности* институциональные инвесторы не могут себе позволить выбирать спекулятивные стратегии (хотя практика иногда показывает обратное), которые предполагают краткосрочные покупки и продажи ценных бумаг на рынках срочных сделок. Для институциональных инвесторов более характерна консервативная стратегия инвестирования, при которой инвестор на протяжении продолжительного периода следит за повышением курсовой стоимости его портфеля. Специфика институциональных инвесторов заключается в том, что пакет акций одного акционерного общества — объекта инвестирования, которые могут держать в своем портфеле такие инвесторы, обычно не может быть больше 20% от всего уставного капитала общества. Исходя из сложившейся практики вопрос о роли институциональных инвесторов стоит достаточно остро. В теории институциональные инвесторы могут влиять на деятельность компании лишь через решения, принимаемые на общем собрании акционеров.

В первую очередь, контроль напрямую зависит от доли прав, которыми владеет инвестор, будь то единоличный или институциональный. Объем инвестиционного вклада в уставный капитал создает прецедент на право контроля, а также право косвенного или прямого управления. Поэтому доля в капитале является первоочередной точкой зависимости прав инвестора и его возможностей влияния на корпоративное управление.

Институциональные инвесторы, формируя инвестиционный портфель и управляя им, получают доход от роста курсовой стоимости ценных бумаг и процентного дохода по выплатам от ценных бумаг. При этом работа по размещению активов, принадлежа-

* Фидуциарная ответственность – ответственность за действия или последствия действий, совершаемых на должности, которая не регулируется какими-либо законами, постановлениями или документацией, имеющими юрисдикционную силу.

щих институциональным инвесторам, происходит по двум направлениям: (1) определение типа инвестиционного (финансового) актива, который будет составлять часть инвестиционного портфеля; (2) определение объема распределения инвестиционных ресурсов в зависимости от типа финансовых активов и их доходности. Например, в США существуют отдельные инвестиционные фонды, которые, к примеру, специализируются только на корпоративных ценных бумагах компаний из топливно-энергетического или технологических секторов.

Что касается правовых аспектов деятельности именно институциональных инвесторов, то эти юридические лица передают компании значительные финансовые ресурсы, привлеченные ими от частных лиц, и становятся ее акционерами. Предполагается, что активность институциональных инвесторов в управлении компанией ведет к положительным результатам, например, максимизации доходов, уменьшению кризисных ситуаций в корпоративном управлении. Будучи собственниками акций, институциональные инвесторы требуют все больше прав в корпоративном управлении. Индивидуальные инвесторы обычно не стремятся пользоваться своими правами по участию в управлении компанией, однако их не может не волновать, обеспечиваются ли равные возможности со стороны контролирующих акционеров и их менеджеров. Как отмечено в Принципах корпоративного управления Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «отчасти эти отношения регулируются законами и подзаконными актами, а отчасти им приходится посредством проводимой внутри компании политики приспособляться к бизнес-условиям внешней среды». Тем не менее активное внедрение международных стандартов ведения инвестиционной деятельности позволяет синхронизировать национальную правовую практику с практиками зарубежных стран, что является критически важным для осуществления инвестиций не внутри страны, а на глобальном уровне.

Единообразное определение понятия «институциональный инвестор» в литературе отсутствует. Так, американские специалисты подразумевают под ними пенсионные и инвестиционные фонды, англичане добавляют страховые компании, немецкие ученые — банки, а российские — инвестиционные компании².

Наравне с понятием «институциональный инвестор» существует понятие «профессиональный инвестор», как нечто противоположное частному инвестору. При этом инвесторы, которые владеют акциями других лиц, и инвесторы, чьи акции подчинены бенефициарному интересу третьих лиц, — абсолютно разные вещи.

Правовые основы деятельности институциональных инвесторов в РФ

Правовое регулирование деятельности институциональных инвесторов осуществляется в России преимущественно подзаконными актами Российской Федерации. Понятие «институциональный инвестор» используется в законодательстве, регулирующем отношения в сфере пенсионных накоплений, ипотечной системы, страхования вкладов. Правительство РФ указывает на открытый перечень организаций, осуществляющих деятельность в форме институциональных инвесторов³. Центральный банк РФ, напротив, ссылается на закрытый перечень институциональных инвесторов, относя к ним страховые компании, паевые инвестиционные и негосударственные пенсионные фонды.

Правительство РФ довольно часто упоминает институт институциональных инвесторов в своих программных документах и правовых актах, однако при этом на законодательном уровне не создается никаких правовых рамок и федеральных правоприемительных актов. На основании ст. 4 Закона о капитальных вложениях субъектами инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, являются инвесторы, заказчики, подрядчики, пользователи объектов инвестиционной деятельности, другие лица.

В соответствии со ст. 51.2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» выделяется такая категория инвесторов, как квалифицированные инвесторы. В силу указанного Закона к квалифицированным инвесторам отнесены те инвесторы, которые отвечают критериям институционального инвестора (кредитные организации, акционерные инвестиционные фонды и другие).

Исходя из того, что содержание инвестиционного отношения составляют субъективные права и обязанности его субъектов, большинство специалистов рассматривают его на основе анализа прав и обязанностей субъектов инвестиционной деятельности, закрепленных в законодательстве. При этом, как правило, они опираются на права и обязанности, закрепленные в ст. 6 и 7 Закона о капитальных вложениях и ст. 5 и 6 Закона об инвестиционной деятельности в РФ. Институциональные инвесторы всегда являются квалифицированными и профессиональными участниками финансового рынка. Помимо законодательного определения понятия «институциональный инвестор», данный термин используется арбитражными судами в делах, участниками которых являются страховые общества либо инвестиционные фонды⁴.

Применение единых принципов инвестирования институциональными инвесторами создаст основу для расширения и распространения других форм коллективного инвестирования и их институционализации.

Инвесторы обладают следующими правами (ст. 6 Закона о капитальных вложениях⁵):

- осуществлять инвестиционную деятельность;
- самостоятельно определять объемы, направления, размеры и эффективность инвестиций;
- владеть, пользоваться и распоряжаться объектами и результатами инвестиций;
- контролировать целевое использование инвестиций;
- передавать свои полномочия в инвестиционном процессе и полученные результаты инвестиционной деятельности;
- заключать договоры с другими субъектами инвестиционной деятельности;
- объединять собственные и привлеченные средства со средствами других инвесторов в целях совместного инвестирования;
- осуществлять инвестиции в объекты предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации за счет доходов или прибыли от иностранных инвестиций (реинвестирование).

В то же время надо иметь в виду, что содержание инвестиционных правоотношений не исчерпывается правами и обязанностями, закрепленными в двух вышеупомянутых законодательных актах⁶. Связано это с тем, что, во-первых, существуют виды инвестиционной деятельности, не охватываемые этими документами; во-вторых, различные права и обязанности субъектов инвестиционных правоотношений закрепляются нормами ГК РФ и других актов гражданского законодательства, а для публичных служебных правоотношений также нормами административного и финансового законодательства, в-третьих, для отдельных видов инвестиционных правоотношений государство устанавливает специальные правила, т.е. применительно к данному конкретному случаю. Наиболее это характерно для публичных инвестиционных правоотношений с участием самого государства, с которым, как утверждено Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (Протокол № 1 от 15 февраля 2006 г.), будут взаимодействовать компании и общества различного направления.

Институциональные субъекты (инвесторы) выступают тем инструментом, посредством которого государство инициирует, направляет нужные процессы и вовлекает в них частный сектор, налаживая и вырабатывая различные механизмы государственно-частного партнерства.

Согласно Методическим материалам по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий, утвержденным Распоряжением Минэкономразвития России от 31 января 2011 г. № ЗР-ОФ, создается возможность применения механизмов частно-государственного партнерства, включая использование механизмов налогового и бюджетного стимулирования инновационного развития, возможностей государственных институтов инновационного развития⁸.

В целом российские институты развития представляют собой организационные структуры, специально создаваемые государством с целью реализации и софинансирования важных для экономики страны проектов, развития приоритетных отраслей и инфраструктуры. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 500-р «О проекте Федерального закона «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разработан проект Федерального закона № 252441–6 «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым предлагается создать в Российской Федерации публично-правовые компании, которые будут представлять собой новую организационно-правовую форму некоммерческих юридических лиц с исключительно государственным участием.

Правила инвестирования временно свободных средств для публично-правовых компаний предлагается сохранить в таком же виде, который в настоящее время предусмотрен для государственных корпораций и государственных компаний. Правительство РФ определяет перечень разрешенных объектов инвестирования, порядок совершения сделок, порядок контроля за инвестированием, правила опубликования отчетов об итогах инвестирования (п. 3.2 ст. 7.1 и п. 9 ст. 7.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

В последнее время возросла роль российских государственных компаний на инвестиционном рынке страны («Газпром», «Совкомфлот», «Роснефть» и др.) Например, «Газпром» активно прибретал контроль над компаниями смежных отраслей. Государственные корпорации также расширили свою роль в экспорте прямых инвестиций. Несмотря на продолжающееся сокращение удельного веса государственных ТНК среди всех российских инвесторов за рубежом, в настоящее время около 28% накопленных российскими компаниями зарубежных активов приходится на долю государства.

Тем не менее для правовой свободы, которая в целом развивается в рамках правовых актов современного российского законодательства, создаются на текущий момент новые ограничения. Все началось с 2014 года, когда российских инвесторов обязали получать статус квалифицированных (по примеру мировой практики). Безусловно, институциональные инвесторы как аккумуляторы финансовых средств множества относительно незащищенных с правовой точки зрения лиц в первую очередь подпадают под необходимость получения статуса квалифицированных инвесторов. Имеющаяся судебная практика также выявила существенный недостаток в «квалификации» крупных российских инвесторов, которые номинально могут отвечать всем критериям квалифицированного инвестора. Речь идет о ряде судебных решений⁹ по искам компаний ООО «Эрмитаж Девелопмент» и ООО «Агротерминал» к ЗАО «ЮниКредит», связанных с односторонним расторжением сделок процентного свопа. Эти организации, взявшие у банка кредиты на общую сумму более 100 млн долл., через суд добились расторжения договоров процентного свопа. Судебные слушания показали, что клиенты российских банков (судя по характеру и объему этих сделок, это весьма крупные компании), заключавшие срочные сделки процентного свопа, не до конца отдавали себе отчет в правовой природе этих производных финансовых инструментов. Цель законодателя при введении института квалифицированного инвестора в законодательство о рынке ценных бумаг заключалась в

том, чтобы защитить мелкого, массового, неквалифицированного инвестора при сделках с финансовыми инструментами. Предполагалось, что крупный инвестор обладает достаточными интеллектуальными и финансовыми ресурсами, чтобы защитить себя самому.

История участия институциональных инвесторов в управлении компаниями Китая

В Китае численность институциональных инвесторов и масштабы их деятельности показали колоссальный рост на фоне ускоренного развития рынка капитала. В настоящий период Китай находится в состоянии, которое можно охарактеризовать как «зарождение + смена модели». К тому же институциональные инвесторы сейчас, как и раньше, находятся в отличных от других стран социальных условиях, например, абсолютная исключительность прав долевой собственности в листинговых компаниях, монополизм, неустоявшаяся система корпоративного управления акционерными компаниями, поэтому при том, что общепризнанно влияние и заимствование опыта иностранных государств, однако практика заставляет насущно учитывать местные особенности.

Многие китайские исследователи, говоря о корпоративном управлении, назвали структуру права долевой собственности основой и определяющим фактором эффективности системы корпоративного управления и всех его аспектов. Структура права долевой собственности в листинговых компаниях в Китае обладала с самого начала абсолютно только для Китая характерными особенностями, отличаясь от англосаксонской системы с ее субъектностью институциональных инвесторов высокой степенью децентрализации акционерного права: отличаясь также и от свойственных для Японии и Германии моделей перекрестного владения акциями юридических лиц, банков как крупнейших акционеров в листинговых компаниях и достаточно высокой степени концентрации акционерных участников компании.

Эти особенности, присущие Китаю, берут свое начало в самом зарождении рынка ценных бумаг в стране, когда подавляющее большинство компаний возникали в результате преобразования государственных предприятий, и государство не собиралось и после их превращения в акционерные общества терять свою роль крупнейшего акционера. Компании оставались по-прежнему под контролем государства, более того, существовали компании, где государство было единственным акционером, то есть говорить о структуре акционерного права вообще было нелогично. Исследования компаний нефинансового сектора Шэньчжэня и Шанхая первых десяти лет нынешнего века показывают, что в структуре права акционерной собственности публичных компаний самой главной его особенностью было монопольное владение акциями. Вплоть до реформы 2005 года, разрешавшей торги акциями китайских государственных компаний на Шанхайской и Шэньчжэньской биржах, доля акций, находящихся в руках крупнейшего акционера, составляла в 2002–2005 гг. 43,58; 42,67; 41,77 и 40,43% соответственно. После проведения реформы 2005 года показатели следующих четырех лет снизились до 36,15; 35,98; 36,24 и 36,24%. Эти средние показатели лишь частично отражают ситуацию концентрации капитала, так как, например, в первых пяти крупнейших компаниях Китая этот показатель был значительно выше указанных. Колебания этих показателей по различным компаниям крайне значительны, однако они показали снижение в определенной степени доли крупнейших акционеров при условии сохранения крупнейшим акционером своего контрольного пая. Это создало условия для полного контроля над прибылью компаний при помощи таких приемов, как сделки с заинтересованностью, что в конечном итоге нанесло урон интересам самих компаний и интересам средних и малых акционеров.

Подобная специфичная структура права долевой собственности привела к тому, что система внутреннего управления корпорациями, включающая общее собрание акционеров, совет директоров, наблюдательный совет, а также привлеченный независимый

директор не могли нормально выполнять свои функции. После реформы 2005 года структура права долевой собственности была значительно улучшена, однако развитие и усовершенствование механизма корпоративного управления является процессом небыстрым и нелегким, поэтому в настоящее время корпоративное управление листинговых компаний по-прежнему характеризуют следующие недостатки.

Во-первых, функциональная слабость внутреннего управления.

Сформированный внутри компании механизм корпоративного управления с организационной точки зрения включает взаимозависимые и выполняющие каждый свои функции элементы — общее собрание акционеров, совет директоров, наблюдательный совет. Однако вследствие монопольной структуры права долевой собственности функции механизма внутреннего управления компании не сбалансированы и не эффективны.

В условиях контроля со стороны крупнейшего акционера даже общее собрание акционеров, самый важный способ участия средних и малых акционеров в управлении компанией, не дает право голоса средним и малым акционерам, превратившись в «театр одного актера» — крупнейшего акционера. Исследования Сюй Сяояня и Ван Яня обнаружили, что из-за недостатка возможности для средних и мелких акционеров концентрированно выражать свои замечания в процессе голосования представителей участие индивидуальных акционеров в общем собрании сведено к выплате расходов, и при расселении права долевой собственности невозможно избежать традиционной проблемы «непосредственного бенефициара». А средние и мелкие акционеры не имеют механизмов контроля за управляющими компании и возможности оказывать влияние на процессы в АО. Акционеры, контролирующие государственные акции и акции юридических лиц, всеми способами и в дальнейшем будут прилагать усилия к устранению влияния средних и мелких акционеров в процессе контроля за деятельностью АО¹⁰.

Совет директоров становится «инсайдеровским» советом директоров, органом, не обеспечивающим внутренний контроль компании в целом, а также контроль управления компанией и действий ее генерального директора. То, что инсайдеровский контроль и степень его реального влияния в публичных компаниях находится в тесной зависимости от степени концентрации права долевой собственности, подтверждается анализом деятельности компании, приведенном Хэ Цзюнем¹¹, где напрямую указано, что в компаниях с высокой степенью концентрации права долевой собственности высока степень инсайдеровского контроля. Чэнь Сяньюн¹² также указывает на тесную связь двух параметров. Очевидно, что в Китае серьезно стоит проблема внутреннего контроля со стороны совета директоров в компаниях с крупнейшим акционером, чье влияние не дает возможность сформировать независимый эффективный совет директоров, который способствовал бы оздоровлению процесса управления и принятия решений в компании. В Китае в целях повышения независимости совета директоров было решено прибегнуть к привлечению такого института, как независимый директор. Однако на практике, как показали многие исследования, независимый директор в компании становится лишь укорашением, «побрякушкой» (Гао Минхуа, Ма Шоули¹³; Ху Цинцин, Шэнь Ифэн¹⁴; Ли Чанцин, Лай Цзяньцин¹⁵). Шао Шаоминь в своих исследованиях подтверждает¹⁶, что владеющий контрольным пакетом акций акционер — важный фактор замедления и пробок на пути усовершенствования системы корпоративного управления в компании, и обладание им слишком большим количеством акций дает ему соотносимо больше возможностей построения инсайдеровских барьеров для снижения эффективности действий независимого директора в системе внутреннего корпоративного контроля.

Наблюдательный совет также оказывается лишь совещательным органом, находящимся в подчинении совета директоров и инсайдера, и не способен осуществить свою контрольную функцию. И пусть даже формально наблюдательный совет в соответствии с законодательством несет функцию по контролю за деятельностью компании, однако, в силу, вероятно, несовершенства его рамок под контролем крупнейших акционеров мо-

жет быть принято решение о включении в состав наблюдательного совета представителя крупнейших акционеров и занятия им должности председателя наблюдательного совета. Сам наблюдательный совет в подобной ситуации, естественно, становится послушным инструментом в руках менеджмента компании. Контрольная функция такого наблюдательного совета практически является ничтожно малой.

Во-вторых, слабость внешнего корпоративного управления.

Система внешнего управления корпорацией находится в непосредственной связи с ее внутренним управлением. Включает в основном такие внешние силы влияния, как товарный рынок, рынок профессиональных управленцев, рынок капитала, а также рынок права распоряжения. В Китае, как в стране с переходной экономикой и растущим рынком капитала, отсутствуют условия для нормального функционирования системы внешнего корпоративного управления.

Одновременно с этим особенный характер структуры права долевого собственности в публичных компаниях определил основной способ продажи и покупки публичных компаний — по договоренности, что обострило конфликт интересов покупателей и владеющих акциями в обращении акционеров. Покупатели нередко использовали предлог покупки или слияния компании для рыночных махинаций и закрытых кулуарных сделок. Это серьезнейшим образом ограничило эффективность, качество и сферу функционирования рынка права распоряжения в компаниях. Наконец, субъектами сделок по покупке и продаже компаний были в основном государственные предприятия, и это были совместные нерыночные действия местных правительств и вышестоящих ведомств. Можно сказать, сделки стали основным способом извлечения крупнейшими акционерами личной прибыли. Ли Цзэнсянь писал, что действия по слиянию и поглощению публичными компаниями непубличных компаний являются по сути поддержкой местным правительством владеющих контрольным пакетом акций акционеров и «опустошают полностью публичную компанию»¹⁷. Одновременно среди теоретиков и практиков звучат нарекания, что все указанное не только характерно для дореформенного периода (до 2005 г.), но даже в послереформенный период процесс изживания порочных практик шел недостаточно эффективно. Развитие рынка капитала еще далеко от совершенства, хотя и признается, что система корпоративного управления в течение десяти лет, прошедших после начала ее реформирования, была усовершенствована достаточно глубоко и повсеместно. Однако есть общее мнение, что система корпоративного управления внутри публичной компании, как и раньше, еще не может эффективно себя проявить.

В Китае еще не дано окончательного научного определения понятию «институциональный инвестор». Обычно, по внешним признакам, эта категория включает портфельные инвестиционные фонды, фонды социального страхования, страхования капитала, дополнительной пенсии за счет средств предприятия, квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (QFII), брокерский фонд (включая частные брокерские компании, а также фонд управления коллективными финансами) и другие (Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами КНР, 2008).

В целом китайская система институциональных инвесторов достаточно разветвлена и развита с позиции не только экономической, но и правовой вследствие небывалого роста активности участников финансовых рынков. Тем не менее, как и в случае с российскими институциональными инвесторами, в структуре корпоративного управления и их реальных механизмах функционирования существует большой спектр правовых проблем, которые нужно решать в среднесрочной перспективе.

Модель управления и функционирования институциональных инвесторов в США

На текущем этапе развития финансового рынка в США насчитывается четыре различные модели, структуру которых иллюстрируют различные крупные фонды и инвестиционные компании¹⁸.

Первая модель — коммерческие инвестиционные компании, часто имеющие юридическую форму открытого типа (акции инвестиционных компаний BlackRock и State Street обращаются на нью-йоркской бирже NYSE), в то время как другие компании являются частными (закрытыми) (например, Fidelity Management & Research Company). В данную группу также включаются коммерческие страховые компании и фонды пенсионных сбережений.

Вторую модель представляют некоммерческие инвестиционные компании. Это управляющие компании, которые управляют определенным пулом инвестиций в некоммерческих целях под эгидой какой-то крупной компании или фонда, а доверительные собственники (trustees) напрямую выбираются участниками данного фонда, чьи голоса собираются в долларовой выражении по отношению к вкладу в данную инвестиционную компанию.

Третья модель представлена публичными пенсионными фондами, в которых управляющий менеджмент назначается государством или выбирается электоратом в ходе прямого голосования. Такой компанией является CalPERS, в которой управляющий комитет состоит из 6 выбранных, 3 назначенных управляющих и 4 в силу своего положения государственных служащих.

Четвертая модель представлена фондами, связанными с профсоюзами, возглавляемыми государственными активистами. Совместные пенсионные фонды (известный как Taft-Harley Plans) распоряжаются 400 млрд долл. США в форме активов (100 млрд долл. США в обыкновенных акциях), однако не ведут активную инвестиционную политику по большей мере потому, что фонд нанимает внешние инвестиционные компании для управления активами в целях уменьшения рисков фидуциарной ответственности в рамках акта ERISA¹⁹.

Наиболее сложным процессом в корпоративном регулировании является голосование в компании, чьими акционерами являются институциональные инвесторы²⁰. Крупнейшие институциональные инвесторы голосуют на годовом собрании акционеров по доверенности, выданной специально созданным департаментом. В компании BlackRock существует целая команда Corporate governance and responsible investment (CGRI), которая оперирует как клиринговый центр для различных портфелей инвестиций²¹.

В Vanguard голосование по доверенности делегировано отдельной компании Proxy Voting Group. Данная компания применяет политику корпоративного управления и защищает права через судебные инстанции. Proxy Voting Group отвечает за:

- управление правами кредиторов на основе голосования по доверенности;
- сбор позиции по акциям;
- анализ предложений на голосовании акционеров в соответствии с правилами политики инвестиций;
- определение потенциальных и актуальных конфликтов;
- сам процесс голосования.

Такие компании также готовят периодические и специальные отчеты для совета правления и внесения изменений в политику инвестирования²². Учитывая количество корпоративных активов в портфолио и законодательное право голосовать как акционер, роль таких департаментов (специально созданных компаний) неизбежно предусматривает функцию соответствия законодательным требованиям. Просто голосовать за решение, даже не принимая в расчет, как именно это делать, создает огромный риск.

К тому же наиболее крупные институциональные инвесторы начинают активно принимать участие в корпоративном управлении, и поэтому риск возрастает. Данная активность в корпоративном управлении не классифицируется как инвестиционная деятельность компании: в отличие от менеджеров портфельных инвестиций, расходы на представителей своих интересов в составе акционеров компании могут быть и не связаны с финансовыми показателями портфеля инвестиций.

В настоящее время в западных странах исследования проблем участия институциональных инвесторов в управлении корпорацией в основном сводятся к исследованию механизма принятия или отклонения проектов, выдвигаемых акционерами, проектов, направленных против методов ведения хозяйственной деятельности. В этом и видится главное содержание позитивной деятельности акционеров. Однако вследствие того, что в Китае количественные показатели подобной позитивной деятельности акционеров не столь значительны, очевидно, что институциональные инвесторы находятся по-прежнему на начальном этапе своего развития и не вполне раскрыли свой потенциал. Несмотря на то, что в китайской исследовательской литературе уделяется большое внимание институциональным инвесторам, оно в основном касается вопросов стратегии инвестирования и приоритета в определении их участия в уставном капитале. Для нас же институциональные инвесторы интересны, прежде всего, с точки зрения формирования их как внешней силы управления корпорациями.

Несмотря на то, что деятельность каждого отдельного институционального инвестора регулируется отдельным федеральным законом в данной области правоотношений (пенсионной, банковской, страховой, инвестиционной), необходимо преодолеть неоднородность норм, регулирующих деятельность инвестиционных институтов различных форм. Необходимо уделить большее внимание вопросам раскрытия информации, необходимой инвесторам для оценки рисков, связанных с инвестированием и принятием решений, мерам обеспечения интересов акционеров и пайщиков со стороны управляющей компании при осуществлении инвестиционной деятельности, влиянию акционерных и паевых инвестиционных фондов на корпоративное управление, повышению роли негосударственных пенсионных фондов.

1. *Черепанов Н.С.* Правовое регулирование деятельности институциональных инвесторов / науч. рук. Е.П. Губин. М., 2009. С. 39.
2. *Польщикова А.Е.* Влияние институциональных инвесторов на корпоративное управление // *Право и экономика*. 2011. № 8. С. 44.
3. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в РФ».
4. Определение ВАС РФ от 5 марта 2010 г. № ВАС-2006/10 по делу № А65-24593/2008-СГ1-5/30; Постановление ФАС Московского округа от 29 июля 2008 г. № КА-А40/6737-08; Постановление ФАС Московского округа от 2 апреля 2007 г., 5 апреля 2007 г. № КА-А41/2272-07.
5. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ (действующая редакция, 2016).
6. *Сергеев В.В.* Законодательное обеспечение рынка ценных бумаг в условиях модернизации рыночной экономики (с заседания Комиссии по законодательству в сфере деятельности кредитных организаций и финансовых рынков Ассоциации юристов России) // *Банковское право*. 2011. № 4. С. 3.
7. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия), Российский фонд технологического развития (РФТР), ОАО «Российская венчурная компания» (ОАО «РВК»), а также венчурные и посевные фонды, созданные с ее участием, ОАО «РОСНАНО», венчурные фонды, созданные при участии ОАО «РОСНАНО», Фонд инфраструктурных и образовательных программ, Внешэкономбанк, ОАО «МСГ Банк», Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»), отдельные федераль-

- ные органы исполнительной власти (Росмолодежь), общественные организации: ОПОРА РОССИИ, Российская ассоциация венчурного инвестирования, а также специализированная торговая площадка ММВБ для высокотехнологичных компаний «Рынок инноваций и инвестиций».
8. К примеру, ГК «Роснанотех», ОАО «РВК», Фонд «Сколково», Фонд содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере, региональные институты развития.
 9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 декабря 2011 г. по делу № А40-92297/11-46-801; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2012 г. по делу № А40-92297/11-46-801; Постановление ФАС Московского округа от 30 июля 2012 г. по делу № А40-92297/11-46-801; решение Арбитражного суда города Москвы от 27 июля 2012 г. по делу № А40-55358/12-100-391; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10 октября 2012 г.; Постановление ФАС Московского округа от 30 января 2013 г. по делу № А40-55358/12-100-391 // СПС «Гарант».
 10. *Сюй Сяоянь, Ван Янь*. Чжунго шанши гунсы дэ союжжи цзегоу юй гунсы чжили: [Структура собственности и управление корпорациями в публичных компаниях Китая] // Цзинцзи яньцзю. 1998. № 7. С. 105–127.
 11. *Хэ Цзюнь*. Шанши гунсы чжили цзегоу дэ шинчжэн фэньси: [Эмпирический анализ структуры управления в публичных компаниях] // Цзинцзи яньцзю. 1998. № 5.
 12. *Чэнь Сяюнь, Чжэн Сюэчжан, Хуан Сюэлу*. Шанши гунсы гуцюань цзегоу юй цзинин цзисяо гуаньси дэ шинчжэн яньцзю: [Эмпирические исследования связи структуры акционерного права и результатов хозяйственной деятельности в публичных компаниях] // Чжэньцюань шичан. 2000. № 4. С. 34–41.
 13. *Гао Минхуа, Ма Шоули*. Дули дунши чжиду юй гунсы цзисяо гуаньси дэ шинчжэн фэньси: [Эмпирический анализ связи института независимого директора и результатов хозяйственной деятельности корпорации] // Нанькай дасюэ цзинцзи яньцзю. 2002. № 2. С. 64–68.
 14. *Ху Цинцин, Шэнь Ифэн*. Дули вайбу дунши нэнфоу тигао шанши гунсы дэ цзинин еци: [Возможность повышения независимым внешним директором результатов хозяйственной деятельности публичных компаний] // Шичзе цзинцзи. 2002. № 7. С. 55–62.
 15. *Ли Чанцин, Лай Цзяньцин*. Дуншихуэй тэчжэн инсян гунсы цзисяо ма?: [Влияние особенностей совета директоров на эффективность компании] // Цзиньжун яньцзю. 2004. № 5. С. 64–77.
 16. *Шао Шаоминь*. Вого дули дунши чжиду яньцзю: [Исследования института независимого директора в Китае]. Пекин: Лисинь куайцзи чубаньшэ, 2005.
 17. *Ли Цзэньцюань*. Гоцзя кунгу юй гунсы чжили дэ юсяосин: [Государственный холдинг и эффективность управления корпорацией]. Пекин: Цзинцзи кэсюэ, 2005.
 18. Blume Marshall E., Keim Donald B. Working Paper. Institutional Investors and Stock Market Liquidity: Trends and Relationships / The Wharton School, University of Pennsylvania (Aug. 21, 2012). URL: http://finance.wharton.upenn.edu/~keim/research/ChangingInstitutionPreferences_21Aug2012.pdf
 19. *Tonello Matteo, Rahimov Stephan*. The 2015 Institutional Investment Report, Trends in Asset Allocation and Portfolio Composition, November, 2015.
 20. *Chemmanur Thomas J., Hu Gang, Huang Jiekun*. The Role of Institutional Investors in Initial Public Offerings // The Review of Financial Studies. 2010. V. 23. No. 12. P. 4496.
 21. *Burr Barry*. Money Managers Increasing Activism on Governance — But Quietly // Pensions & Investments. 2013. March.
URL: <http://www.wsj.com/articles/SB100014240527023039497045794579461773304558680>
 22. CalPERS global proxy voting policy. URL: <https://www.calpers.ca.gov/eip-docs/investments/policies/shareowner/proxy-voting-policy/global-proxy-voting.pdf>

Эволюция гендерной политики в КНДР

© 2018

Н.Н. Ким

Расширение прав и возможностей корейских женщин считалось одним из приоритетных направлений в области социальной политики в КНДР. Освобождение Кореи от колониальной зависимости поставило перед руководством страны задачу ликвидации полуфеодалных пережитков, одним из которых было дискриминация женщин в семейной и общественной жизни. Равноправие мужчин и женщин обосновывалось социалистической концепцией освобождения женщин. С утверждением *чучхе* в качестве государственной идеологии в КНДР развитие прав и обязанностей женщин получило новое идеологическое обоснование, основанное во многом на традиционных корейских ценностях.

Ключевые слова: КНДР, гендерная политика, корейская женщина, женское движение, материнство, *чучхе*, социализм.

DOI: 10.31857/S013128120000158-4

Введение

Корейская Народно-Демократическая Республика создавалась изначально как государство на совершенно новом идеологическом основании. В этом смысле одной из главных задач национального строительства было искоренить наследие не только колониального прошлого, но и феодальной Кореи эпохи Чосон (1392–1910). Сословность, дискриминация по гендерному, социальным признакам, местничество — все это было наследием традиционной корейской культуры, с которым необходимо было бороться, чтобы создать современное корейское государство. С точки зрения гендерной политики это означало запрет ранних браков, института наложниц, утверждение равноправия полов во всех сферах общественной жизни, вовлечение женщин в производство и пр. Как говорил Ким Ир Сен в 1947 г., участие женщин в общественном труде «имеет важное значение для их идеологического воспитания, строительства богатой и сильной Кореи»¹.

Зарубежные исследователи гендерной политики в КНДР выделяют разные периоды в ее развитии². Мы будем исходить из следующих этапов. Первый этап (1945–1957 гг.) — подготовительный, характеризуемый принятием комплекса законов, утверждающих общие принципы равноправия мужчин и женщин в Северной Корее. На втором этапе (1958–1972 гг.) происходит интенсивное вовлечение женщин в социалистическое производство и ужесточение контроля над семьей со стороны государства. Тре-

Ким Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nkim@hse.ru.

Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-01-0073) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и при государственной поддержке ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

тний этап (1973 г. — по настоящее время) характеризуется *чучхеизацией* ключевых идей социалистической эмансипации женщин, возвратом к традиционализму. Представленная хронология является условной и используется исключительно с целью лучшего понимания эволюции гендерной политики в КНДР, выяснения общего и отличного на каждом этапе ее развития.

Некоторые исследователи считают, что с началом развития рыночных элементов в северокорейской экономике произошли существенные изменения в социальном статусе женщин в силу того, что они оказались в большей степени, чем мужчины, вовлечены в торговлю и производство семейного дохода. Но, пробыв некоторое время в КНДР и имея опыт непосредственного общения с корейскими женщинами, мы считаем данное мнение недостаточно обоснованным и не соответствующим в полной мере социальной реальности.

Первые законы, регулирующие права женщин в КНДР

Первые преобразования в области прав женщин были предприняты северокорейским руководством еще до того, как 9 сентября 1948 г. было провозглашено создание правительства КНДР. Фактически процессы формирования национальной государственности на Севере Кореи стартовали в 1946 г., когда был реализован целый комплекс социально-экономических реформ, нацеленных на утверждение народно-демократического режима. В области гендерной политики важными правовыми актами стали Закон о труде (24.06.1946) и Закон о равноправии женщин (30.07.1946). Именно эти два закона заложили основы нового правового статуса корейских женщин. Вместе с этим они содействовали формированию нового образа женщины в массовом сознании — как социально активных и равноправных мужчинам субъектов общественных отношений.

Закон о труде устанавливал единые нормы труда, заработной платы, социальных пособий вне зависимости от пола. В частности, речь шла о 8-часовом рабочем дне, введении минимального возраста трудящегося — 14 лет, предоставлении обязательного ежегодного 2-недельного отпуска, различных социальных пособий (по случаю временной утраты трудоспособности, болезни, потере кормильца, беременности). Закон о труде впервые в истории Кореи вводил обязательный отпуск по беременности, составлявший изначально 77 дней (35 дней до беременности и 42 дня после). В течение этого времени женщине выплачивалось пособие, составлявшее среднюю зарплату за последние 6 месяцев (ст. 14–15). Работающие женщины с детьми в возрасте одного года имели право отлучаться дважды в день по 30 минут для кормления ребенка³.

Закон о труде содействовал росту занятости корейских женщин в экономике. Согласно статистическим данным, до начала Корейской войны (1950–1953) процент занятости женщин был сравнительно низким — 11% (1948 г.), но с разгаром военных действий вовлеченность женщин в общественное производство стала стремительно расти. Так, если в июне 1950 г. количество женщин среди рабочих составляло всего 15,9%, то в июне 1952 г. — 27%, в 1960–34%⁴. Постоянный рост трудовой занятости женщин после 1953 г. во многом объясняется задачами восстановления разрушенного за годы войны народного хозяйства КНДР, а в целом, строительством социалистической экономики. На заседании ЦК ТПК в августе 1953 г. остро был поставлен вопрос об обеспечении производительными силами. Тогда было принято решение увеличить количество женщин на производстве. По мнению южнокорейской исследовательницы Пак Ён Чжа, выполнить эту задачу было не просто. Во-первых, у женщин не было необходимого опыта работы, их сложно было трудоустроить. Во-вторых, руководители предприятий, не признававшие ценность женского труда, не поощряли прием их на работу. В свою очередь, многие женщины полагали, что забота о домашнем хозяйстве важнее, чем работа на предприятии⁵.

В феврале 1956 г. кабинет министров КНДР принял постановление № 18 о регулировании и контроле за рабочей силой во всех отраслях народного хозяйства. С этого времени правительством Северной Кореи стал пристально отслеживаться рост рабочей силы, в том числе женской. В июле 1958 г. специальным постановлением правительства № 84 «О масштабном вовлечении женщин во все отрасли народного хозяйства» был утвержден план по увеличению числа женщин в общественном производстве. Важно, что план предусматривал создание дополнительной инфраструктуры для реализации поставленной задачи — детских садов, яслей, общественных прачечных (*кондон сэтхаксо*), различных учебных заведений для подготовки женских кадров. Благодаря такой политике к концу 1958 г. число трудящихся женщин увеличилось на 29,6% и непрерывно росло на протяжении 1960-х годов⁶. К 1971 г. женская занятость в Северной Корее составила 53,7%, или половину всей рабочей силы страны⁷. По данным на 2017 г. коэффициент занятости женщин в КНДР (старше 15 лет) составляет 74,42⁸. В 1990 г. данный показатель составлял 77,7. Несмотря на небольшое снижение, занятость женщин по-прежнему остается очень высокой. В Южной Корее, для сравнения, коэффициент занятости на 2017 г. составил 52,21⁹.

Если Закон о труде постулировал формальное равенство мужчин и женщин в профессионально-трудовой сфере, то Закон о равноправии женщин, опубликованный месяц спустя, 30 июля 1946 г., был направлен на устранении социального неравенства между полами во всех сферах общественной жизни. Революционность данного закона в условиях господства устоев патриархального общества в Корее сложно переоценить: впервые в корейской истории женщинам официально были дарованы права на равную с мужчинами оплату труда, социальные пособия, образование. Закон запрещал многоженство, продажу и покупку женщин, проституцию и деятельность *кисэн* (женщины, предоставляющие услуги в увеселительных заведениях). Женщинам были предоставлены равные с мужчинами права на заключение брака, выбор супруга, расторжение брака, наследство, а также получение алиментов в случае развода. Устанавливался минимальный возраст для вступления в брак: для мужчин — 18, для женщин — 17 лет. Законом строго запрещалась принуждение к браку, подчеркивалось, что брак должен быть заключен на условиях обоюдного согласия будущих супругов¹⁰.

Исполнение Закона о равноправии женщин в условиях господства конфуцианских семейных ценностей представлялось довольно проблематичной задачей. Не так просто было разорвать с многовековыми традициями многоженства, заключения ранних браков и продажи женщин. Тем более что в тяжелых экономических условиях эпохи освобождения женщины могли добровольно принять статус наложницы, лишь бы прокормиться.

24 января 1947 г. был принят Закон о ликвидации феодальных пережитков, который предусматривал конкретные меры в виде штрафов, трудовых работ за нарушение положений ранее опубликованного Закона о равноправии женщин. В частности, в случае предоставления родственником жениха или невесты денег, животных или иных материальных благ в качестве приданого родителям вводилось наказание до одного года принудительных работ. Ст. 2 предусматривала два года тюрьмы тем, кто принудил женщину к браку или сожителю. Мужчины или женщины, вступившие в брак раньше оговоренного законом возраста, подлежали наказанию в виде принудительных работ. Ст. 4 предусматривала штраф до 2 тыс. вон (около 50 долл.) или принудительные работы до года для тех, кто практиковал полигамию¹¹.

Несмотря на предусмотренные законом запреты, в Корее по-прежнему встречались случаи многоженства и заключения ранних браков. Американская исследовательница Сьюзи Ким приводит в качестве примера случай 1947 г., который оказался предметом судебного разбирательства. Так, во время суда по поводу заключения раннего брака по инициативе двух родителей (отца 14-летнего жениха и матери 18-летней невесты)

мужчину спросили, знал ли он о существовании Закона о равноправии женщин. Он ответил, что знал, но не думал, что заключение брака между детьми данного возраста является каким-то серьезным правонарушением. На вопрос, почему он это сделал, мужчина ответил, что он сам женился в 17-летнем возрасте (рано по новым меркам). Мать невесты в свою очередь сама предложила заключить брак между их детьми, так как в ее семье нечего было есть. Подчеркнем, что брак состоялся по предварительной договоренности между родителями жениха и невесты, которые пока еще слабо представляли, что можно поступить вопреки воле родителей. Прокурор потребовал наказания для родителей в форме тюремного заключения на срок 6 месяцев, но судья в конечном итоге отклонила его, посчитав, что «обвиняемые, кажется, осознали свои ошибки»¹².

Под особым надзором со стороны молодого северокорейского режима оказалась проституция. В годы японской оккупации проституция была легализована и отменена уже после освобождения. Закон о равноправии женщин, как уже было сказано выше, запрещал проституцию. Особые меры предпринимались по отношению к тем, кто занимался сутенерством, организовывал бордели, принуждал женщин к проституции. В таком случае следовало наказание до 5 лет лишения свободы¹³. Женщина, которая занималась проституцией, могла получить наказание до одного года тюрьмы: в случае рецидива — до двух лет. В опубликованном в 1949 г. Уголовном кодексе КНДР меры наказания за содействие в организации проституции или принуждение к проституции женщин, в том числе несовершеннолетних, были ужесточены — до 10 лет лишения свободы¹⁴.

Вслед за ужесточением мер с целью предотвращения проституции был усилен контроль за распространением венерических заболеваний. В колониальный период все проститутки, занятые в борделях, обязаны были регулярно проходить осмотр у гинеколога, поскольку считалось, что именно «порочные женщины» являются основным источником распространения венерических заболеваний. Введенный в 1946 г. запрет на деятельность проституток и *кисэн* не мог в одночасье изменить ситуацию с предоставлением их услуг, тогда как система регулярного медосмотра уже перестала действовать. В соответствии с Законом о труде рабочим предоставлялось медицинское страхование, которое покрывало большинство их расходов в случае болезни, за исключением венерических заболеваний (Закон о страховании заболеваний от 19 декабря 1947 г.)¹⁵. В случае заражения венерическим заболеванием здорового человека носителем болезни грозило уголовное наказание до 5 лет тюрьмы. В 1947 г. с целью предотвращения распространения венерических заболеваний в Северной Корее было запланировано открыть 17 специализированных медицинских пунктов¹⁶.

Роль государственной пропаганды в формировании нового образа женщины

Формирование представлений о женщине как равноправном субъекте общественных отношений достигалось, помимо всего прочего, путем мощной пропаганды. Печатные издания, общественные организации и различного рода пропагандистские кампании, проводившиеся в Северной Корее начиная с 1946 г., призваны были целиком содействовать формированию нового общественного сознания, свободного от пережитков феодального прошлого. Так, в 1946 г. развернулось движение за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство. В ходе этой идеологической кампании появились лозунги «Кто не работает — тот не ест», «Долой индивидуальный эгоизм!», «Искореним лодыричество на рабочем месте!», «Долой бюрократию!» и пр.¹⁷ Власти Северной Кореи преподносили движение как идеологическую антифеодальную революцию. По словам Ким Ир Сена (выступление 25 ноября 1946 г.), «нам следует осуществлять идеологическую революцию для того, чтобы по своему духу, облику, морали и бое- способности мы бы соответствовали требованиям новой, демократической Кореи. Мы

должны провести огромную работу по идейному перевоспитанию — искоренить всякого рода упаднические тенденции и отжившие свой век привычки и жизненный уклад, доставшиеся в наследство от японского империализма»¹⁸. Не будучи основной мишенью критики, конфуцианство как идеология феодального корейского общества также подверглось общественному порицанию.

В ноябре 1945 г. в Северной Корее был создан Союз демократических женщин Кореи, который призван был заниматься пропагандистской работой, доводить до простых корейских женщин ключевые идеи Трудовой партии (на тот момент времени она именовалась иначе). Фактически Союз функционировал как аффилированная с Трудовой партией Кореи (ТПК) общественная организация. Главным печатным изданием Союза стал ежемесячный журнал «Корейская женщина» («*Чосон нёсон*»). Помимо пропагандистской работы, Союз также занимался вопросами ликвидации безграмотности среди женского населения, помогал в открытии детских садов, школ. Деятельность Союза весьма разнообразна и определяется текущими задачами национального развития, обозначенными руководством ТПК. В ноябре 1965 г. численность Союза составляла около 2730 тыс. человек¹⁹. В настоящее время, по словам заместителя председателя Союза Ким Ён Сук, его численность насчитывает 2300 тыс. человек²⁰. В 2016 г. на VI съезде Союза было принято решение переименовать его в Союз социалистических женщин Кореи (*Чосон сахвечжужый нёсон тонмэн*).

Культ личности Ким Ир Сена, его матери Кан Бан Сок, а потом первой жены Ким Чон Сук сыграли значительную роль в формировании образа идеальной корейской женщины современности. Ким Ир Сен в своих работах, мемуарах неоднократно упоминал женщин, говоря о их роли в корейской революции, социалистическом труде и пр. Так, например, в мемуарах Ким Ир Сена «В водовороте века», опубликованным на русском языке в 1992–1997 гг., собраны его воспоминания о женской роте, первых женщинах-революционерках, среди которых в действительности его первая жена Ким Чон Сук была изначально «одной из равных», не более того. Ким Ир Сен вспоминает, как в апреле 1936 г. была создана наряду с главной дивизией Корейской Народно-Революционной Армией (КНРА) женская рота во главе с командиром-женщиной Пак Рок Кым. В состав женской роты входили партизанки Ким Хвак Сир, Ким Чон Сук, Пак Су Хван и др. Ким Ир Сен изначально считал, что привлечение женщин к армейской службе нецелесообразно, ибо они физически слабее и «не вынесут на своих плечах всю тяжесть партизанской борьбы»²¹. При этом он знал, что в корейской истории не раз были случаи, когда женщины проявляли сравнимую с мужчинами стойкость в сопротивлении врагу, помогая армии или же непосредственно участвуя в боях (например, Соль Чжук Хва отличилась в боях с киданями, переодевшись в мужской наряд). Борьба с японскими оккупантами позволила женщинам приобщиться к революционной деятельности. Антияпонская борьба стала «эпохальным событием, выведшим корейских женщин на путь революции»²².

Несмотря на то, что женщины стали партизанками и боролись против японцев в колониальный период, корейские мужчины старались о них заботиться, «как о родных сестрах»: предоставлять лучшее оружие, лучшие места для ночлега. Иными словами, все равно сохранилось в большей степени традиционное отношение к женщинам как к слабому полу. По мнению Ким Ир Сена, создание женской роты имело огромное значение с точки зрения изменения отношения к женщинам среди корейских мужчин. «Оно сломало тысячелетиями укоренившиеся трафареты психологии и привычек уважения к мужчинам и презрения к женщинам, практически подняло духовное, общественное положение женщин на высоту — уравнило их с мужчинами»²³. Иными словами, с точки зрения вождя корейской нации, первой вехой в изменении отношения к женщинам в Корее был не Закон о равноправии женщин 1946 г., а создание женской роты.

Женщин-партизанок Ким Ир Сен называл нежно «неувядаемые цветы». В своих мемуарах он вспоминает многих корейских женщин, кто занимался революционной дея-

тельностью. В этом смысле вряд ли допустимо говорить о том, что он как-то превозносит свою супругу Ким Чон Сук по сравнению с другими. Критерием отношения к человеку для Ким Ир Сена являлось, по всей видимости, не гендерная принадлежность, а наличие у него (нее) прежде всего революционного чувства долга. Так, он вспоминает Хван Сун Хи, молодую девушку, хрупкую и маленькую, но очень отважную, верную своим товарищам и делу революционной борьбы. «В первые дни Хван Сун Хи была беременной для отряда. Однако позже она стала поистине цветком революционной армии, предметом всеобщей любви. Дело в том, что во всяком деле она была настойчива, справедлива, принципиальна и в то же время обаятельна своей человеческой добротой и сильна чувством долга»²⁴. Такое отношение вождя к женщинам показывает, что гендерная революция в КНДР, в смысле отношения изменения мужчин к женщинам, началась уже в годы антияпонской борьбы.

В мемуарах Ким Ир Сена есть целая глава, посвященная женщинам-партизанкам. В ней он вспоминает женщин, чьи бюсты впоследствии были установлены на Мемориальном кладбище революционеров (всего 13 бюстов женщин-революционерок). В частности, он рассказывает про самоотверженность молодых корейских женщин Чхве Хи Сук, Ан Сун Хва, Хан Чжу Э, Чо Ок Хи, Ли Ге Сун. Все они погибли во время антияпонской борьбы, не дожив до освобождения Кореи в 1945 г. Их вклад в общее дело революции, считал Ким Ир Сен, огромен. Не случайно он говорил, что «женщина катит одно из колес телеги, именуемой революцией»²⁵.

Ким Ир Сен очень трогательно относился к матери. «Она была столь добрая душой, мягкая и щедрая»²⁶. Нежное отношение к матери во многом проистекало от сочувствия к ней как к женщине, которой пришлось пережить много трудностей в жизни. Ким Ир Сен вспоминает разговор с матерью по поводу церкви. Он поинтересовался, правда ли мать верит в бога, раз регулярно посещает церковь. Она, улыбаясь, ответила, что просто устала и идет в церковь, чтобы отдохнуть (а именно, поспать) немного во время проповеди²⁷.

Чучхе и гендерная политика в КНДР

Важно иметь в виду, что северокорейская пропаганда развивалась циклически и трактовка тех или иных событий определялась тем, на каком этапе революции находилось государство²⁸. До конца 1960-х годов, когда культ личности вождя еще не приобрел таких ярко выраженных форм, как с утверждением чучхе в качестве государственной идеологии КНДР, отчет революции в Корею велся с момента освобождения страны от японского колониализма в 1945 г. Соответственно на данном этапе пропаганды пока никто не вспоминал особо про революционную деятельность корейских женщин в лесах Маньчжурии как начальном периоде их «освобождения». С утверждением чучхе в качестве государственной идеологии, насаждением культа личности вождя стал параллельно развиваться культ личности его матери Кан Бан Сок, а вслед за ней и первой жены Ким Ир Сена Ким Чон Сук. История Кореи переписывается в соответствии с новым запросом власти на «национализм». Такой запрос, по сути, предполагал превозношение всего самобытного в корейском прошлом, то есть того, что могло бы практически или теоретически определять настоящее Кореи. Так, появилась женская рота, которая идеологически обосновала «нормальность» и необходимость службы северокорейских женщин в армии. Как писал Ким Ир Сен, прототипом женского отряда в 1990-е годы (на момент написания мемуаров) являются 10 млн женщин, «готовых с оружием в руках идти в бой за родную землю, когда это потребуетея»²⁹. Более того, создание мифа о женской роте было необходимо для легитимации культа Ким Чон Сук, так как в противном случае было бы трудно объяснить вклад в развитие революционного движения жены Ким Ир Сена. Женская рота, участницей которой была Ким Чон Сук, неразрывно связывала ее с революци-

онным движением, память о котором пестовалась властями в ходе ежедневной пропаганды на предприятиях³⁰.

Известно, что впервые Ким Ир Сен упоминает *чучхе* в своем докладе «Об изжитии догматизма и формализма и установлении *чучхе* в идеологической работе», выступая в 1955 г. перед работниками партийной пропаганды и агитации. Он говорит о необходимости учитывать достижения национальной культуры в процессе пропагандистской работы. После этого выступления Ким Ир Сен вспомнил о *чучхе* в 1963 г.: в двух своих выступлениях перед военной аудиторией: в феврале, по случаю 15-й годовщины создания КНА, и в октябре — перед выпускниками военной академии. На этот раз он более четко сформулировал идеи *чучхе*, обозначив три главных принципа новой идеологии: самостоятельность в экономике, независимость в политике и самооборона при защите страны от внешних врагов³¹.

1967 год становится переломным с точки зрения пропаганды *чучхе* в качестве новой государственной идеологии, которая должна была прийти на смену марксизму-ленинизму. «Национализация» государственной идеологии в КНДР отныне сопровождается героизацией политической деятельности Ким Ир Сена и других борцов за независимость Кореи. Ким Ир Сен из товарища председателя правительства стремительно превращается в «отца нации», а Корея из демократического государства в «большую семью». Выступая в 1965 г. на съезде Союза демократических женщин Кореи, Ким Ир Сен ничего не говорит о *чучхе*, а сам он преподносится как товарищ председатель кабинета министров КНДР, без эпитетов, превозносящих его имя. Хотя при этом, стоит отметить, что на фотографии заседания съезда за президиумом висит огромный портрет Ким Ир Сена³². Культ личности Ким Ир Сена складывался на протяжении длительного времени, но, судя по публикации женского журнала «Чосон нёсон» за 1945–1970 гг., до конца 1960-х годов говорить о нем можно было лишь косвенно. В изданиях журнала 1970-х годов культ личности Ким Ир Сена и его ближайшего окружения приобретает отчетливые формы: все издания сопровождаются большим количеством цитат из работ Ким Ир Сена, в его честь слагаются стихи, песни, женский труд оценивается как долг служения нации и ее вождю.

В качестве наглядного примера того, как менялась репрезентация образа Ким Ир Сена в женской прессе, обратимся к сравнению двух выпусков журнала «Чосон нёсон» — № 1 (1965 г.) и № 1 (1978 г.). Оба выпуска журнала открывает поздравительная речь Ким Ир Сена, но если в первом случае Ким Ир Сена именуют просто премьер-министром (*сусан*), то во втором — «выдающийся руководитель тов. Ким Ир Сен» (*виджан сурён Ким Ильсон тонджи*). Более того, на оборотной стороне обложки журнала за 1978 г. размещено стихотворение «Песнь подсолнуха» (*Хэпараги-ый порэ*), в которой Ким Ир Сен сравнивается с подсолнухом, или метафорически с солнцем, чье тепло согревает корейскую нацию. Большинство статей начинаются с цитат Ким Ир Сена, выделенных черным полужирным шрифтом. В новогодней речи Ким Ир Сена за 1965 г. нет ни слова о *чучхе*, тогда как в 1978 г. *чучхе* — ключевое слово в тексте. В обоих выпусках журнала есть статьи, повествующие о повседневной жизни женщины, написанные якобы от их имени. Но трактовка событий собственной жизни разная: в первом случае, например, начальница производства Ким Сон Ок счастлива от того, что у нее есть семья и при этом она сполна отдается работе, отдавая все свои силы на благо отечества. Там же есть статья, в которой повествуется о многодетной матери с 3 детьми, ни дня не пропустившей на работе, вопреки тяжести «двойного бремени» забот. В первом номере журнала «Чосон нёсон» за 1978 г. повествуется о рабочем текстильной фабрики Ри Кым Оке, встретившем однажды Ким Ир Сена. После этого Ри Кым Ок работал не покладая рук, верно исполняя заветы Ким Ир Сена.

Не будет преувеличением сказать, что со временем пропаганда *чучхе* приобрела религиозные черты. По мнению А.З. Жибина, «как во всякой религии, в *чучхе* появились

свои пророки, святые и мученики, святые и реликвии, и процессы над «еретиками»). Под пророками в данном случае понимаются Ким Ир Сен и его сын Ким Чен Ир, благодаря заслугам которого во многом идеология *чучхе* приобрела концептуально завершённый вид. Святые — родители Ким Ир Сена и его жена Ким Чон Сук, а мученики — Ким Хёк, Цой Гван Су, О Чжун Хыб³³. В июле 1967 г. в газете «Родон синмун» была опубликована статья под названием «Она наша мать», представив таким образом мать Ким Ир Сена. С тех пор все женщины Северной Кореи, в особенности замужние, должны были следовать модели поведения Кан Бан Сок — любящей матери вождя нации. В 1970 г. под эгидой Союза демократических женщин Кореи развернулось движение за 100-кратное прочтение книги «Кан Бан Сок нёса-рыль ттара пэучжа» (условный перевод — «Давайте учиться жить на примере Кан Бан Сок»).

Чучхеизация государственной идеологии существенным образом повлияла на развитие женского движения и официального дискурса в КНДР. Если до 1970-х годов корейское женское движение можно было рассматривать как часть интернационального (левого) движения женщин за свои права, то отныне оно приобрело очень специфический характер: исчезла интернационалистская риторика, взамен стала использоваться национальная идеология, представляющая собой смесь традиционных учений (конфуцианство, *тонхак*, *чхондогё*) и социализма. Задачи женского движения стали трактоваться исключительно в контексте идеологии *чучхе*, что не могло не обозначить разрыв с интернациональным движением. Эволюция контента журнала «Чосон нёсон» за 1960–2000 гг. наглядно это демонстрирует.

Семейное законодательство КНДР и права женщин

С 1946 по 1986 г., когда был принят Гражданский кодекс, все вопросы, касающиеся внутрисемейного положения женщин, гарантии ее наследственных прав, право на развод, алименты и пр. регулировались sporadически принимаемыми законодательными актами. В 1990 г. был принят отдельный от Гражданского кодекса Семейный кодекс, состоящий из 6 частей, регулирующих правила заключения брака, наследования, опекуна, условия развода, обязанности супругов по воспитанию детей и пр. С 1990 г. в Семейный кодекс неоднократно вносились поправки, последние из которых, по имеющимся данным, была в 2009 г.³⁴ Ниже рассмотрены наиболее интересные положения семейного законодательства КНДР, определяющие правовое положение северокорейских женщин.

Брак. Семейный кодекс КНДР позиционирует брак как союз равных (ст. 18), заключенный в результате свободного волеизъявления мужчины и женщины в возрасте старше 18 и 17 лет соответственно (ст. 8–9). Важно также, что в КНДР признаются только браки между мужчиной и женщиной, то есть браки между однополыми лицами запрещены. Помимо этого, не допускаются браки между кровными родственниками до 8 колена и между ближайшими родственниками — до 4 колена (ст. 10). Государство защищает семью только в том случае, если брак был зарегистрирован супругами в соответствующем органе. Без гражданской регистрации брака, как говорится в Семейном кодексе, «не может быть супружества» (ст. 11). Казалось бы, все это логично, если бы в европейских странах не сложился так называемый институт гражданского брака (логически противоречивое понятие), под которым подразумевают союз двух людей без регистрации брака. Информация о том, в какой мере вообще распространен в Северной Корее институт гражданского брака, у нас нет. Скорей всего, вряд ли общественной моралью, не говоря уже о законе, допускается совместное проживание двух людей без оформления государственной регистрации брака.

Брак считается недействительным, если супруги нарушили хотя бы одно из положений статей 8–10, перечисленных выше. В случае если брак признан недействительным, он становится таковым с момента его «заключения». Под вопросом остается воспи-

тание детей, рожденных в таком «браке». В силу того, что северокорейское государство выступает гарантом прав детей, то если дети рождены в браке, который признан недействительным, их дальнейшее воспитание регулируется правилами, предусмотренными для случаев официального расторжения брака (ст. 22–23). На детей, рожденных вне брака, распространяются те же правила, что и на детей, рожденных в браке (ст. 25).

В Северной Корее женщина, вступившая в брак, остается под своей девичьей фамилией, тогда как дети берут фамилию отца. Возможность взять фамилию матери допускается законом, но только в тех случаях, когда ребенок не может по объективным причинам носить фамилию отца. В отличие от КНДР, в Республике Корея детям может быть присвоена фамилия матери. В последнее время многие южнокорейские женщины поступают именно так, полагая, что таким образом утверждается равноправие полов в браке.

Обязанности супругов. С формальной точки зрения, у мужчины и женщины, в целом, равные права и обязанности. В Семейном кодексе КНДР нет ни одной статьи, которая бы явным образом свидетельствовала о дискриминации женщин при заключении, расторжении брака, или же в период семейной жизни. Некоторые исследователи рассматривают присвоение детям фамилии отца как своего рода проявление традиционализма³⁵, а вместе с этим и ограничения прав женщин. В действительности это не такое серьезное ограничение, каким могло бы быть в части наследования или раздела имущества. В Южной Корее, например, до 2005 г. действовало семейное законодательство, которое существенным образом ограничивало экономические права женщин. Ликвидация системы семейного регистра позволила обеспечить равенство прав женщин с мужчинами при разделе имущества или наследстве³⁶.

О равенстве прав мужчины и женщины в браке свидетельствует то, что муж и жена в равной степени обязаны заниматься воспитанием детей. В случае если кто-то из супругов теряет трудоспособность, то другой супруг должен о нем (ней) позаботиться. То же самое обязательство распространяется и на детей: если их родители оказываются нетрудоспособны, то дети становятся ответственны за содержание своих родителей (при достижении, естественно, совершеннолетия).

Развод. Семейный кодекс КНДР не оговаривает конкретные условия для расторжения брака: причины могут быть совершенно разными. В принципе, женщина может свободно развестись, если, например, она утратила любовь и доверие по отношению к своему супругу. В случае развода встает сразу два вопроса: кто и на чьи средства будет воспитывать детей, и как будет происходить раздел имущества? Супруги вправе самостоятельно договориться о том, кто будет непосредственно заниматься воспитанием детей после развода. Единственное ограничение здесь — возраст детей: если ребенок еще не достиг трех лет, то его воспитанием занимается мать (в исключительных случаях отец, олекуи и т.п.) Тот родитель, который не занимается непосредственно воспитанием детей, обязан выплачивать алименты на несовершеннолетних детей до достижения ими трудоспособного возраста. В зависимости от количества детей, сумма алиментов составляет от 10 до 30% ежемесячной зарплаты родителя. Если кто-то из супругов повторно женится или выходит замуж и расходы на воспитание детей в таком случае покрывает отчим или свекровь, то гражданин имеет право через суд потребовать снять с себя обязательства по выплате алиментов.

В случае развода совместно нажитое в браке имущество делится между супругами по соглашению. Если соглашение не достигнуто, то вопрос о разделе имущества решает суд. Имущество супругов в КНДР подразделяется на личное и совместное³⁷. По закону, личная собственность образуется за счет доли от социалистического распределения по труду, дополнительных государственных льгот, а также продукции личного подсобного хозяйства. При этом личное имущество — это все то, что было приобретено, унаследовано, получено в дар супругой (-ом) до вступления в брак. Соответственно, такое имущество не подлежит разделу в ходе развода (ст. 39).

Наследование. В случае смерти гражданина его имущество наследуют супруга, дети, родители. Возможна передача имущества по наследству внукам, бабушке или дедушке, братьям или сестрам, ближайшим родственникам, если отсутствуют на момент смерти гражданина супруга, дети и родители. Семейный кодекс КНДР защищает интересы членов семьи, прежде всего, при наследовании имущества. Если, например, гражданином было составлено завещание, и оно ущемляет интересы членов семьи, находящаяся у него на иждивении при жизни, то такое завещание автоматически считается недействительным (ст. 50). Все споры вокруг наследования имущества решаются в судебном порядке. Таким образом, супруге и детям при любом раскладе дел по закону должна достаться определенная доля имущества мужа.

В целом же, порядок наследования в КНДР регулируется Законом о наследовании, принятым в 2002 г. В ст. 36 говорится, что имущество может быть даровано лицам, не являющимся наследниками, но в таком случае все равно более половины имущества должно быть оставлено супруге, детям и родителям, более одной трети — внукам, бабушке, дедушке. Имущество, которое может быть передано по наследству, включает в себя (ст. 13): 1) имущество, образованное за счет доли от распределения по труду; 2) имущество, полученное в результате дополнительных государственных льгот; 3) имущество, приобретенное в результате дополнительного заработка; 4) дом, библиотека, деньги, сбережения, предметы домашнего обихода, предметы культуры, легковой автомобиль или иное техническое (транспортное) средство; 5) долговые обязательства; 6) имущество, полученное в законном порядке в дар от другого гражданина³⁸.

Социально-экономические реалии XXI века и гендерная политика в КНДР

Считается, что экономический кризис, охвативший Северную Корею в 1990-е годы, повлиял не столько на гендерную политику государства, сколько на осознание северокорейскими женщинами своей роли в обществе. Катастрофическое снижение промышленного производства, сопровождавшееся падением сбора зерновых, обернулось нарушением снабжения населения товарами потребительского спроса. Наводнение 1995 года, а затем и голод, продолжавшийся до 1999 г. и унесший, по оценкам, жизни 240–600 тыс. человек, вызвали острый продовольственный кризис³⁹. В тяжелых экономических условиях женщины вынуждены были взять на себя обязательства по обеспечению семьи, а часть домашней работы, в том числе уход за детьми, невольно оказалась обязанностью мужчин.

Как изменилась структура занятости в начале 2000-х годов, когда последствия голода во многом были преодолены и официально, в ограниченном порядке, была разрешена частная торговая деятельность на рынке? Более половины занятых в торговле (не только на рынках, но в целом на торговых предприятиях) составляли женщины, на рынках их число достигло 70%. Женщины составляли большинство в легкой промышленности и сфере услуг, где зарплаты были ниже, чем в тяжелой промышленности.

Одним из последствий экономического кризиса стало увеличение возраста вступления в брак среди женщин, а также снижение рождаемости — последние 17 лет коэффициент суммарной рождаемости на женщину не превышает 2 (2018 г. — 1,94)⁴⁰. Увеличилось число тех, кто выходил замуж после 30 лет, главным образом потому что они считали обременительным, с материальной точки зрения, уход за мужем и детьми. Работа на рынке, сопровождавшаяся частыми перемещениями женщин с места на место, их отсутствием дома, не способствовала поддержанию стабильных отношений между супругами и приводила к кризису семьи.

После прихода к власти Ким Чен Ына в 2011 г. и на фоне развития рыночных элементов в экономике — введения хозрасчета на промышленных предприятиях и се-

мейного подряда в сельском хозяйстве — существенных изменений в гендерной политике северокорейского руководства не наблюдается. «Государственный патриархат», особенность режимов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, остается в силе, равно как и навязывание женщинам трех ролей — матери, жены и невестки.

Заключение

С теоретической точки зрения, эволюцию гендерной политики в КНДР можно представить как плавный переход от концепции социалистического освобождения женщин к концепции *чучхейского* социализма, который в большей степени опирался на традиционные корейские ценности — материнство, забота о детях, муже. Параллельно с этим властью насаждался идеальный образ современной корейской женщины, таких как Кан Бан Сок и Ким Чон Сук. В отличие от Кан Бан Сок, Ким Чон Сук, согласно официальной версии, была непосредственным участником революционного партизанского отряда. Она была одновременно и бесстрашной революционеркой, и заботливой женой, и мудрой матерью. Культ личности Ким Чон Сук, во всю мощь развернувшийся в 1970-е годы, стал апофеозом женской революционной пропаганды в Северной Корее. Северокорейским женщинам стала навязываться такая модель поведения, которая, в принципе, была чужда социалистической концепции освобождения женщин. Гендерная политика приобрела в этом смысле самобытный, *чучхейский* характер, в котором сплелись воедино старые конфуцианские и новые революционные ценности.

По мере утверждения *чучхе* в качестве идеологической основы Корейской революции в обществе насаждалась идея революционного чувства долга. Он понимался как беззаветное служение государству и революции, а вместе с этим вождю — Ким Ир Сену — и всем, кто наследовал его власть. Революционизирование семьи сводилось к ее *чучхеизации*, основанной на сочетании социалистических элементов и патриархата. Стартовав в 1960-е годы, эта политика действует и по сей день: женщин призывают соответствовать высоким требованиям революции — быть заботливой матерью и женой и активно участвовать в производстве. При этом законом КНДР гарантируется равноправие мужчин и женщин, женщинам предоставлены все необходимые права, социальные льготы, пособия для активного участия в общественном производстве.

1. *Ким Ир Сен*. Об усилении руководства работой Союза женщин. Заключительная речь на заседании Президиума ЦК Трудовой партии Северной Кореи. 20.10.1947 // *Ким Ир Сен*. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пхеньян: Изд-во литературы на ин. яз., 1980. С. 493.
2. *Jung Kyunja, Dalton Bronwen*. Rhetoric versus reality for the women of North Korea // *Asian Survey*. 2006. Vol. 46. № 5. P. 741–760; *Юн Ми Рян*. Пукхан ёсон-ый висап-ква ёкхаль: [Статус и роль женщин Северной Кореи] // Пукхан-ый ёсон-ква качжок: [Женщины и семья в Северной Корее]. Сеул: Чхонхан инсве, 2006. С. 54–128.
3. Родон помнён: [Закон о труде]. 24.06.1946.
4. *Юн Ми Рян*. Указ. соч. С. 77.
5. *Пак Ён Чжа*. Пукхан-ый ёсоннодон чончхэк: [Трудовая политика в отношении женщин рабочих Северной Кореи] // Пукхан-ый ёсон-ква качжок: [Женщины и семья в Северной Корее]... С. 131.
6. Там же. С. 135–137.
7. *Юн Ми Рян*. Указ. соч. С. 74–76.
8. North Korea: Female labor force participation rate. URL: https://www.theglobaleconomy.com/North-Korea/Female_labor_force_participation/ (дата обращения: 22.12.2017).
9. South Korea: Female labor force participation rate. URL: https://www.theglobaleconomy.com/South-Korea/Female_labor_force_participation/ (дата обращения: 22.12.2017).
10. *Ким Ир Сен*. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пхеньян: Изд-во литературы на ин. яз, 1980. С. 334–336.

11. Цит. по: *Kim Suzy. Revolutionary Mothers: Women in North Korean Revolution, 1945–1950 // Comparative Studies in Society and History. 2010. Vol. 52. No. 4. P. 743.*
12. *Ibid. P. 744.*
13. Сэимён-конган-чаю-мёне похо-е кванхан помнён: [Закон об охране жизни, здоровья, свободы и чести от 24 января 1947 г.]. Цит. по: *Ким Чжэ Ун. Ёсон, орини, сексы-рыль тхонхэ бон хэбан ху пукхан-ый качжок мухва: [Семейная культура в Северной Корее, рассматриваемая сквозь призму «женщин», «детей» и «секс»] // Journal of Korean Modern and Contemporary History. 2014. № 71. С. 234.*
14. Там же.
15. Там же. С. 236.
16. Там же. С. 237.
17. Чосон нёсон. 1947. № 1. С. 32.
18. Цит. по: Современная Корея. Пхеньян, 1979. С. 244.
19. *Kim N.N. Gender politics and nation-building: constructing a new image of femininity in North Korea // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2016. № 4. С. 28–29.*
20. Интервью с Ким Ён Сук, зам. председателя Социалистического союза женщин Кореи. 4 апреля 2018 г.
21. *Kim Ир Сен. В водовороте века. Мемуары. Т. 4. Пхеньян: Изд-во литературы на ин. яз., 1993. С. 78.*
22. Там же. С. 84.
23. Там же. С. 91.
24. Там же. Т. 6. 1995. С. 330.
25. Там же. Т. 7. 1996. С. 320.
26. Там же. Т. 1. 1994. С. 122.
27. Там же. С. 125.
28. *Kim N.N. Op. cit. P. 20–35.*
29. *Kim Ир Сен. В водовороте века. Мемуары. Т. 1. С. 101.*
30. *Ким Чен Сук. Биография. Пхеньян: Изд-во литературы на ин. яз., 2002.*
31. *Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006. С. 25–26.*
32. Чосон нёсон. 1965. № 9.
33. *Жебин А.З. Указ. соч. С. 28.*
34. Чосон минчжучжуйый нимин конхвагук качжокпоп: [Семейный кодекс КНДР] // Чосон минчжучжуйый нимин конхвагук попчон: [Свод законов КНДР]. Пхеньян: Помнюль чхульпханса, 2012. С. 243–248.
35. *Lee Eun-Jung. Family Law and Inheritance Law in North Korea // Journal of Korean Law. 2005. Vol. 5. No. 1. P. 193.*
36. *Kim Seung-kyung, Kim Kyuonghye. The Korean Women's Movement and the State. London and New York: Routledge, 2014. P. 66–90.*
37. В соответствии с Гражданским кодексом КНДР собственность делится на государственную, коллективную и личную (ч. 2, ст.37). Гражданин, вступивший в брак, разделяет права собственности на семейное имущество со своей супругой (ч. 2, ст.61).
38. Чосон минчжучжуйый нимин конхвагук сансокпоп: [Закон о наследовании 2002 г.] // Чосон минчжучжуйый нимин конхвагук попчон: [Свод законов КНДР]... С. 250.
39. *Латьков А. Сколько человек на самом деле умерло в КНДР? URL: https://republic.ru/world/skolko_chelovek_na_samom_dele_umerlo_ot_goloda_v_severnoy_koree-1000422.xhtml (дата обращения: 25.12.2017).*
40. North Korean Population. URL: <http://www.worldometers.info/world-population/north-korea-population/> (дата обращения: 01.02.2018).

Теория и методология

Китай строит свой социализм

© 2018

Л.И. Кондрашова

Революция 1949 г. в Китае ознаменовала переход страны от «бюрократического феодализма» к построению социалистического общества. Начало политики реформ (1978–1979) сейчас трактуется как «вторая революция» — переход от «государственного социализма» к «рыночному социализму». Как можно судить по решениям XIX съезда КПК, в настоящее время Китай начинает новый тур социально-экономического развития, направленный на соединение личных интересов граждан с общественными и государственными интересами. Новый разворот реформ по своей значимости может быть охарактеризован как «третья китайская революция» с кардинальными последствиями для всего общественного устройства. Многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильную централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне.

Ключевые слова: Китай, капитализм, социализм, теория институциональных матриц, рынок, государственное макрорегулирование, конвергенция, смешанная экономика, китайская модель.

DOI: 10.31857/S013128120000159-5

Дуализм общественного развития, понятия «капитализм» и «социализм»

Марксизм сформулировал законы «традиционного капитализма» на основании европейского материала и рассматривал социализм только в потенции как отдаленное будущее всего человечества, после того как капитализм полностью реализует все свои потенции. Современная теория институциональных матриц, которая выступает в качестве дополнения цивилизационного и формационного анализа, во многом перекликается с состоявшимся различием двух путей общественного развития и двух культурно-исторических генотипов — западного и восточного (вернее, незападного), техногенных и традиционных цивилизаций¹.

В соответствии с марксизмом и новой институциональной теорией капитализм — это высшая стадия в пределах рыночной матрицы, иначе говоря, капитализм можно определить как способ производства, основанный на частной собственности и то-

Кондрашова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: kondrashova@ifes-ras.ru.

варном обмене и на извлечении прибыли посредством использования наемной рабочей силы. Распоряжение прибылью после выплаты налогов находится в руках собственников средств производства.

Восточные страны развивались исторически по шаблонам «X-матрицы» при слиянии институтов власти и собственности и преобладании прямого принуждения к труду. Возникший на Древнем Востоке феномен «власть-собственность», а именно, нерасчлененность властных и собственнических функций явился главной характерной чертой особого антагонистического способа производства, названного в свое время Марксом «казнатским способом производства». Все управление в такого рода обществах построено на неограниченной и сакральной власти лидера («восточная деспотия»). Капитализм как экономический уклад существовал на Востоке испокон веков², но в условиях редистрибутивной экономики не смог сложиться естественным путем в целостную систему.

Становление капитализма в странах «Y-матрицы» сопровождалось экономическим скачком, создавшим разрыв между странами капиталистического центра и его обширной периферии. Страны периферии оказались объектом эксплуатации со стороны капиталистических лидеров, вынуждены были идти иным путем, нежели капитализм Запада, лишиться перспектив «перескочить» на его путь (на другую «колею»).

Наступивший в начале XX века кризис капитализма, который привел к военным конфликтам, серии народно-освободительных и социалистических революций, был разрешен через милитаризацию экономики и расширение государственного участия в цитадели капитализма, укрепление социальной составляющей в стратегии развития, через становление потребительского общества и усиление интеграционных процессов. Проведенные реформы существенно изменили характер капиталистического общества. По мнению некоторых ученых, капитализм эволюционным путем был замещен новым социально-экономическим строем, отличающимся иными закономерностями производства. Существуют несколько определений модифицированного капитализма — «государство благосостояния», «корпоративное государство» и даже «конвергентный капитализм», то есть капитализм, заимствовавший некоторые черты социализма. Необходимо отметить, что, несмотря на отличия в имущественном положении масс, социальной стратификации существо капитализма осталось прежним — частная собственность, наемный труд, рыночное хозяйство, жесткая конкуренция, разный доступ элиты и масс к благам цивилизации и рычагам общественного управления.

В настоящее время с понятием «социализм» связывают, по крайней мере, четыре явления. Это социалистическая идея и ее обоснование в марксистской теории. Это общественно-политические движения и партии в капиталистических странах, опирающиеся на различные трактовки социалистических идеалов. Это реальное социалистическое общество, существовавшее в Советском Союзе и прекратившее свое существование в результате распада СССР («старый социализм»). Это группа стран, продолжающая социалистическое строительство в новых условиях современного глобализма («новый социализм»). Первые два феномена — разновидности посткапиталистического общества. Два вторых — антикапиталистическое общество.

При определении социализма необходимо, прежде всего, разграничивать саму идею социализма как специфическую форму общественного сознания и ее воплощение в реальную жизнь в виде определенной формы общественного устройства. Марксистский проект переустройства общества под лозунгом «коммунизма» (с его первой стадией — социализмом) был направлен на преодоление основных пороков частной собственности и рынка, на достижение наивысшей производительности труда и возвращение к «истинной» индивидуальной собственности на основе общественной. Социалистическая идея как мечта о социальной справедливости и гармоничном обществе вошла в идеологию первого в мире социалистического государства. Однако наложенные социа-

листического проекта на условия послереволюционной России, оказавшейся одинокой в своем социальном эксперименте, привело к расхождению мечты и реальности.

Реальный социализм можно считать «социализмом с большими натяжками». Есть предложения называть его «государственным социализмом», «квазисоциализмом», «конвергентным», или «мутантным» социализмом. Тем не менее построенное общество имело принципиальные отличия от капитализма в виде ущербности частной собственности по сравнению с государственной и слабости стоимостных рычагов управления по сравнению с планово-административным регулированием. Его можно определить как способ производства, основанный на общественных формах собственности и нетоварном характере производства, которое ведется ради расширения производства через реинвестирование получаемой прибыли. Рабочая сила сохраняет наемный, но не товарный характер. Государство распоряжается не только налоговой, но и всей получасмой прибылью. Если капитализм явился «высшей стадией развития рыночной «Y-матрицы», то социализм оказался своего рода логичным продолжением «X-матрицы» с характерным для нее сильным государственным началом, превалированием нерыночных («плановых») хозяйственных отношений и государственной формы собственности. Поскольку и в капиталистической, и в социалистической системах существовали деньги, цены, наемный труд и заработная плата, оба формационных образования остались в рамках «экономической», или «монетарной», системы.

Российская история дала три образца социализма с разными подходами к «допущению» рыночных отношений: «военный коммунизм» и политика НЭПа как две разновидности «раннего», или первичного, социализма и «государственный социализм», называемый также командно-административной системой, восточным социализмом, национал-большевизмом. С приходом к власти Сталина и разработкой теории «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» господствующими стали установки «государственного социализма», делавшими ставку на форсированную индустриализацию и максимально полное огосударствление производства. Дезавуирование рыночных отношений объяснялось не их естественным «изживанием» на высокой стадии развития производительных сил, а их плохой совместимостью с мобилизационной ситуацией и идеологическим диктатом.

Смешанная экономика и теория конвергенции

Современный цивилизационный кризис заставляет задуматься о том, в каком направлении пойдет мировое развитие — в сторону унификации, сохранения бинарности или же к еще большему разнообразию общественных систем. Первая точка зрения представлена концепцией превосходства буржуазной цивилизации и непреложности законов рынка, «потребительского общества», демократии и «глобальной экономики» по западным рецептам. В рамках постмодернизационной глобализации Запад стремится представить свой опыт как матрицу-основу, на базе которой формируется весь мировой порядок («вечный капитализм»). Такого рода глобализация — это стремление перевести всю планету на западную систему ценностей³. Теория двух институциональных матриц подвергает сомнению возможность запрограммированной смены одного пути развития другим без ущерба для национальной идентичности. «Перейти» в западный блок страна, осуществляющая «догоняющий» путь развития, может только на положении колонии или политически зависимого партнера страны-лидера. Вторая точка зрения о социалистическом интернациональном будущем, опирающаяся на марксистскую теорию, была поколеблена распадом мировой социалистической системы и сохраняется в «спящем режиме». Третья точка зрения отстаивает многовариантность развития человечества, что само по себе граничит с хаотизацией миропорядка.

После окончания Второй мировой войны на Западе стала разрабатываться теория конвергенции социально-экономических систем. Уолтер Бэкингом еще в 1958 г. в книге «Теоретические экономические системы. Сравнительный анализ» обосновал вывод о том, что синтезированное общество позаимствует от капитализма частную собственность на орудия и средства производства, конкуренцию, рыночную систему, а из социализма в будущую конвергентную систему перейдет экономическое планирование, рабочий контроль над условиями труда, более справедливое распределение полученной прибыли. Схожие взгляды высказывали такие выдающиеся ученые и мыслители, как Ф. Перру, А. Эйнштейн, Б. Рассел, Ян Тирбеген, Джон Гэлбрейт, П. Сорокин.

В период холодной войны идея конвергенции выступала в роли косвенного признания «равенства сил» двух общественных систем, обладавших ядерным оружием. На Западе надежды на будущее вдохновлялись перспективой «сдерживания» социализма, ослабления его мощи и замены «несовершенного» социализма рынком и демократией. На страницах советских изданий теория конвергенции объявлялась чуть ли не контрреволюционным воплощением планов западных стратегов покончить с социализмом «в белых перчатках». Неизменной оставались критика капитализма и официальная версия всемирного «коммунистического благоденствия». Пропагандистский постулат о «сближении двух крайностей», заложенный в тактике «наведения мостов» и в пафосе «борьбы за мир во всем мире», оставался в рамках разумной нередуцируемости капитализма к социализму и социализма к капитализму. Свою специфику идея конвергенции получила в странах, отставших в экономическом развитии, где состояние переходности грозило превратиться в длительное устойчивое состояние⁴.

Окончание холодной войны было расценено на Западе как полная победа капиталистической системы. Социализм был подвергнут западными экспертами остракизму за свое неприятие рынка и демократии, низкую эффективность производства и массовые репрессии. Конвергенция стала все чаще трактоваться как экономическое сближение развитых и менее развитых стран при фактическом исключении социалистической ориентации. «Новый гибрид» преподносится либо как государственный контроль над частными товаропроизводителями, либо как прочное сосуществование государственной и частной собственности.

Новый подход свидетельствует о наблюдающейся подмене понятия «конвергенция» понятием «смешанное общество». Отвергая несовместимость двух главных регуляторов всей человеческой деятельности (рынок и государство), и признавая наличие между ними сложных и противоречивых связей доминантности и комплементарности, современная институциональная теория по существу утверждает всеобщность смешанной экономики. Ни рынок нельзя отождествлять с капитализмом, ни прямое административное управление нельзя приписывать только социализму. Главное отличие двух матриц — доминирование того или иного регулятора. В то же время сочетание этих двух начал может быть более близким или менее близким к некоему оптимуму, длительное нарушение которого чревато возникновением кризиса. Выход из кризиса предполагает расширение комплементарных признаков системы (в рыночной матрице — нерыночных начал, в редистрибутивной экономике — рыночных). В этом и состоит цель реформистских преобразований. Поскольку их суть — привлечение того регулятора, который в альтернативной матрице является доминантным, реформы в «X-матрице» выглядят как огосударствление (социализация) существующей системы, а в «Y-матрице» как маркетизация (капитализация). Расширение участия комплементарных начал требует соблюдения определенных пределов. Если же доминантные и комплементарные признаки меняются местами, то происходит слом прежней системы и создается угроза имеющейся социально-культурной идентичности. При этом не исключается все большее усложнение отношений между двумя главными хозяйственными регуляторами, в ходе которого происходит модификация и рынка, и государства.

Однако то или иное сочетание хозяйственных регуляторов — не единственный признак системной спецификации. Опыт истории и его научное изучение исключает появление синтеза противоположных по смыслу и по социальной направленности общественных систем. Самое главное, что противоречия между Трудом и Капиталом могут сглаживаться, но не могут исчезнуть. Важно ответить на такой кардинальный вопрос — подчиняют ли монополии государство своим интересам, или государство, служащее интересам большинства населения, подчиняет себе монополии? Социалистическая теория как концепция освобождения от капиталистической эксплуатации несколько не утратила своей актуальности, а создание принципиально новой системы ценностей, сочетающей право каждого на благополучную и достойную жизнь с моральной ответственностью и с соответствующей общественной «отдачей», остается социалистическим ориентиром. Принципиальная несовместимость разных систем ярко проявляется в ценностных установках, в частности, может обнаруживаться в том, что продуктивно функционирующие институты, ценности, отношения в рамках одной системы, попадая или «пытаясь встроиться» в другую, противоположную систему, дают обратный эффект. Их конструктивная роль превращается в деструктивную.

Можно сказать, что современная модификация понятия «конвергенция» отходит от прежнего представления «системного синтеза». Провал советского «государственного социализма» и успех китайского эксперимента «рыночного социализма» доказал живучесть самой идеи социализма и нереальность западной идеи глобализации, ориентированной на создание максимально благоприятных условий функционирования мирового капитала⁵.

Особенности исторического развития Китая и характер его социально-экономического строя

История Китая, по существу, протекала в условиях компромисса между государственно-административным и феодально-удельным вариантами не только политической, но и социальной и экономической жизни общества. Выделение формационно-образующего уклада в Китае затруднено в первую очередь тем, что страна фактически никогда не выходила из состояния многоукладности. Феодальный способ производства в его китайской бюрократической модификации соседствовал с рабовладельческим укладом и с остатками патриархального строя. Уже в глубокой древности появился и способ производства, тесно связанный с товарно-денежным хозяйством, наемным трудом и частной арендой, что дало повод некоторым ученым говорить о зарождении в Китае капиталистических отношений еще до начала нашей эры. Развитие товарно-денежных отношений с самого начала было сильно ограничено государственной властью, опасавшейся резких имущественных различий, разорения крестьянства и появления в лице богачей самостоятельной социально-политической силы, которая могла бы противостоять всевластной правителю. Это устойчивое, исторически длительное состояние многозначной «переходности» подходит под упомянутое Марксом понятие «азиатского способа производства» как триады определенной формы государственной собственности (государственно-общинной), соответствующей этой собственности формы эксплуатации (рента-налог) и политической власти («восточная деспотия»). В докладе председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в 2017 г. господствовавший в Китае на протяжении более двух тысячелетий строй был определен как «бюрократический феодализм».

Развитие Китая в лоне «азиатского способа производства» («X-матрица») с его различными этапами-циклами продолжалось вплоть до середины XIX века, когда проникновение капитализма превратило его в особую общность переходного типа с синтезом трех начал: «европейское (иностраный сектор) — переходное (национальный капитализм) — азиатское (традиционные экономика и социум)»⁶. Институты «X-матрицы»

вплоть до XVIII—XIX веков не препятствовали экономическому развитию Китая. Отставание Китая началось в эпоху бурного роста капитализма и сопровождалось угрозой его превращения в колонию империалистических держав. Продолжавшейся «раскладке сил» в пользу государственного начала способствовало господствовавшее конфуцианское учение с приматом общественной пользы над корыстным частным интересом. Опиравшееся на разветвленную административную иерархию «бюрократическое государство» выступало как ультраконсервативная сила, использовавшая в целях сохранения статус-кво, поддержания мира и порядка различные методы внеэкономического принуждения.

Важную роль в победе китайских коммунистов в 1949 г. и в социалистическом выборе Китая сыграла особая расстановка политических сил в эпоху революционных преобразований начала XX века. Но предпочтение социализма в Китае можно объяснить также прочными традициями института «власть-собственность» и культурным наследием. В стратегию строительства социализма хорошо вписались институты авторитарной власти, директивно-распределительных отношений, коллективистской идеологии, характерных для «азиатского способа производства», или «бюрократического феодализма».

На стадии национально-демократической революции все политические силы стояли за модернизацию страны, но при разных стратегических задачах. Среди выдвигавшихся проектов общественного развития Китая был и капиталистический проект ликвидации экономической отсталости при ориентации на достижения развитых капиталистических стран, план строительства социализма и вариант «смешанного» развития Китая при установлении альянса между интересами труда и капитала. Родоначальником идеи «модернизации» в ее социалистической трактовке можно считать лидера революционного крыла партии Гоминьдан доктора Сунь Ятсена. Его программа-максимум включала два уровня: базовый — теоретический (три народных принципа) и практический, или тактический, — построение индустриально развитого общества, составляющего часть мировой цивилизации, демократически управляемого и обеспечивающего всеобщее благосостояние своим гражданам. Как истинный патриот и националист в лучшем смысле этого слова Сунь Ятсен был целиком и полностью за самобытный путь развития Китая, но при использовании опыта и помощи других стран. Капиталистический мир привлекал его техническим превосходством и отталкивал своими язвами в виде имущественного неравенства, безнравственности и растущей преступности. Помимо тех опасностей, которые связаны с проникновением частнособственнических интересов, ориентацией на потребительское общество, нарушением экологического баланса, капитализм представлял собой угрозу социальной стабильности и единства территории государства. Вывод Сунь Ятсена «только социализм спасет Китай» пользовался самой широкой поддержкой китайской общественности. Тем не менее, выбор социалистического пути развития имел и немало оппонентов. В условиях глубокой экономической отсталости существовала точка зрения, что Китай больше страдает от недостатка развития капитализма, чем от самого капитализма, что капитализм в Китае далеко не изжил себя, и максимальное использование его возможностей сулит хорошие перспективы. Свои весомые аргументы были у защитников «смешанного развития», ссылавшихся на то, что решению социалистических задач должен предшествовать этап широких буржуазно-демократических преобразований. Были слышны и голоса «левых», пропагандировавших особый путь Китая, в котором сама неразвитость товарных отношений облегчала установление коммунистических методов производства и распределения.

Первые 30 лет существования КНР вместили в себя все варианты советского социализма в китайской редакции, хотя в несколько иной последовательности: до 1953 г. — политика «новой демократии» как особого начального этапа некапиталистического развития Китая при участии национальной буржуазии (китайский вариант НЭПа); «генеральная линия переходного периода» (1953–1957 гг.), наметившая курс на постепенное осуществление социалистической индустриализации и поэтапное проведение «социали-

стических» преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности («традиционная модель централизованной плановой экономики»); кампании «большого скачка» (1958–1962 гг.) и «культурной революции» (1966–1970 гг.) как китайское издание «военного коммунизма»; мероприятия по «урегулированию» народного хозяйства с целью ликвидации последствий разрушительных социальных экспериментов в духе «государственного социализма» в Советском Союзе.

Китайская политика «новой демократии» схожа с НЭПом не только определенным «новой», но и многими существенными чертами. «Новую демократию» можно считать еще одной попыткой смешанного развития при широком обращении к капиталистическим методам хозяйствования — частной собственности и рынку — при концентрации политической и экономической власти в руках государства социалистической ориентации. Переключка между этими двумя концепциями прослеживается и в «примирительном» отношении к национальной буржуазии, и в акцентировании роли крестьянства в качестве ведущей силы народного блока. На практике это означало гегемонию партии, опирающейся на марксистские постулаты. Но между российским и китайским вариантами «новой» политики существует целый ряд отличий. В случае Китая это еще более низкий уровень развития производительных сил, более ярко выраженный крестьянский характер революции, более благоприятные внешнеполитические условия, когда экономическое и политическое строительство под лозунгами социализма происходило уже не в одной отдельно взятой стране. Если российский НЭП — это чистый пионерный эксперимент, то китайская «новая демократия» — это продолжение идеологии китайского революционного авангарда при широком использовании советского опыта и опоре на его моральную и материальную поддержку. Российский НЭП — это временное отступление от социалистического проекта. В Китае отношение к социализму оставалось на стадии «симпатии» без четкого целеположения. В России «военный коммунизм» предшествовал НЭПу, в Китае он был возрожден ортодоксальным маоизмом. Китайское отступление от политики «новой демократии» было продиктовано теми же соображениями, что и свертывание НЭПа в Советской России, а именно переходом к политике форсированной индустриализации, в которую не вписывалась буржуазия, оппозиционно настроенная к новой власти. Переход к социалистическим преобразованиям по существу перечеркнул все планы «новой демократии». Высокую оценку этой политики пришлось ждать до 1981 г., когда в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» она заслужила признание «исторического вклада в марксизм».

Мобилизационная экономика первых тридцати лет после образования КНР покоилась на «трех китах»: массивные накопления за счет сохранения низкого жизненного уровня трудящихся, жесткая централизация управления и господство плановых директив, внешнеэкономическая замкнутость, подаваемая как «опора на собственные силы». В результате форсированной индустриализации был создан достаточно мощный костяк тяжелой индустрии, что позволило поднять оборонную мощь страны, освоить новые районы. Однако пренебрежение нуждами народа, зажим творческой инициативы, внешнеэкономическая изоляция — все это оказалось тормозом экономического роста и технической реконструкции производства.

Все эти годы на общем фоне «строительства социализма», стремления к скорейшему преодолению экономической отсталости и словесной приверженности марксизму-ленинизму шло жесточайшее противоборство «двух линий», которые в западной синологической литературе получили определение как оппозиция «прагматиков» и «радикалов». Их также можно определить как «правое» и «левое» крыло коммунистической партии или как «модернистское» и «традиционалистское» течения. Господствовавший маоистский («традиционалистский») подход делал основной упор на самобытность избираемого пути, подключение мелкого производства и нематериальных стимулов повышения производительности труда, на использование традиционного кол-

лективизма и жесткого государственного начала. Обе попытки «маоистов-традиционалистов» претворить в жизнь свои утопические проекты («большой скачок» и «культурная революция») заканчивались экономическим кризисом. Выход из кризисов осуществлялся с привлечением программы «модернистов», которая предполагала сбалансированный экономический рост, постепенное внедрение достижений научно-технической революции, рациональное соотношение между накоплением и потреблением, между «крупным» и «мелким» производством. Эта политика предусматривала развитие разделения труда, товарно-денежных отношений, использование экономических рычагов в целях повышения эффективности производства и улучшения жизни народа, что рассматривалось как необходимое условие роста производительности труда. Терпимое отношение к материальной заинтересованности, кустарям-единоличникам, приусадебным участкам и подсобным хозяйствам крестьян — все эти элементы экономической политики «прагматиков» приверженцами «теории Мао Цзэдуна» клеймились как попытки «реставрации капитализма», или «буржуазной либерализации».

Эти две группировки китайского руководства олицетворяли собой полюсные общественные тенденции и объективно «тянули» Китай в противоположные стороны: одни («модернисты») — к разрушению архаичных структур, вхождению в лоно мировой цивилизации с принятием ее порядков, другие («традиционалисты») — к консервации «специфики» Китая и к внешнеэкономической и внешнеполитической изоляции. По логике матричного институционального анализа «модернисты» симпатизировали рыночным отношениям, маоисты же стремились использовать административно-плановое регулирование для претворения в жизнь своих псевдокоммунистических проектов. Первые были обречены на противостояние со стороны традиционалистского крыла и попадали под жернова маоистских кампаний, вторых всегда подводило пренебрежение экономическими законами.

Сложившаяся в Китае к концу 1970-х годов хозяйственная система отличалась слабым развитием товарно-денежных отношений, господством государственной формы собственности, директивным характером управления, нерархическим соподчинением субъектов хозяйственной деятельности. Институт «государственной собственности» был во многом аналогичен советскому прототипу, который наши ученые рассматривают как результат трансформации иерархической собственности в тоталитарную (или бюрократическую) собственность со следующими основными характеристиками: неразделенность собственности и власти; монополия государства на средства производства и природные ресурсы; ограничение прав производителя на распоряжение результатами своей деятельности; запрет частного предпринимательства; опора на централизованное планирование; значительная доля теневой экономики; сдерживание имущественной дифференциации посредством жесткого государственного контроля над доходами; бюрократическая стратификация⁷. Управление промышленными объектами осуществлялось через систему отраслевых министерств и местных органов власти (система центрального и местного подчинения) при полной привязке предприятий к государственному бюджету. Различия между предприятиями прослеживались в основном по методам хозяйствования (государственное, полугосударственное, коллективное, индивидуальное управление). Пестрота этих хозяйственных форм не позволяет говорить о монолитности государственного сектора. Чередование авантюрных кампаний с периодами «урегулирования» не позволяет констатировать полного копирования советской модели социализма.

Цели китайской реформы и ее основные этапы

Главной причиной начала экономических реформ в Китае, а потом и в России, явилось нарушение институционального баланса. Это выразилось в тотальном доминировании институтов «X-экономики», в то время как необходимые институты «Y-экономи-

ки» были крайне слабо развиты или носили латентный характер. Китайская реформа вернулась в условиях совмещения системных преобразований (переход Китая от традиционного общества к современному) с преодолением маоистского наследия. Осуществив расправу с наиболее ревностными последователями Мао Цзэдуна, реформистское крыло китайского руководства первым делом продемонстрировало свою враждебность леворадикализму, проявившемуся в годы «большого скачка» и «культурной революции», и поставило экономику на первое место перед политикой. Эти события, трактуемые сейчас как «вторая революция», открыли эпоху общественных преобразований, прежде всего, в сфере экономики. Сохранение авторитарного режима обеспечило стабильность в стране и тем самым способствовало успеху экономических реформ, которые приобрели характер постепенной рыночной трансформации при широком хозяйственном экспериментировании («переходить речку по камушкам») и макрорегулированию. Политические усовершенствования были призваны уничтожить «маоистские пережитки» (например, роспуск «народных коммун»), вернуть страну к нормальной политической жизни, в частности, к периодическим созывам партийных и государственных форумов, создать благоприятную обстановку для продвижения рыночных реформ.

Общий реформистский настрой не исключал противоборства взглядов относительно стратегии дальнейшего развития. В лагере «реформаторов-радикалов» было немало приверженцев абсолютного господства рынка, «нормальных» частнособственнических отношений, развития экономической и политической демократии по западным лекалам. Китайские либералы стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных проектов маоистского толка, но и от бесперспективного, на их взгляд, «реформирования социализма», за снятие всех преград на пути приватизации и установления режима политического плюрализма. Социальной базой таких прокапиталистических устремлений служил нарождавшийся слой предпринимателей, прозападно настроенные представители научной и творческой интеллигенции. Радикальным устремлениям с явной симпатией в отношении капитализма, либерализма и демократии противостоял другой экстрим — сохранившиеся приверженцы марксистского социализма и «идей Мао Цзэдуна», которые усматривали в рыночном реформировании когда-то склонявшуюся на все лады опасность «реставрации капитализма». Между этими двумя альтернативными позициями лавировали облеченные властью «умеренные реформаторы», готовые к переменам ради преодоления экономической отсталости, но трепетно приверженные политической стабильности и социалистическому знамени. Они ориентировались на сформулированные Дэн Сяопином в марте 1979 г. «четыре руководящих принципа» — социалистический путь, руководство компартии, диктатура пролетариата, верность марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна⁴.

Пик теоретических дискуссий относительно характера будущего общественного устройства пришелся на самое начало 1980-х годов. На XII съезде КПК в 1982 г. китайская модификация социализма получила официальное закрепление в установке о «строительстве социализма с китайской спецификой». Она расшифровывалась как сочетание сущностных признаков социалистических производственных отношений в марксистской трактовке с теми особенностями общественной организации, которые вытекают из географических, демографических и исторических особенностей страны, а также из задач начального этапа строительства социализма. В новую концепцию «китаизированного социализма» вошел постулат о товарном характере социалистической экономики, о необходимости развивать многоукладное хозяйство при опоре на общественные формы собственности. Место прежнего критерия «социалистичности», как высокой степени обобществления производства (формального) и ликвидации частной собственности, занял здоровый прагматизм, толерантный ко всем формам собственности ради обеспечения роста занятости и стимулирования развития производительных сил.

В течение первых десяти лет преобладал компромиссный подход «и план, и рынок», иначе, совмещения административных и рыночных регуляторов экономики. К концу 80-х годов сложился своеобразный «дуалистический» хозяйственный механизм, основанный на своего рода «нормативном плюрализме» и договорно-подрядных отношениях. Шло интенсивное освоение западной экономической мысли и опыта развитых капиталистических стран.

Студенческий бунт в Пекине и других городах летом 1989 г. с последующей жестокой расправой над его участниками на площади Тяньаньмэнь завершился победой «государственников» над либеральным диссидентством, за которую была заплачена высокая цена в виде нескольких сотен молодых жизней и потери международного авторитета Китая. Одна из первых «цветных революций» в глобализирующемся мире закончилась полным фиаско. Власть компартии и единство государства были сохранены, а выдвигавшиеся протестующими лозунги либерализации и демократизации оказались не востребованными китайской общественностью и не получили необходимой подпитки извне.

Произошедший после событий 1989 г. сбой реформы оказался кратковременным, а ее общее направление неизменным. В 1990-е годы наметился еще более решительный крен в сторону «нового раскрепощения сознания» с отказом от излишней идеологизации процесса развития производительных сил. В этом плане показательно озвученное Цзян Цзэминем на XIV съезде КПК требование «не сковывать себя абстрактными спорами о том, какую фамилию — Социализм или Капитализм — носит проведение реформы и расширение внешних связей». Это заявление повторило высказывание Дэн Сяопина во время его поездки на юг в начале 1992 г.⁹ Тогда же Дэн Сяопин выдвинул знаменитый тезис «пусть одни обогащаются раньше других», фактически узаконивший растущую дифференциацию доходов населения¹⁰.

После кончины Дэн Сяопина к началу XXI века стало нарастать противоречие между двумя группировками в пределах общего «модернизаторского» направления: 1) сторонников «смешанного» развития Китая со значительными уступками капитализму во внутреннем и внешнем плане и симпатиями к потребительскому обществу, и 2) сторонников продолжения строительства социализма при ограниченном «допущении» капитализма в целях активизации всех факторов экономического роста. Иначе говоря, противостоящими оказались два пути развития с китайской спецификой — неокapиталистический и неосоциалистический.

Решения политических форумов нового столетия на фоне впечатляющих экономических достижений свидетельствовали о том, что Китай намерен вносить корректировки в стратегию экономических реформ, но продолжает осторожничать в проведении политических преобразований. На состоявшемся в 2002 г. XVI съезде КПК прозвучала задача «усовершенствования системы социалистической рыночной экономики». Одновременно был поставлен вопрос о демократизации партии с перечнем следующих задач: 1) разделение политического и партийного руководства, 2) создание основ правового законодательства, 3) демократизация партийной жизни, 4) расширение участия граждан в контроле над органами власти, 5) более полная информированность общества о государственной деятельности. XVII съезд КПК (2007 г.) подтвердил эту линию и детализировал некоторые установки. XVIII съезд КПК (2012 г.) проходил в ситуации мирового экономического кризиса и осложнения обстановки в самом Китае. В полной мере выявилась тенденция сокращения темпов экономического роста, снижения спроса на китайские товары на мировом рынке. Возрастающее давление бизнеса на государство символизировало перестановку слагаемых прежнего биннома «власть — собственность». В доказательство успехов проводимых реформ в отчетном докладе указывалось на то, что Китай вышел по общей величине ВВП на 2-е место в мире, вместе с тем было подчеркнуто, что он остается слаборазвитой страной, в которой наличеств-

вует противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями народа и относительно слабой экономической базой.

Одним из наиболее важных решений XVIII съезда КПК была постановка задачи демократизации политической системы как одного из четырех основных компонентов социализма наравне с рыночной экономикой, передовой культурой и «гармоничным» обществом. На этом съезде были обозначены также основные ориентиры следующего этапа экономической реформы, включая поддержку негосударственного сектора экономики, ускорение урбанизации, охрану окружающей среды, улучшение качества жизни населения. В дальнейшем продолжение реформ получило оформление в концепции сбалансированного (*сецюй*), всестороннего (*цюаньянь*), устойчивого (*кэчжисюй*) развития. Конечная цель была представлена как создание социально ориентированной рыночной экономики, если использовать западную терминологию, или как полное построение общества «сяокан» в духе известной идеологии традиционного Китая, получающей «второе дыхание». Воплощая в себе конфуцианский принцип «человечности» и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, «сяокан» означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием.

После XVIII съезда КПК начался новый раунд борьбы с коррупцией, которая на этот раз вышла за рамки кампании против нарушений порядка и дисциплины в управленческих структурах. На первом пленуме ЦК КПК 18-го созыва новый руководитель страны Си Цзиньпин заявил, что усиление коррупции в конечном счете может привести к развалу партии и расколу страны¹¹.

Основным итогом прошедшего в сентябре 2017 г. XIX съезда КПК стал крупный политический успех Си Цзиньпина, который усилил свои позиции и инициировал новый политический курс. После завершения этапа ускоренных экономических темпов было объявлено о переходе к «нормальному» развитию» под лозунгом «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». В решениях съезда особого внимания заслуживают три момента. Во-первых, закрепление курса на совершенствование «социалистической рыночной экономики», иначе, «превращение Китая в полноценную торговую державу». Во-вторых, подчеркнутая приверженность идеалам марксизма-ленинизма и закрепление роли идеологического ориентира за концепцией «социализма с китайской спецификой в современную эпоху». В-третьих, направленность на проведение широкомасштабной политической реформы. Сущностными признаками китайского политического строя объявлены три компонента социалистической демократии — руководство КПК, положение народа как хозяина страны и управление государством на правовой основе.

Большое внимание на съезде было уделено укреплению роли партии, провозглашенной «политической руководящей силой наивысшего порядка». В работе Си Цзиньпина «О государственном управлении» была отмечена главная причина тревожных явлений в жизни КНР — несоответствие партии в лице ее членов взятым на себя политическим и историческим обязательствам. Си Цзиньпин в докладе образно назвал это положение «угрозой падения знамени». Выход из кризиса видится в расширении партийной демократии в сочетании с ужесточением партийной дисциплины.

«Свой путь», на который встал Китай, можно рассматривать как разновидность «рыночного социализма» с чертами институционального дуализма (рынок в экономике, социализм в политике). Его особенности — широкое распространение рыночных отношений, многоукладная экономика, относительно устойчивое сочетание плана и рынка при сохранении важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности, существование разных видов доходов при преобладании оплаты по труду и критическом отношении к имущественной дифференциации. Практические действия по методам рыночного регулирования роднят Китай с капитализмом, но сохраняются отличия от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и иной ре-

гулирующей роли авторитарного государства, что создает сходство с ленинской новой экономической политикой. Широкое распространение рыночных и частнособственнических отношений, существование разных видов доходов, социальное расслоение — все это давало основание для критики «рыночного социализма» слева. Рыночная экономика, утверждая формальное равенство возможностей, не терпит равенства результатов. Погоня за прибылью способствует росту производства, но одновременно порождает алчность, эгоизм, стяжательство, душевную черствость. Формируется приоритет индивидуальных ценностей и нарастает противостояние власти и народа, предпринимателей и непосредственных производителей.

Разные сценарии проведения экономической и политической реформы поставили Китай перед фактом сосуществования рыночной экономики и авторитарной политической системы. Общественная наука Запада предлагает проведение демократизации общества по западному образцу, введение многопартийности, системы разделения властей, то есть дополнение рыночной системы демократическим политическим устройством капиталистического типа. Зарубежные критики китайского рыночного эксперимента видят, прежде всего, половинчатость преобразований, утверждают недолговечность этой модели, которая тормозит переход к «цивилизованному» рынку и демократическим преобразованиям. Некоторые западные аналитики полагают, что рыночная трансформация китайской экономики раньше или позже повлечет за собой изменения в политической сфере и завершится созданием демократических политических институтов западного толка и фактической капитализацией страны. Кое-кто спешит зачислить Китай в лагерь капиталистических стран¹².

Как можно судить по решениям XIX съезда КПК, такие капиталистические прогнозы в отношении КНР явно преждевременны. Китай начинает новый тур социально-экономического развития, направленный на соединение личных интересов граждан с общественными и государственными интересами. Новый разворот реформ по своей значимости может быть охарактеризован как «третья китайская революция» с кардинальными последствиями для всего общественного устройств. Если первая революция (1949 г.) ознаменовала переход страны от «бюрократического феодализма» к построению социалистического общества, а «вторая революция» (1978–1979 гг.) — переход от «государственного социализма» к «рыночному социализму», то в настоящее время Китай приступает к проведению широкомасштабной политической реформы, призванной создать политический механизм «социализма с китайской спецификой новой эпохи». Многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильную централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне. Этот управленческий «тринувират», весьма напоминающий греческую «схему Полибия» (монархия, аристократия и низовая демократия), строится по принципу не разделения, а дополнения властей, призванному обеспечить сочетание централизации с децентрализацией, стабильности власти с широкой инициативой на местах. Едиличное правление при существовании развитой системы муниципалитетов и внедрением демократии в пределах правящей партии означает особую форму авторитаризма, обеспечивающую высокую эффективность управления. Принятие единоначальных решений при учете материальных дискуссий на партийных собраниях и заседаниях «мозговых центров», а также мнения населения на низовых административных уровнях, позволит ускорить работу высших органов власти, ужесточить борьбу с коррупцией и снизить накал общественного недовольства. Такая организация государственной власти поможет пресечь сепаратистские тенденции и влияние западной идеологии, обеспечить необходимый экономический рост и соблюдение интересов общества в целом, что в большей мере соответствует принципам социализма.

От развилки «гибридной» модели, которая сложилась в ходе реформ конца XX века, в будущее Китая идут три дороги: 1) путь к «цивилизованному рынку» и демократическому обществу в свете неолиберальной теории; 2) ориентация на восточноазиатскую модель с важной ролью государства («конфуцианский капитализм»); 3) продолжение строительства «социализма с китайской спецификой» с выходом на специфическую китайскую модель (общество «сяокан»), в которой новые методы управления комбинируются с традиционными этическими нормами. Есть все признаки того, что выбор делается в пользу третьего варианта развития. Вопрос в том, способен ли симбиоз плана и рынка перерасти в устойчивую смешанную систему, что предотвратит как «сползание» Китая к капитализму, так и ренессанс догматического социализма. Хэбэйский экономист Тянь Вэйминь пишет: «Рыночный и государственный механизмы управления имеют свои достоинства и свои недостатки. Лучший выбор — это их соединение в рамках системы рыночной экономики, где рынок служит базой распределения ресурсов, а государство выполняет дополнительную функцию макрорегулирования... В поисках повышения эффективности производства лучше всего использовать рынок, в установлении социальной справедливости лучше всего полагаться на государство. Так они и дополняют друг друга, один без другого не может существовать»¹³. Такой вывод полностью совпадает с позицией Дэн Сяопина, который рассматривал план и рынок как чисто управленческие механизмы (и при капитализме может быть план, и при социализме может быть рынок).

1. См., например: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y теорию. М.: СПб., 2014.
2. Голландский экономист и историк Андре Франк в своей работе «Возвращение к восточным истокам: глобальная экономика и век Азии» (*Frank A. Re-Orient. Global Economy in the Asian Age.* Berkley, 1998) утверждает, что Китай по существу создал первую систему международной торговли и был главным центром первого глобального экономического рынка, который проходил по Шелковому пути.
3. И.Б. Чубайс называет это «насилием вестернизацией». См.: *Глобалистика: Энциклопедия.* М.: ЦНПП «Диалог». 2003. С. 190.
4. *Непомнин О.Е., Меньшиков В.В.* Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М.: Вост. лит., 1999. С. 280–289.
5. Там же.
6. Там же. С. 246.
7. *Устюжанина Е.В.* Проблемы развития отношений собственности в современной российской экономике. М., 2006. С. 58–60.
8. *Дэн Сяопин.* Избранное (1975–1982). Пекин, 1985. С. 196–197.
9. Дэн Сяопин вэньсюань: [Избранное Дэн Сяопина]. Пекин, 1993. Т. 3. С. 372.
10. Чжэнлунь юй фачжань. Чжунго цзинцзисюэ 50 нянь: [Дискуссии и развитие: 50 лет экономической теории в Китае]. Куньмин, 1999. С. 59.
11. Жэньминь жибао. 09.11.2012. С. 2.
12. *Коуз Рональд, Ван Нун.* Как Китай стал капиталистическим / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2016.
13. *Тянь Вэйминь.* Шичан шэуэйчжун гоця лилунь: цзинюй яньцзинь гуаньцзюэ ды игэ шупин: [Теория рыночного социализма: описание эволюции взглядов] // *Цзинцзи тичжи гайгэ.* 2010. № 4. С. 23.

История и культура в китайской инициативе «Один пояс, один путь»

© 2018

К.А. Санин

Инициатива «Один пояс, один путь» стала значимым вкладом пятого поколения руководителей КНР в идейное развитие китайской внешней политики, определившим вектор развития отношений Китая с сопредельными странами на обозримое будущее. Китайские власти представляют эту инициативу как принципиально новое явление в мировой политике, указывая на ее прямую связь с исторической практикой сотрудничества на пространстве Шелкового пути и традиционным китайским подходом к отношениям с соседними государствами. В статье исследованы культурные и исторические аспекты инициативы «Один пояс, один путь», представленные в выступлениях китайского руководства, китайского экспертного сообщества и зарубежных ученых.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», международные отношения, традиция, китайский миропорядок, сообщество единой судьбы.

DOI: 10.31857/S013128120000160-7

Одним из значимых результатов завершившегося 24 октября 2017 г. XIX съезда Коммунистической партии Китая стало включение в Устав КПК положения о реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹. Впервые она была предложена Председателем КНР Си Цзиньпином в конце 2013 г. в ходе визитов в Казахстан и Индонезию.

В соответствии с провозглашенными в КНР на официальном уровне принципами «взаимно обусловленного развития на основе консультаций и взаимодействия» инициатива ОПОП ставит целью сближение Китая в области экономики, политики и культуры с сопредельными государствами в Азии и их совместное ускоренное развитие. Основой для сотрудничества должно стать строительство инфраструктуры и создание новых транспортных маршрутов — сухопутных и морских — из Китая в Европу через страны континента. ОПОП принято разделять на сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути», разные ветки которого должны протянуться через Монголию, Россию, страны Центральной и Западной Азии, и «Морской Шелковый путь XXI века», который планируется построить с участием стран Юго-Восточной и Южной Азии, а также Африки.

Помимо продвижения сотрудничества в области экономики, торговли и транспорта, инициатива ОПОП направлена на углубление всестороннего взаимодействия Китая с сопредельными государствами в рамках китайской модели взаимовыгодных международных отношений нового типа. Предполагается, что это приведет к превращению транспортных маршрутов нового Шелкового пути в «коридоры» совместного развития и к объединению Китая с другими государствами Евразии в «сообщество единой судьбы».

Начиная с 2013 г. инициатива ОПОП стала одной из основных влиятельных идей не только в области формирования внешней политики КНР, но также в обсуждении пер-

спектив развития китайской экономики и Китая в целом. Инициатива ОПОП вызвала значительный интерес в экспертном сообществе внутри Китая. А официальные китайские представители заняты ее продвижением и популяризацией за рубежом.

Предложенная китайским руководством инициатива ОПОП встретила широкую поддержку внутри страны и преимущественно одобрительные отклики за ее пределами. Однако детальное осмысление сути данной инициативы, ее соотношения с текущим международным положением и перспектив ее реализации еще далеко от завершения. Российские исследователи также уделяют значительное внимание изучению инициативы «Один пояс, один путь»².

Инициативе ОПОП посвящено большое количество публикаций в СМИ и научной периодике Китая. Ведется обсуждение ее концептуальных основ, связи с китайской политической и культурной традицией, а также с зарубежными политологическими теориями. Активное использование китайскими руководителями и учеными исторических образов для обоснования миролюбивого и благотворного характера китайской внешней политики стало предметом обсуждения среди иностранных исследователей.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать взгляды руководства КНР на культурно-историческое содержание инициативы ОПОП, относящиеся к этой проблематике исследования китайских ученых и экспертов, а также реакцию зарубежных авторов на популярный в сегодняшнем Китае исторический подход к обоснованию внешней политики и инициативы возрождения «Одного пояса, одного пути».

Подходы китайского руководства и научного сообщества

Построение сообщества единой судьбы. В развитие выдвинутой Ху Цзиньтао в минувшем десятилетии концепции «гармонии» Си Цзиньпин часто обращается к классическим конфуцианским текстам и китайской истории для описания внутренней и внешней политики КНР. Он заявил, что «порядок генов» (*цзинь цзюй*) и «унаследованный народный дух» определяют характер Китая как миролюбивой нации, нацеленной на достижение международного мира и «великой мировой гармонии»³.

Инициатива создания регионального и в перспективе глобального «сообщества единой судьбы» (*миньюнь гунтунти*) со времени XVIII съезда КПК занимает центральное место в китайском внешнеполитическом дискурсе. Она стала главной внешнеполитической темой XIX съезда КПК. Учитывая, что в целом на съезде международные вопросы не занимали приоритетного положения, акцент на теме «сообщества единой судьбы» свидетельствует о ее приоритетности у китайского руководства.

На XIX съезде в докладе ЦК КПК была подчеркнута важность обращения к китайской культуре и традициям для решения задач государственного строительства. Си Цзиньпин отметил, что для развития социализма с китайской спецификой «необходимо активнее возвращать китайский дух и китайскую силу, формировать китайские ценностные представления, способные служить народу духовным ориентиром»⁴.

В декабре 2017 г. на международном форуме политических партий Си Цзиньпин подчеркнул, что инициатива ОПОП направлена на практическую реализацию идеи «сообщества единой судьбы»⁵. По его словам, китайский народ, опираясь на традиции древней цивилизации, под руководством КПК преодолел серьезные испытания конца XIX — XX века и потому особенно ценит мир и добрососедские отношения с соседями. Исторический опыт Китая, по мнению Председателя КНР, в рамках реализации инициативы ОПОП может помочь другим странам преодолеть вызовы и конфликты современности.

На форуме «Шелковый путь — 2017» в Пекине в мае 2017 г. Си Цзиньпин подробно раскрыл свое понимание темы «сообщества единой судьбы». Он заявил, что инициатива ОПОП направлена на построение «пути совместного цивилизационного разви-

тия» и подчеркнул необходимость развивать дух Шелкового пути, способствовать диалогу цивилизаций и придавать большое значение гуманитарному сотрудничеству⁶.

Следует отметить, что ни Си Цзиньпин, ни другие китайские руководители в своих выступлениях не увязывают «дух Шелкового пути» с исключительно китайской культурой. Они предпочитают делать упор на всеобщий общечеловеческий характер ценностей, которые определяются как основа исторического сотрудничества народов на пространстве Шелкового пути. В целях продвижения своей инициативы за рубежом и завоевания поддержки в других государствах китайские официальные лица и исследователи стремятся показать наличие общих культурно-исторических связей Китая с различными азиатскими странами, которые могли бы послужить в качестве фундамента для сближения народов и дальнейшей реализации проектов в области политики и экономики.

Например, в 2014 г. в ходе визита в Индию Си Цзиньпин отметил, что на протяжении тысячи лет наблюдается сходство жизненных философий Индии и Китая. По словам посла КНР в Султанате Оман Юй Фулуна, конфуцианские принципы гуманности, справедливости, благопристойности, мудрости и добрых намерений — это лишь другое проявление оманских концепций терпимости, понимания и сосуществования⁷.

Вместе с тем внутри китайского экспертного сообщества приняты акцентировать внимание на взаимосвязи положительного опыта древнего Шелкового пути с китайской культурой. Таким образом, инициатива ОПОП предстает как реализация традиционного китайского подхода к внешней политике, который уже приносил положительные результаты в прошлом.

На 27-й сессии коллективной учебы Политбюро ЦК КПК 18-го созыва в октябре 2015 г. Си Цзиньпин отмечал, что в целях развития концепций глобального управления Китаю необходимо продвигать и популяризировать положительные стороны национальной традиционной культуры. Также следует стремиться к построению международного сообщества единой судьбы и утверждению в системе межгосударственных отношений концепции «совместного обсуждения, совместного построения и совместного использования» («*гуншиан, гунцзянь, гунсян*»).

Профессор Центральной партийной школы Хан Цинсян и научный сотрудник Чэнь Юаньчжан разделяют мнение о том, что всеохватывающий характер китайской культуры, для которой, в отличие от западной, свойственно разрешать конфликты мирным путем и искать сходства, а не различия между людьми и народами, может существенно обновить современные представления о построении международных отношений. Ученые связывают длительное господство западных концепций с периодом геополитического доминирования стран Запада. Работу китайских партийных руководителей по развитию концепции сообщества единой судьбы они рассматривают как естественное следствие непрерывного усиления Китая, который вновь обрел способность самостоятельно определять направление мирового развития⁸.

Большое внимание китайские комментаторы уделяют тому, какой должна быть политика КНР в сфере культуры в целях использования культурного потенциала китайской цивилизации на благо инициативы ОПОП. Сотрудник Института марксизма АОН Китая Чжао Шучжао, рассматривая культурный аспект инициативы ОПОП, поднял вопрос о необходимости роста культурного самосознания в Китае. Ученый полагает, что для успешного использования традиций китайской культуры при развитии инициативы ОПОП стране следует лучше понимать свои собственные традиции, пресекать случаи культурного самоуничтожения, но вместе с тем избегать излишней самонадеянности и не навязывать другим странам китайскую культуру насильно⁹.

Китайские авторы, изучающие культурную составляющую ОПОП, признают наличие ряда серьезных проблем, с которыми придется столкнуться Китаю в ходе реализации этой инициативы. Заместитель главного редактора журнала «Исследования международной безопасности» («*Дзици аньцюань яньцзю*») Су Цзюань указывает, что расшире-

ние культурных контактов на пространстве «пояса и пути» таит в себе потенциал возникновения международных конфликтов на культурной и цивилизационной почве¹⁰. Кроме того, признает Су Цзюань, по степени влияния во многих странах Восточной Азии китайская культура в настоящее время сильно уступает американской. Укрепление позиций КНР в регионе исследователь связывает с ростом китайского экспорта содержательной культурной продукции, такой, как фильмы, музыка, литературные произведения и т.д.

Ценностный аспект инициативы ОПОП. Ввиду того, что отношения с сопредельными государствами, их стабильность и развитие способны оказать существенное влияние на ситуацию в самом Китае, китайские политики и эксперты отмечают высокую приоритетность внешней политики КНР на этом направлении. Глава МИД КНР Ван И в 2013 г. в программной статье в газете «Жэньминь жибао» о развитии новой внешней политики великой державы отметил важность совмещения понятий справедливости, ответственности и выгоды во внешней политике Китая. По словам Ван И, взаимосвязь справедливости и выгоды является одной из важных концепций традиционной китайской культуры и в то же время характерной чертой внешней политики нового Китая¹¹.

КНР позиционирует себя как пусть и очень влиятельное, но все еще развивающееся государство. Следовательно, сопредельные страны находятся с Китаем примерно на одном уровне развития, сталкиваются с похожими проблемами и вместе с Китаем могли бы извлечь выгоду из совместного развития. Кроме того, в современном глобализированном мире между государствами существует тесная взаимосвязь, что требует от Китая и других стран ответственного поведения в международных делах.

Идея правильного соотношения справедливости и выгоды имеет давнюю историю в рамках традиционной общественной мысли Китая, она была раскрыта в конфуцианской философии. Конфуций считал справедливость, долг и человеколюбие важнее выгоды, что нашло отражение в его высказываниях «мудрому человеку человеколюбие приносит пользу» и «благородный муж знает только долг, маленький человек знает только выгоду»¹².

Китайское руководство подчеркивает, что инициатива ОПОП направлена на реализацию во внешней политике КНР таких традиционных китайских принципов, как дружба, искренность, доброта и всеохватность¹³. Си Цзиньпин в октябре 2013 г. в выступлении на совещании по развитию отношений с соседними странами подчеркнул, что взаимодействие Китая с окружающими его государствами должно основываться именно на этих принципах. Межгосударственные отношения должны носить добрососедский характер, быть нацеленными на обеспечение безопасности и процветания, основываться на равноправии, честности, взаимопомощи и поддержке. Си Цзиньпин считает целесообразным уделять большое внимание завоеванию расположения населения соседних стран.

Научный сотрудник Института международных проблем АОН Китая Гун Тин приводит ряд цитат классических авторов в качестве иллюстрации того, что современные внешнеполитические инициативы берут начало в традиционной культуре Китая. Главный последователь Конфуция Мэн-цзы, отвечая на вопрос Сюань-вана о политике по отношению к соседям, говорил: «Те правители, которые думают только о человеколюбии, действуют так, что могут поставить большие владения на службу малым <...> Те правители, которые думают только о разуме, могут поставить малые владения на службу большим»¹⁴. Исходя из утверждения Мэн-цзы, новая внешняя политика Китая как большого государства, руководствующегося принципами гуманности и человеколюбия, должна приносить пользу малым соседним странам. При этом подразумевается, что для малых стран было бы разумно работать над укреплением выгодных для них связей с Китаем.

Ряд публикаций в китайской научной литературе посвящен вопросу использования некитайских культурных традиций для реализации инициативы ОПОП и построения сообщества единой судьбы. Весьма примечательна статья, написанная магистрантом Педагогического института Внутренней Монголии Ли Синь в соавторстве с профессором Юнь Тена о российском коллективизме¹⁵. Описывая изменения общественного сознания

в России в исторической перспективе, они пришли к выводу, что в начале XXI века российское общество вернулось к ценностям коллективизма, интегрировав в них стремление к уважению индивидуальных потребностей каждого гражданина. Китайские авторы полагают, что принцип реализации индивидуальных потребностей в рамках коллективного сотрудничества в отношениях между странами мог бы стать удачным решением международных проблем, которые будут возникать в ходе строительства «пояса и пути» и формирования сообщества единой судьбы.

Концепция «взаимного выигрыша». По словам китайских руководителей, в основе инициативы ОПОП лежит принцип «взаимного выигрыша», взаимовыгодности отношений сотрудничества («*хули гуньин*»). В ноябре 2014 г. на заседании рабочей группы ЦК КПК Си Цзиньпин заявил, что в рамках китайской внешней политики нового типа следует стремиться к реализации взаимовыгодного сотрудничества по вопросам экономики, политики, безопасности, культуры и др. Глава МИД Ван И также выступил за то, чтобы другие страны отказались от концепции «игры с нулевой суммой» и перешли на международные отношения нового типа, которые предлагает своим партнерам Китай и в основе которых лежит принцип взаимного выигрыша¹⁶. Взаимовыгодный характер сотрудничества в качестве основы для реализации инициативы «Один пояс, один путь» подчеркивается в брошюре «Прекрасные перспективы...»¹⁷, изданной Комитетом КНР по развитию и реформам совместно с другими китайскими ведомствами.

Политическая элита КНР поддерживает мнение о том, что китайская культура, отличающаяся от западной своим инклюзивным и неконфликтным характером, может внести существенный вклад в развитие системы международных отношений. Вице-премьер Госсовета КНР Чжан Гаоли утверждает, что в соответствии с принципами инициативы ОПОП Китай не намерен никому навязывать свою волю силой. Напротив, он выступает за мирное разрешение конфликтов и отказ от использования силового принуждения вне зависимости от того, идет речь о больших или малых государствах¹⁸. Это один из провозглашенных принципов китайской политики реализации инициативы ОПОП.

История сотрудничества на пространстве Шелкового пути. Начиная с 2013 г. при продвижении планов ОПОП Си Цзиньпин неизменно уделяет внимание истории взаимодействия Китая с соседними странами в период существования древнего Шелкового пути, опыт которого он преподносит в качестве значимой основы для развития отношений в настоящее время. В речи Председателя КНР на Форуме Шелкового пути в мае 2017 г. важное место было отведено историко-культурной составляющей отношений Китая с сопредельными странами¹⁹.

По словам Си Цзиньпина, исторический Шелковый путь был результатом героических усилий первооткрывателей из разных стран Востока и Запада. За тысячелетия существования древнего пути был выработан особый дух Шелкового пути, в основе которого лежат «мир и сотрудничество, открытость и сотрудничество, взаимное обучение, взаимная выгода и всеобщий выигрыш». Указанные характеристики «духа Шелкового пути» широко используются китайскими руководителями и политическими экспертами для обсуждения и популяризации инициативы ОПОП, и в подтверждение каждого из них глава КНР привел в своем выступлении развернутые исторические примеры. В итоге Си Цзиньпин заявил, что реализация в современных условиях традиционных принципов Шелкового пути внесет ощутимый вклад в разрешение наиболее актуальных проблем современности.

Чтобы подчеркнуть по-настоящему международный характер исторического Шелкового пути, на котором на равных условиях со взаимной выгодой сотрудничали разные цивилизации, Председатель КНР упомянул множество китайских и иностранных путешественников, чьи имена связаны с древним Шелковым путем (Чжан Цянь, Ду Хуань, Чжэн Хэ, Ибн Баттута, Марко Поло). Он также перечислил немало рек и городов, расположенных в разных концах Евразии, с которыми по торговым путям тем или иным образом был связан Китай.

Имена китайских путешественников, например, Чжан Цяня или Чжэн Хэ, довольно часто упоминаются в контексте инициативы ОПОП китайскими официальными лицами, а также исследователями и авторами, которые пишут о внешней политике КНР. В конце 2013 г. впервые провозглашая инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», Си Цзиньпин сослался на положительный исторический опыт взаимодействия Китая с сопредельными государствами, который, с точки зрения китайцев, олицетворяют Чжан Цянь (на северо-западном сухопутном направлении) и Чжэн Хэ (на море и в Юго-Восточной Азии). Как известно, Чжан Цянь был китайским чиновником, который в период между 138 и 114 г. до н.э. совершил две дипломатические миссии в Западный край для установления союза против степняков хунну. Китайский флотоводец Чжэн Хэ в начале XV века совершил семь экспедиций в Юго-Восточную Азию и Индийский океан.

В Китае появилось большое количество научных и научно-популярных публикаций, касающихся истории древнего Шелкового пути, связанных с ним известных персоналий, а также его значения для развития императорского Китая. Китайские комментаторы описывают дипломатическую миссию Чжан Цяня как первое знаковое событие в истории взаимодействия Китая с Западным краем и другими странами континента, расположенными к западу. Таким образом, история Чжан Цяня обозначается в качестве «официального» открытия Шелкового пути и поэтому присутствует во многих выступлениях и публикациях, посвященных инициативе ОПОП. То же относится и к экспедициям Чжэн Хэ, которые распространяли влияние китайской культуры в Южных морях и способствовали установлению системы даннических отношений стран региона с императорским Китаем²⁰.

В публикациях на историческую тему часто описывается, как на развитие культуры Китая повлияло взаимодействие с другими странами и цивилизациями в процессе контактов на Великом шелковом пути. Помимо «Шелкового пути» существует еще несколько названий торговых маршрутов, связывавших Китай со странами на западе, которые отражают содержание международных контактов того времени: «древний путь чая и лошадей», «яшмовый путь», «путь пряностей» и др. Чжао Яньян (Педагогический университет провинции Шэньси) приводит примеры предметов и явлений, которые стали известны в Китае благодаря Шелковому пути²¹. Например, Сыма Цянь описывает в «Ши цзи», как Чжан Цянь, возвращаясь из Парфии, привез китайскому императору страуса. По Шелковому пути в Китай поступали лошади, львы, бахчевые овощи и фрукты. Навыки езды верхом на лошади и стрельбы из лука, которые проникли в Китай в период Воюющих царств и произвели настоящую революцию в военном деле, также связывают с Шелковым путем. В эпоху Южных и Северных династий из Персии в Китай проникла четырехструнная лютия, впоследствии ставшая одним из традиционных китайских музыкальных инструментов.

Кроме того, из Индии, Средней Азии и Европы по маршрутам Шелкового пути в Китай проникли буддизм, ислам, несторианство и другие религии и философские учения. Наибольшее влияние на китайскую культуру оказал буддизм, который прочно вошел в китайскую традицию. Многие буддистские монахи впоследствии путешествовали в Индию для обучения сутрам, наиболее известным из них стал Сюань Цзан. В VII веке он прошел через Среднюю Азию в Индию и оставил записи о своем путешествии, которые по прошествии времени приобрели всеобщую известность в Китае. Находясь с визитом в Индии в 2015 г., Си Цзиньпин сослался на наследие Сюань Цзана как на важное свидетельство исторических и культурных связей между Китаем и Индией, а также обших для двух стран философских и религиозных ценностях²².

Доцент Шанхайского университета Хуадун Ли Лэй считает, что в исторической перспективе внешнеполитическая стратегия китайских императоров, схожая по содержанию с инициативой ОПОП, имела крайне важное значение для развития и процветания Китая²³. Вместе с тем интерпретация внешней политики императорского Китая на сред-

независимом и морском направлениях, которую предлагает Лю Лэй, ориентирована. скорее, на китайскую аудиторию. Она несколько отличается от трактовки, которую дают инициативе ОПОП официальные лица КНР.

По мнению Лю Лэй, династии Хань и Тан, опираясь на государственные институты, распространяли влияние Китая на Среднюю Азию и кочевые народы, проживавшие на северо-востоке современной территории КНР. Результатом долговременной политики на этом направлении стало вовлечение степных народов в орбиту китайской цивилизации и объединение китайского государства с периферийными странами под властью китайских императоров. Во времена династии Сун главные усилия были направлены на расширение ареала китайской цивилизации на острова в восточных морях и Юго-Восточную Азию. Апогеем реализации китайскими императорами этой стратегии, как считает Лю Лэй, стал период ранней династии Мин, которая ввела государственную монополию на внешнюю торговлю на море. Экспедиции Чжэн Хэ вовлекли малые государства Южной и Юго-Восточной Азии в даннические отношения с минским Китаем, которые были строго регламентированы и носили весьма выгодный характер для самих малых государств. Лю Лэй считает, что решение императора Чжу Цзайхоу (1567) запретить морскую торговлю и отказаться от суверенитета над морскими территориями имело катастрофические последствия для Китая и всего региона в целом. Место Китая на море захватили португальцы, голландцы и испанцы, которые, как полагает китайский исследователь, проводили колониальную политику и всячески ущемляли интересы коренных жителей. В итоге, утверждает Лю Лэй, отказ императорского Китая от своей политики «пояса и пути» стал предвестником печальной судьбы страны в XIX — начале XX века.

Не следует забывать о том, что династия Цин проводила очень активную политику по отношению к кочевым народам в Западном крае. В этом плане рассуждения Лю Лэй о ключевом значении «пояса и пути» для процветания и могущества Китая следует понимать в том смысле, что оба направления для внешней политики одинаково важны: как северо-западный сухопутный путь, так и юго-восточный морской.

Исследователь Института истории АОН провинции Цзянсу Ван Цзян обращает внимание на то, что для успешной реализации инициативы ОПОП следует опираться не только на наследие древнего Шелкового пути, но также на опыт культурного и экономического взаимодействия с Центральной Азией, Монголией и Россией в эпоху Нового времени, в частности, в республиканский период истории Китая²⁴. Таким образом, будет по-настоящему продемонстрирована историческая преемственность между знаменитым древним Шелковым путем и современной внешнеполитической инициативой ОПОП.

Зарубежные авторы об исторических основаниях внешней политики Китая и ОПОП

Обращаясь к истории отношений Китая с сопредельными странами, китайские политики и исследователи обычно подчеркивают благожелательный и цивилизованный характер традиционной китасцентричной системы международных отношений в Восточной Азии, которая выгодно отличалась от пришедшей ей на смену колониальной политики европейских держав. Подразумевается, что реализация инициативы ОПОП будет опираться на традиционно положительные стороны китайской внешней политики. Подобная интерпретация отчасти находит поддержку за пределами КНР.

Профессор Национального университета Сингапура Чжэн Юннэнь полагает, что инициативу ОПОП вполне можно сравнить с системой даннических отношений императорского Китая с сопредельными государствами в том смысле, что традиционная система отношений приносила больше выгоды малым странам, а не Китаю. Поэтому данническую систему никак нельзя называть «китайским империализмом», как это делают многие западные авторы. В качестве примера Чжэн Юннэнь ссылается на действующую

с 2010 г. зону свободной торговли между Китаем и странами АСЕАН, в рамках которой происходит значительный отток капитала из КНР в экономики Юго-Восточной Азии²⁵.

Чжэн Юннъянь согласен с заявлениями руководителей КНР и китайских политических комментаторов, что китайская культура носит всеохватывающий и мирный характер, благодаря чему инициатива ОПОП проявит себя не только в области экономического сотрудничества, но также способствует формированию новой архитектуры международных отношений в Восточной Азии²⁶. По мнению Чжэн Юннъяня, инициатива ОПОП по положительному влиянию на экономическое развитие окружающих Китай государств может сравниться с «планом Маршалла», который был направлен на восстановление Западной Европы после Второй мировой войны. Вместе с тем, как и многие китайские авторы, Чжэн Юннъянь полагает, что инициатива ОПОП выгодно отличается от «плана Маршалла», так как носит полностью открытый характер и допускает участие всех заинтересованных государств.

Критика западными авторами китайских интерпретаций истории. Главный редактор авторитетного научного журнала «Journal of Contemporary China» Чжао Суйшэн объясняет важность изучения того, как в современном Китае интерпретируют историческое прошлое, обращая внимание на то, что в КНР описывают продолжающийся рост благосостояния и мощи страны исключительно как «возрождение». Политику руководства КНР можно в определенной степени спрогнозировать, опираясь на то, как в Китае видят свое историческое прошлое, отдельные элементы которого Китай намерен возродить²⁷.

На Западе в настоящее время активно происходит критический пересмотр концепции традиционного китайского миропорядка, которая была привнесена в научное общество Дж. Фэрбенком в 1960-х годах. Профессор Йельского университета П. Пердю отмечает, что Дж. Фэрбенк писал свои работы вместе с китайскими учеными-эмигрантами, которые преимущественно выражали точку зрения Гоминьдана. В период холодной войны они стремились показать, что революционный коммунистический режим в Китае установился не навсегда, и в целом Китай на протяжении всей своей истории оказывал благоприятное влияние на окружающие его страны²⁸.

П. Пердю определяет «китайский миропорядок» как исключительно умозрительную концепцию, которая использовалась специалистами по китайской истории для простоты описания. Большинство стран, которые в Китае было принято считать частью даннической системы, никогда на самом деле не признавали сюзеренитет китайских императоров. Во многих случаях отношения в рамках даннической системы носили спорадический характер или состояли исключительно из торговли товарами, в которых нуждался Китай.

Политика Китая в Средней Азии, утверждает П. Пердю, периодически носила агрессивный характер, что позволяет говорить о китайском колониализме в регионе. Таким образом, в отношении методов построения империи и отношений с более слабыми соседними странами, традиционный Китай мало чем отличался от других великих держав Нового времени.

При этом агрессивную внешнюю политику китайских императоров нельзя считать отклонением от правил, предписываемых китайской культурой в отношении к другим народам. В подтверждение этого тезиса Пердю ссылается на конфуцианских составителей династических хроник, которые единогласно поддерживали использование силы и уничтожение тех, кто нарушал принятые нормы поведения с точки зрения императорского Китая. Например, в письменных источниках эпохи Цин часто используется термин *цзяо*, который означает «справедливое уничтожение» для оправдания ликвидации враждебных государств и повстанцев. Понятие гармонии крайне редко использовалось в контексте внутрикитайских обсуждений политики империи по отношению к соседям.

Зарубежная критика того, как китайские руководители и эксперты ссылаются на историческую традицию, не ограничивается официально принятой в Китае интерпретацией фактов из истории международных отношений в Азии. Речь также идет о несоот-

ветствии провозглашаемых идей возрождения Шелкового пути с отдельными действиями КНР во внешней политике. Французский журналист Клод Апри указывает, что в то время как власти КНР публично выступают за возрождение исторических связей между странами и регионами древнего Шелкового пути, Китай блокирует один из традиционных «шелковых» маршрутов, который действовал еще 70 лет назад²⁹. В настоящее время Пекин препятствует торговле Синьцзяна с Кашмиром и Индией и на протяжении десятилетий не разрешает Индии открыть консульство в г. Кашгар. Неурегулированным остается китайско-индийский конфликт вокруг региона Аксай Чин, который фактически принадлежит Китаю, но Индия считает его своей территорией. Такая политика, по мнению Клода Апри, плохо согласуется с заявленным стремлением возродить традиции Шелкового пути и уважать исторические традиции.

Американский журналист Говард Фрэнч трактует внешнеполитические инициативы КНР в рамках теории «китайской угрозы»³⁰. Он акцентирует внимание на том, что традиционная система отношений Китая с соседними вассальными государствами была, прежде всего, выгодна и даже необходима правящей китайской династии, которая таким образом утверждала свой авторитет и власть внутри страны. Кроме того, малые государства Восточной Азии не всегда добровольно признавали вассальную зависимость от Китая. Обсуждая морские миссии Чжэн Хэ, которые в Китае приводят в качестве примера миролюбивой китайской дипломатии, Г. Фрэнч утверждает, что вооруженная китайская армада должна была производить устрашающее впечатление на правителей малых государств в Юго-Восточной Азии. Таким образом, едва ли можно говорить о мирном и добровольном характере китайской даннической системы. Американский журналист приходит к выводу, что инициатива ОПОП направлена на восстановление силового доминирования Китая в Восточной Азии, которое может привести к вооруженным конфликтам в регионе, так как другие страны вряд ли согласятся добровольно подчиниться диктату КНР, несмотря на некоторые экономические выгоды.

* * *

В целях продвижения и реализации инициативы «Один пояс, один путь» официальный Пекин и экспертное сообщество КНР активно обращаются к китайской истории и культуре, в особенности к положительным сторонам принятой в императорском Китае системы отношений с сопредельными государствами. Внимание китайских руководителей к традициям при реализации столь значимой внешнеполитической инициативы, является логичным продолжением курса на возрождение роли традиционной культуры во внутренней политике. Учитывая, что руководством КНР провозглашено развитие культуры в целях великого возрождения китайской нации, в будущем следует ожидать повышение роли культурной составляющей во внешней политике Китая. Богатая традиция, как источник современной китайской культуры, призвана еще глубже укорениться во внешнеполитическом дискурсе КНР.

В ходе продвижения инициативы ОПОП на международных площадках китайская сторона, наиболее вероятно, будет апеллировать к историческому опыту и ценностям, объединяющим всех возможных участников «пояса и пути». Вместе с тем, по мере того, как КНР все больше опирается на положительные интерпретации истории китайской внешней политики, на Западе распространяется тенденция пересмотра широко распространенного положительного восприятия традиционного китайского миропорядка. Набирающие популярность негативные трактовки истории отношений императорского Китая с соседями используются в качестве весомого аргумента для критики и дискредитации современной внешней политики КНР.

1. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками XIX съездом КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm
2. См.: Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафоновой. М: ДеЛи Плюс, 2016. 234 с.; Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / отв. ред., сост. В.А. Марбеев. М: ИДВ РАН, 2017. 192 с.
3. Zhao Suisheng. Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. No. 96. P. 963.
4. Дан дэ шицзю да баогао. Сюэси фудао бай вонь: [Доклад на XIX съезде КПК. Сто вопросов для изучения]. Пекин: Сюэси чубаньшэ, 2017. С. 46.
5. Си Цзиньпин цзай Чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэйдан гаоцзи дуйхуахуэй шан дэ чжучжи цзянхуа: [Си Цзиньпин выступил с программной речью на конференции КПК и политических партий разных стран мира]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-12/01/c_1122045658.htm
6. Си Цзиньпин цзай «И дай и лу» луньтан фабяо чжучжи цзяньянь: [Си Цзиньпин выступил с основной речью на Форуме «Один пояс, один путь»]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm
7. Zhao Suisheng. Op. cit. P. 965.
8. Хан Цинсянь, Чэнь Юаньчжан. Жэньлэй гунтунти юй чжунхуа синь вэньмин: [Сообщество единой судьбы человечества и новая китайская цивилизация] // Сюэси шибао. 26.06.2017. С. 3.
9. Чжао Шучжао. «И дай и лу» чаньши вэньхуа нэйхань цзи ши мяньлин дэ вэньхуа тяочжань: [Культурное содержание инициативы «Один пояс, один путь» и ее культурные вызовы] // Синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэйчжуй сысян чжуаньти яньцзю. 2017. № 5. С. 101–104.
10. Су Цзюань. «И дай и лу» юй Чжунго вэньхуа аньцюань: тяочжань юй индуй: [«Один пояс, один путь» и культурная безопасность Китая: вызовы и ответы] // Дуннанья яньцзю. 2017. № 3. С. 106–122.
11. Ван И: шуаньин, донн, гуньин ши гоцзи хэцзо чжэньцюэ фачжань фансян: [Ван И: двойной выигрыш, многократный выигрыш, совместный выигрыш — это правильное направление развития международных отношений]. URL: http://news.xinhuanet.com/2015-02/03/c_1114226109.htm
12. Конфуций. Лунььюй: [Беседы и суждения]. 4:16. Тайбэй: Саньминь. 640 с.
13. Цит. по: Гун Тин. «И дай и лу» чаньши дэ Чжунго чуаньтун сысян яосу чугань: [Начальное исследование элементов традиционной китайской мысли в инициативе «Один пояс, один путь»] // Дандай шицзе юй шэхуэйчжуй. 2015. № 4. С. 33.
14. Там же. С. 35.
15. Ли Синь, Уюнь Тена. «И дай и лу» чжаньлюэ ся Элосы минцзю цзитичжуй цзячжи сюсян дэ куа вэньхуа яньцзю: [Кросс-культурное исследование ценностной ориентации российского коллективизма в контексте стратегии «Один пояс, один путь»] // Нэй Мэнгу шифань дасюэ сюэбао. 2017. № 30(5). С. 61–65.
16. Ван И: шуаньин, донн, гуньин...
17. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути / Комитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции. Пекин: Изд-во литературы на иностр. яз., 2015. 18 с.
18. Чжан Гаоли. Нули шисянь «И дай и лу» цзяньшэ лянхао кайцзю: [Усиленно работать над реализацией инициативы «Один пояс, один путь», закладывать благоприятную основу]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-02/01/c_1114209284.htm
19. Си Цзиньпин цзай «И дай и лу» луньтан фабяо чжучжи цзяньянь: [Си Цзиньпин выступил с основной речью на Форуме «Один пояс, один путь»].
20. Чжао Яньян. «И дай и лу» гуаньцзянь ши: [«Один пояс, один путь». Ключевые слова]. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2015. 256 с.
21. Там же. С. 109–120.
22. Zhao Suisheng. Op. cit. P. 965.
23. Лю Лэй. «И дай и лу» юй гудай Чжунго дэ нэйвай чжисю: [«Один пояс, один путь» и система внутренних и внешних отношений в Древнем Китае]. URL: http://www.qstheory.cn/11qikan/2016-09/25/c_1119619915.htm
24. Ван Цзянь. «Цзинь дай сычоу чжи лу»: цун «сычоу чжи лу» дао «и дай и лу» лиши куаюэ чжуньяо цзедань: [«Шелковый путь Нового времени»: важный период исторического перехода

- от «Шелкового пути» к «Одному поясу, одному пути»] // Наньцин шэхуэй кэсюэ. 2017. № 3. P. 144–150.
25. Чжэн Юннйань тань «И дай и лу»: гэй Чжунго и гэ цзихуэй шицхэ цзю хуэй бу иян: [Чжэн Юннйань об инициативе «Один пояс, один путь»: дайте Китаю шанс, и мир изменится]. URL: http://news.youth.cn/wzt/201503/t20150326_6548004.htm
26. Чжэн Юннйань: И дай и лу дачжаньлюэ: [Чжэн Юннйань: большая стратегия «Одного пояса — одного пути»]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/86475-2.html>
27. *Zhao Suisheng*. Op. cit. P. 962.
28. *Perdue Peter C.* The Tenacious Tributary System // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. No. 96. P. 1002–1014.
29. *Apri Claude*. Shutting down of old Silk Road exposes China's OBOR Hypocrisy. URL: <http://www.indiandefencereview.com/shutting-down-of-old-silk-road-exposes-chinas-obor-hypocrisy/>
30. *French H.W.* Everything Under the Heavens: How the Past Helps Shape China's Push for Global Power. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2017. 352 p.

Китай и Александр Невский: по следам загадочной экспедиции 1261 г.

© 2018

В.Л. Бронников

В статье освещается проблема, относящаяся к раннему периоду истории российско-китайских отношений: могла ли первая русская экспедиция в Китай произойти в 1261 г.? Китайский ученый и чиновник XIII в. Ван Юнь упоминал о приезде путешественников из страны Фа-лан в начале правления императора Хубилая. Рассмотрена история появления и изучения этого текста. Определены основные версии, откуда могло прибыть это посольство. Приведены аргументы, которые косвенно свидетельствуют в пользу русской версии происхождения этой экспедиции.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, Хубилай, Александр Невский, история путешествий, Маэдзима Синдзи, Герберт Франке, Питер Джексон.

DOI: 10.31857/S013128120000161-8

В этом году отмечается четырехсотлетие российско-китайских отношений: 1 сентября 1618 г. Иван Петлин со своими спутниками достиг столицы Поднебесной, заложив первый камень в основание отношений двух держав. Тем не менее нельзя забывать и о предыстории официального установления отношений. В древнерусских литературных памятниках веками накапливались сведения о Китае, к XVI веку в России были известны товары из восточной империи. В самом же Китае в XIV веке жило множество русских, уведенных в полон во время монгольских нашествий: многие пленники работали как ремесленники, а часть даже была организована в гвардейский полк. Однако ничего не известно об официальных попытках двух стран установить отношения до начала XVII века¹.

Вместе с тем существует источник, один фрагмент которого истолковывается рядом исследователей как свидетельство прибытия первой русской экспедиции в Китай еще в середине XIII века. Впервые в 1951 г. на этот пассаж обратил внимание японский исследователь, профессор университета Кэйо Синдзи Маэдзима (1903–1983), который был удивлен, что раньше никто не замечал этого свидетельства. «Странно, что такой документ упускался из виду ориенталистами до сего дня», — отмечал ученый².

Источник сразу вызвал большие споры среди исследователей, которые по-разному объясняли, откуда же прибыла загадочная экспедиция и с какими событиями политической истории ее можно связать. Рассмотрим сам текст источника, его происхождение и попытки интерпретации.

Автором текста является выдающийся чиновник и поэт Ван Юнь (1228–1304). Его биография известна из официальной династийной хроники «Юань ши». Он родился в империи Цзинь, но службу начал уже во время монгольского владычества при династии Юань. Некоторое время он служил на одном и том же месте, но с 1268 г. по делам службы стал ездить по стране, посетив провинции Хэнань, Фуцзянь, Шаньдун, а впоследствии был вызван в столицу для службы в Академии Ханьлинь. Для современников Ван Юнь был также известен как талантливый поэт, написавший множество произведений о жизни простого народа, часть которых сохранилась до наших дней³.

Во время службы Ван Юня в органе *Чжун тан*, что можно перевести как Срединная приемная (Маэдзима объяснил название этого органа как Департамент центрального секретариата), ему было поручено вести журнал, называвшийся «Чжун тан ши цзи»⁴⁵. Этот документ содержит подробную хронику событий за период с одиннадцатого месяца 1260 по восьмой месяц 1261 г., то есть является самым подробным источником по истории первых лет правления императора Хубилая. В сборнике сочинений Ван Юня, который называется «Цю цзянь сянь шэн да цюань цзи», журнал включен как главы 80–82. Сборник был издан в серии «Сы бу цун кань» («Собрание публикаций по четырем разделам»), выходящей в 1919–1936 гг.⁶

О событиях седьмого дня пятого месяца во второй год эры летоисчисления Чжунтун⁷, то есть 6 июня 1261 г. Ван Юнь написал в журнале следующий пассаж (гл. 81, 9б—10а): «В этот день страна Фа-лан отправила людей, которые прибыли, чтобы преподнести одежду, изготовленную из растительного волокна, и другие предметы. Эти посланники находились в пути из своей Родины до Шанду (резиденция Хубилая, верхняя столица. — В. Б.) уже три года. Они рассказывали, что их страна находится на Крайнем Западе за уйгурами. Там всегда дневной свет, и нет ночи. Когда полевые мыши вылезают из своих норок, тогда наступает вечер. Когда там умирали люди, то все взывали с надеждой к небу, и иногда происходило так, что кто-нибудь снова возвращался к жизни. Все мухи и комары появлялись из древесины. Женщины были чрезвычайно красивы, а мужчины имели голубые глаза и белокурые волосы. На пути путешествия встретилось два моря; для того, чтобы переплыть одно, необходим был месяц, а другое — целый год. Судна были так велики, что могли вместить от 50 до 100 человек. Чаша для вина, преподнесенная теми людьми, была изготовлена из половины большого яйца морской птицы. Когда в него наливали холодное вино, оно тотчас становилось теплым. Должно быть, это одна из тех чаш, которые сегодня называют “чашами для нагревания холодного”. Император был восхищен, что эти люди прибыли издалека, и за знания одарил их щедро ответными подарками из золота и тканями»⁸.

В трудах Синдзи Маэдзима приводится и оригинальный текст сочинения⁹.

Г. Франке, пытаясь найти еще какие-то детали о таинственном путешествии, исследовал другие источники, содержащие информацию о начале правления Хубилая. В результате ему удалось найти интересующие его сведения в династийной хронике «Юань ши», в которой, они, правда, еще более лапидарны (гл. 7, 10b): «Из страны Фа-лан прибыли доставщики с данью, произведенной в их стране, и были одарены золотом и тканями и отправлены назад»¹⁰.

Начал исследовать данный источник, как уже упоминалось выше, Синдзи Маэдзима. Он отметил, что долгое время считалось, что первыми европейцами, побывавшими при дворе Хубилая, были братья Поло (Никколо, отец Марко, вместе со своим братом Маттео). В данном источнике речь, исходя из сопоставления дат, совершенно точно, идет не о приезде братьев Поло¹¹. Путешественники Никколо и Маттео держали свой путь че-

рез Бухару, где им пришлось задержаться на три года из-за войн между татарами. После установившегося мира мудрый посланник от Хулагу был отправлен к Хубилаю, он же, узнав о прибывавших сюда латинянах, был этим обрадован, так как никогда не видел их раньше. Посол предложил братьям следовать с ним ко двору Хубилая, который тоже раньше не видел латинян и с удовольствием бы узнал от них об их странах, за что они будут приняты им с почетом. После путешествия, которое продлилось в течение года, Поло прибыли ко двору императора (около 1266 г.) В «Книге о разнообразии мира» (гл. 6–7) Марко так описал реакцию правителя: «Принял он их с почетом, с весельями да с пирами; был он очень доволен их приходом, так как никогда не видел латинян, потому что в эти времена люди стран Заката не были в этих землях. О многом он их расспрашивал: прежде всего расспрашивал он об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войну, и так далее, о всех делах; спрашивал он потом и о королях, князьях и других баронах. Спрашивал он их еще об апостоле, о всех делах Римской Церкви и об обычаях латинян. Говорили ему Николай и Матвей обо всем правду, по порядку и умно; люди они были разумные и по-татарски знали»¹². После прибытия Марко Поло Хубилай также сообщил ему о том, что до прибытия его отца и дяди он ни разу не встречал латинян¹³.

Относительно словосочетания Фа-лан го у японского исследователя не было никаких сомнений: он однозначно перевел это словосочетание, как «страна франков».

Ученый, опираясь на «Персидско-английский словарь» (F. Streingass), указал, что персы под терминами «фаранг» или «фиринг» понимали «франка, итальянца, европейца, христианина, любой народ, который носит короткую цветастую одежду». Производные термины «Фарангистан, Фирингистан» обозначают Италию, Францию, государство франков, а «франги и фринги» — это итальянцы, французы или все европейские христиане. Таким образом, по мысли Синдзи Маэдзима, упомянутый термин является персидским заимствованием слова «франги», превратившимся в китайском языке в «фа-лан». Автор привел множество примеров использования этого термина в китайской литературе эпохи Юань. Например, китайский автор XIII века, описавший экспедицию в улус Хулагу, использовал термин «фаранг», которым обозначал европейца¹⁴.

Встречается также этот термин и применительно к приехавшим в Китай посланникам Папы Бенедикта XII во главе с Джованни де Мариньолли, прибывшим в Пекин в 1342 г., о чем есть упоминание в хронике «Юань ши»: «Осенью, седьмого месяца, послы государства Фа-лан подарили прекрасных лошадей». Примечательно, что определение «фа-лан» стало применяться и по отношению к европейским лошадям: подарок настолько понравился китайцам, что поэты стали писать поэмы о небесном коне *Тянь ма*. В сохранившихся поэмах страна, из которой прибыли небесные кони, именуется *Фу-лан го* или *Фу-лин го*¹⁵.

Как показал исследователь, похожее понятие *фу-лан-цзи* применялось впоследствии уже при династии Мин для обозначения выходцев из Испании и Португалии. Так, на факт наименования мусульманами всех европейцев термином *фу-лан-цзи* обращал внимание работавший в начале XVII века в Китае ученый иезуит Юлиус Алени (1582–1649), автор книги «География мира»¹⁶.

Наконец, окончательно разобравшись с этимологией слова, ученый перешел к анализу содержания источника. По его мнению, под упомянутыми в тексте двумя морями следует понимать Средиземное и Черное моря. Однако автора смутило сообщение о феномене белых ночей, который характерен только для северных широт, например, Скандинавских стран. Он пытался объяснить этот факт просто эрудицией путешественников, которые пытались поразить двор китайского императора сообщением о необычном природном явлении. Светлый цвет глаз и волос также, по его мнению, нельзя однозначно интерпретировать в пользу северо-европейского происхождения путешественников, так как подобные признаки иногда встречаются и у итальянцев, например, лан-

гобардов. В стихах китайского придворного поэта Чжоу Байци (1298–1369) упоминается конь, подаренный итальянскими послами, прибывшими с Дж. Мариньолли. Так, описывая человека, подарившего коня, автор заметил, что он был голубоглазым, а волосы его были желтого цвета.

Таким образом, скорее всего, они пришли из Италии. Из источника также не ясен статус путешественников. Ученый склонялся к мнению, что эти люди, скорее всего, были купцами, но если они были дипломаты, то это сообщение уникально, так как других миссий европейских держав, прибывших в Китай в правление Хубилая, не известно (например, представители семьи Поло дипломатами не являлись)¹⁷.

Последняя деталь источника, которая, по мнению Синдзи Маэдзима, может пролить свет на этот рассказ — история о кубке. Для исследования ученый использовал монографию Бертольда Лауфера «Страусиные кубки Месопотамии и стран Востока в древности и Новое время» (1926). Из нее следует, что китайцам кубки из страусиных яиц были хорошо известны уже со II века до н.э. Их они получали в качестве дани и дипломатических подарков из Парфии, Сасанидского Ирана, Тохаристана, Согдианы. Поделки из яиц страуса очень ценились китайцами, а сами эти птицы держались императорами в специальных парках для экзотических животных. Исходя из этой информации, японский исследователь предположил, что упомянутый в источнике кубок, сделанный из яйца морской птицы, в реальности был сделан из яйца страуса. Этот кубок был куплен итальянскими купцами или послами на Ближнем Востоке, так как они могли услышать, что такие подарки весьма ценились китайскими императорами¹⁸.

В европейской науке к изучению данного пассажа вскоре приступил выдающийся немецкий Китаевед Герберт Франке (1914–2011), впервые упомянувший о сюжете в своей рецензии на введение к «Книге о разнообразии мира», написанной Л. Ольшки. а затем и в вышедшем в Гонконге тексте лекции «Китайско-западные контакты в период Монгольской империи»¹⁹. Ценность исследования заключается в уверенности автора, что в этом полном «басен» рассказе можно вычленить истинное сообщение. «Как правило, имеется какой-то фактический базис даже для самых фантастических упоминаний, испорченных при передаче и искаженных ранее сложившимися концептами о мире». — считал исследователь. На фантастичность повествования работает также намерение путешественников удивить своих китайских и монгольских слушателей необычными историями²⁰.

Этот ученый также был согласен, что у персов под термином франки подразумевались, прежде всего, страны Средиземноморья, что видно из сочинений Рашид ад-Дина. Автор нашел также указание в книге танского писателя и чиновника Ван Жэньюя (880–965) о чудесном кубке. Книга называется «Кай юань тян бао и ши» и содержит информацию об известных людях, праздниках и необычных вещах. В этом источнике (гл. 1, 4b) читаем о том, что в сокровищнице императора хранился зелено-голубой кубок, который «был тонким, как бумага, и на ножке этого самонагревающегося кубка золочеными знаками стояла надпись “Цзы нуань бэй” (чашка, нагревающая себя сама). Когда император приказывал налить в него вино, оно становилось теплым, и возникал пар, как будто кипела жидкость». Исследователь предположил, что речь идет о реакции с негашеной известью, которая начинала реагировать с водой. Из указаний на чашу, на внешние особенности путешественников и женщин их народа, на представления о самозарождении мух из древесины, о воскрешении мертвецов при помощи молитвы невозможно судить о национальной принадлежности путников (кроме того, что это были европейцы, которым были характерны светлые волосы и глаза, и в Средние века в Европе была весьма популярна теория Аристотеля о самозарождении жизни)²¹.

Одним из ключевых моментов Г. Франке считал указание на тот факт, что таинственные послы во время движения преодолели два моря. Автор полагал, что не стоит буквально понимать сообщение о том, что якобы на преодоление первой преграды они потратили месяц, а второй — целый год. В данном случае, по его мнению, речь идет

только о том, что у путников больше времени ушло на то, чтобы проплыть по второму морю. Ученый поставил под сомнение тезис Синдзи Маэдзима о том, что под второй преградой подразумевалось Черное море, так как на его преодоление никак не могло уйти больше времени, а тем более — год. Исходя из этого, историк сделал вывод о том, что, скорее всего, речь идет не о Черном море, а о Персидском заливе. Однако такое толкование нельзя соотносить с мнением о том, что путешественники двигались на своих судах, поэтому из имеющегося материала вообще невозможно судить, о каких водных пространствах идет речь (Средиземное и Черное моря, Черное и Каспийское моря или вообще имеется в виду Индийский океан). Наконец, второй важной деталью, которая более точно должна указывать на Северную Европу, является упоминание белых ночей. Ученый отмечал: «Маэдзима верит, что эти сведения относятся более к другой стране, чем к Фа-лан, но контекст отчетливо показывает, что здесь подразумевается страна происхождения [явления]. Предложение о светлых ночах следует непосредственно за данными о том, что страна Фа-лан находится на крайнем Западе за землями уйгуров». Из чего автор сделал вывод, что «было бы приемлемым решением считать, что упомянутые “посланники” прибыли из Северной Европы, может быть, из Скандинавской области или из торгового города Новгорода (курсив мой. — В. Б.)»²². В другой своей статье Г. Франке даже указал, что версия о том, что путешественники прибыли из Новгорода, выглядит более убедительной²³. Другим свидетельством в пользу этой гипотезы могут служить указания о «полевых мышцах», под которыми, по мнению ученого, могут подразумеваться даже лемминги (вероятно, автор имел в виду широко распространенный на севере европейской части России и в странах Северной Европы вид «лесной лемминг» (*Myopus schisticolor*)²⁴.

Стоит также отметить, что Г. Франке считал прибывших европейцев не послами, а купцами, хотя и никак не подкреплял это мнение²⁵.

Не так давно об интересующем нас сюжете упоминал также британский историк-медиевист Питер Джексон (род. 1948). В статье «Марко Поло и его “Путешествия”» и большой монографии «Монголы и Запад, 1221–1410» автор кратко передал содержание источника и присоединился к мнению Г. Франке, что под упомянутой в источнике страной нельзя понимать Италию. Речь, по его мнению, идет о какой-то северной территории. «Надо предполагать, что они были из Новгорода», — указал исследователь. Отметим также, что весьма сомнительный тезис Г. Франке о том, что путешественники якобы были купцами, П. Джексон не привел²⁶.

Итак, допустим, что точка зрения Франке — Джексона верна. В таком случае мы имеем ситуацию, что в 1258 г. из Новгорода вышла экспедиция, которая прибыла в Шанду 6 июня (н. ст.) 1261 г.²⁷

С точки зрения русского человека XIII века, жившего по юлианскому календарю (для данного века разница составляет семь суток) и ультрамартовскому стилю, прибытие новгородцев в ставку великого хана произошло 30 мая 6769 года от сотворения мира. Говоря о длительности путешествия, подразумевалось, видимо, что уже третий год они были в пути (маловероятно, что под тремя годами подразумевается, что путь длится около тысячи дней). Таким образом, получаем, что выйти из Новгорода они должны были в один из дней с 1 марта 6767 г. до 28 февраля 6768 г. или с 1 марта 1259 г. до 28 февраля 1260 г. (ст. ст.) Логично предположить, что двигаться с дарами они должны были по водному пути Волхов — Ильмень — Ловать — Днепр. Во-первых, этот маршрут был хорошо знаком новгородцам еще со времен действия торгового пути «из варяг в греки», а во-вторых, это соотносится с сообщением Ван Юня о том, что путешественники преодолели две водные преграды. Таким образом, начало путешествия никак не могло произойти поздней осенью, когда затруднена навигация и, тем более, в январе—феврале. Самым удобным периодом для прохождения данного участка пути со времен пути «из варяг в греки» была весна.

Итак, можно прийти к предварительному заключению, что путешествие началось весной, в таком случае получается, что продлилось оно 26–28 месяцев. Сам факт

русского путешествия на восток в XIII веке не представляет ничего экстраординарного — хорошо известны поездки русских князей в столицу Монгольской империи Каракорум. А.Ю. Карпов называет пять таких случаев: Олег Ингваревич (пленный рязанский князь) — 1242–1243, Константин Ярославич (впоследствии ставший галицким князем) — 1243, Ярослав Всеволодович (великий князь владимирский) — 1245–1246, Александр Ярославич (новгородский и переяславль-залесский князь) — 1247–1249 и Глеб Василькович (белозерский князь) — 1256–1257²⁸.

Сразу может возникнуть вопрос о длительности путешествия 1261 г. в сравнении с поездками русских князей и тем более европейских путешественников²⁹. Объяснить такую медлительность сложно из-за краткости известия в сообщении Ван Юня и хронике «Юань ши». Можно предположить, что это было более крупное представительство, которое привезло многочисленные подарки великому хану. О том, что посольство было очень многочисленным, свидетельствует тот факт, что эти люди двигались на больших судах, вмещавших «от 50 до 100 человек». В источнике говорится об «одежде, изготовленной из растительного волокна (видимо, речь идет о льняной одежде. — В. Б.) и других предметах». Также среди подарков упомянут и чудесный кубок, который путешественники могли приобрести во время пути и преподнести императору как интересную диковину. Кроме того, на длительность пути повлияла и большая общая протяженность маршрута: по сравнению, например, с путешествием Г. Рубрука, участникам экспедиции пришлось преодолеть водный путь от Новгорода до Днепра, и кроме того, конечной целью был уже не Каракорум, а находящийся дальше город Шанду (ныне территория КНР, Внутренняя Монголия). Наконец, еще одним немаловажным фактором могла стать война за власть, разгоревшаяся после смерти великого хана Мунке между его братьями Хубилаем и Ариг-Бугой. Можно вспомнить, что братья Поло во время своего первого путешествия также вынуждены были сделать длительную остановку из-за татарских междоусобиц.

Закономерен также и вопрос о наименовании Руси страной Фа-лан. Известно, что начиная с первой половины XIV века для обозначения русского народа закрепились наименования *олосы*, *алосы*, *улосы* и реже *улусу*. Это слово является заимствованием монгольского термина *урус*, в свою очередь заимствованное ими от покоренных мусульманских народов. Примечательно, что известный китаевед П.И. Кафаров (Палладий) в библиотеке Пекинской академии смог найти китайскую рукописную карту, датированную им также XIV веком, на которой указано и государство Алосы, граничащее на северо-западе с Монгольской империей³⁰. Однако, все свидетельства о том, что Русь и русский народ именовались данными терминами, относятся уже XIV веку. В период, следующий непосредственно за монгольскими завоеваниями, вполне можно предположить, что по отношению к Руси применялось наименование Фа-лан го. На это может указывать очень не ясная локализация страны в представлениях Ван Юня — «за землями уйгуров». Также стоит отметить, что относительно новгородских земель, не подвергшихся вторжению, у монголов были весьма смутные представления. Так, Ю.В. Кривошеев отмечал: «Спустя двадцать лет (после завоевательных походов Бату-хана. — В. Б.) новгородская земля воспринималась монголами как неизвестная и неизведанная ими территория». Кроме того, как было сказано выше, персы, от которых термин «фаранг» перешел к китайцам, применяли его по отношению к христианам и европейцам вообще³¹.

И наконец, самый важный вопрос: какова могла быть цель этой гипотетической новгородской экспедиции? Для того чтобы на него ответить, надо обратиться к событиям политической истории Новгорода того времени.

После установления монгольского владычества по всей территории Руси началась перепись населения. На большей части Северо-Восточной Руси эта процедура была проведена без каких либо серьезных последствий, но зимой 1258 г. переписчики («численники») добрались до Новгорода. Это привело к волнениям новгородцев, которые, в отличие от жителей Северо-Восточной Руси, не испытали монгольского нашествия

и не хотели терпеть никакого проявления зависимости от завоевателей, более того, сама перепись населения воспринималась жителями как что-то негативное, магическое. Князю Александру Ярославичу пришлось прибегнуть к насильственным методам, чтобы избежать большого карательного похода монголов против Новгорода³². Волнения жителей, по сообщению Новгородской первой летописи, пришлись на зиму 1259 г., то есть январь—февраль. Из этой же летописи нам известна и позиция Александра Ярославича: князь считал, что позволить татарам переписать население в данном случае будет меньшим из зол, поэтому он позволил сделать это, предоставив охрану для «численников»³³.

Примечательно, что переписчики были представителями великого хана, то есть общеперской, а не улусной власти. Это было связано с тем, что в завоевательном походе 1236—1240 гг. принимали участие двенадцать принцев, и каждый из них претендовал на свою долю дани, которая могла распределяться только великим ханом в Каракоруме. В.Л. Егоров отмечал: «Центральное монгольское правительство не доверяло осуществление этой процедуры улусным ханам, а присылало для переписи населения своих “численников”. Именно эти чиновники в полном соответствии с центральноазиатскими кочевническими традициями подразделяли все данническое население по привычной десятичной системе»³⁴. Впервые связал сообщение Новгородской первой летописи об установке десятников, сотников, тысячников и темников со сбором дани М.Н. Тихомиров, который указал, что названные люди были не представителями монгольского военного командования, а выбранными «численниками» из русских, должностными лицами, в обязанности которых входили сбор, подсчет и доставка дани³⁵. В настоящее время такого мнения придерживается Ю.В. Кривошеев. Ученый указал, что десятичное деление общества было характерно и для Северо-Восточной Руси еще с XI века, и если первоначально такая система действительно была связана с военной организацией, то позднее «стала выполнять судебно-административные и финансовые функции». Таким образом, «численники» только обложили уже существующих должностных лиц дополнительной обязанностью сбора дани для Монгольской империи³⁵.

Связав сообщение о переписи новгородцев с точкой зрения Франке — Джексона, можно сделать предположение, что после установления монгольской дани в январе—феврале 1259 г. она была оперативно собрана специально поставленными для этого должностными лицами под руководством Александра Ярославича, который был заинтересован в том, чтобы конфликт был исчерпан как можно скорее. После открытия речной навигации весной дань была отправлена по пути Волхов — Ильмень — Ловать — Днепр и далее в татарские владения. Так как в начале весны хождение по этому речному пути могло быть осложнено, это также не могло не отразиться на скорости экспедиции. Вполне вероятно, что названные десятники, сотники, тысячники и темники, выбранные из представителей знати, могли и везти собранную впервые дань для великого хана в Каракорум (но так как резиденция была перенесена в Шанду, то им пришлось двигаться еще дальше). Такое путешествие могло нести две функции: помимо просто сбора и доставки дани для Хубилая, то есть признания зависимости великого князя от монгольского императора, оно также могло иметь и характер искупительного посольства за акт неповиновения монгольским должностным лицам зимой 1259 г.

Итак, точка зрения Г. Франке о том, что прибывшее ко двору Хубилая в Шанду в 1261 г. посольство могло быть новгородским, имеет некоторые основания, но за краткостью сообщения Ван Юня и династийной хроники «Юань ши», а также из-за отсутствия в русских летописях какой-либо информации о том, как собранная зимой 1259 г. в Новгороде дань была доставлена императору, это предположение может являться только одной из гипотез. Если последующие исследователи смогут найти какие-либо подтверждающие данную теорию свидетельства, то историю дипломатических контактов между Россией и Китаем можно будет углубить на три с половиной столетия.

1. В литературе XIX — начала XX века можно встретить упоминание о якобы имевшем место в 1567 г. путешествии Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, однако, как показали исследования Х. Трусевича и Ф. И. Покровского, сообщение о данной экспедиции — это всего лишь литературная попытка удревления более поздней, действительно имевшей место экспедиции Ивана Петлина 1618 г. Другое спорное свидетельство о прибытии русских в Китай в середине XVI века можно найти в сообщении португальского пирата Ф.-М. Пинто. Если это сообщение не является вымыслом морского разбойника, то его можно интерпретировать как сообщение о потомках русских солдат, уведённых в плен монголами в XIV веке или о русских пленниках, купленных неким среднеазиатским властителем для свиты и прибывших в Китай со своим господином. Таким образом, никаких доказательств о дипломатических контактах двух стран до 1618 г. нет. Подробнее см.: *Бронников В. Л. Русские в Китае в XVI веке // Содружество. 2017. № 14. С. 4–17.*
2. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners to the Court of Qubilai Khan // Orient. 1960. Vol. I. P. 48.* О том, что источник не был известен европейским авторами до начала 1960-х годов, писал и Г. Франке (*Franke H. Marco Polo's Asia, an Introduction to his "Description of the World" called "Il Milione" by Leonardo Olschki // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1962. Vol. 112. No. 1. S. 230.*).
3. О жизни Ван Юня см.: *Franke H. Wang Yün (1227–1304): A transmitter of Chinese values // China under Mongol Rule. Aldershot: Variorum, 1994. P. 153–196.*
4. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners... P. 46; Он же. Хубиле шуми фуши Боло као: [Тайный вице-советник Хубилая — Поло] // Дун ян шилунь цун: хэтянь боши хуаньли цзинянь: [Спор об истории Востока: к 60-летию юбилею профессора Вада]. Токио, 1951. С. 607.*
5. *Franke H. Marco Polo's Asia, an Introduction to his "Description of the World" called "Il Milione" by Leonardo Olschki. S. 229; Он же. Sino-Western contacts under the Mongol empire // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. 1966. Vol. VI. P. 54.*
6. Эра Чжунтун длилась с 1260 по 1264 г.
7. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 230; Он же. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 54–55.*
8. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners... P. 47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 607.*
9. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 230.*
10. *Maejima Shinji. Тайный вице-советник Хубилая... С. 609.*
11. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners... P. 45–46; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 607.*
12. *Ibid. P. 46.*
13. *Ibid. P. 47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
14. *Ibid. P. 46–47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
15. *Ibid. P. 47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
16. *Ibid. P. 48; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
17. *Ibid. P. 48–49; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
18. Лекция впоследствии была переиздана в сборнике трудов автора (см.: *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 49–72.*).
19. *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
20. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 230–232; Он же. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
21. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 231.* Здесь же автор указал и на знакомство китайских авторов эпохи Юань с явлением белых ночей.
22. *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
23. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 231.*
24. *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
25. *Jackson P. Marco Polo and his "Travels" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. L., 1998. Vol. 61. No. 1. P. 93; Он же. The Mongols and the West, 1221–1410. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 294.*
26. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 231.*
27. *Карпов А. Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 175.*

28. Если принимать за начало путешествия Г. Рубрука его высадку в крымском Судаке 21 мая 1253 г., то получается, что на весь путь до Каракорума у него ушло около восьми месяцев (прибыл 26 декабря). Что касается курьеров имперской почты, то они за два месяца могли преодолевать расстояние от Каракорума до Владимира.
29. *Кафиров П. И.* Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 65.
30. *Maejima Shinji.* Marco Polo's Forerunners... P. 46–47; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. С. 165.
31. *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 53; *Кривошеев Ю. В.* Указ. соч. С. 164–184; *Селезнёв Ю. В.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. С. 118.
32. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 82–83.
33. *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 48, 54.
34. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII в. М., 1955. С. 269–270.
35. *Кривошеев Ю. В.* Указ. соч. С. 157–158.

Советско-китайское сотрудничество в архитектуре и строительстве в Китае в 1950-е годы

© 2018

А.Л. Верченко

В период тесного советско-китайского сотрудничества в 1950-е годы Советский Союз оказал КНР значительную помощь в архитектуре и строительстве: планировании размещения промышленных зон в масштабе страны, градостроительстве, сооружении производственных, жилых и общественных зданий, объектов культуры, совершенствовании строительных технологий, подготовке национальных кадров.

Ключевые слова: СССР, КНР, архитектура, промышленное строительство, жилищное строительство, общественное строительство, подготовка кадров.

DOI: 10.31857/S013128120000162-9

После образования КНР руководство страны поставило перед китайскими архитекторами и строителями задачу служить народу и целям социалистической индустриализации, вести работу в русле общенационального плана подъема народного хозяйства, интенсивного строительства новых городов и предприятий, обеспечения жильем трудящихся. Архитектурная школа, нацеленная на массовое строительство, в Китае отсутствовала, а индивидуальные проекты, как писала в 1953 г. «Жэньминь жибао», использовали слишком много старых элементов от дворцов, храмов, пагод и арок феодального периода, и поэтому были неприемлемы¹. Встал вопрос о создании новой народной архитектуры. Предстояло в кратчайшие сроки преодолеть отсталость в области градостроительства, проектировать и строить отвечающие требованиям времени заводские и фабричные корпуса, жилые дома и общежития, учебные заведения, больницы, дома отдыха, объекты культурно-массового назначения, общественные здания. В их сооружении предписывалось использовать последние достижения науки и техники, сочетая их с отдельными элементами традиционной архитектуры.

В процессе строительства нового Китая активно участвовали советские архитекторы и строители, их влияние ощущалось как в теории, так и в практике. Советские эксперты помогли в определении 8 основных крупных промышленных районов и составлении планов их промышленного освоения². Именно там, начиная с первой пятилетки (1953–1956), развернулось масштабное промышленное строительство. Советская сторона содействовала осуществлению промышленного, городского и гражданского строительства, совершенствованию строительной науки и строительных технологий. В конце 1952 г. создается министерство строительства, начато формирование государственных строительных и проектных организаций. Были созданы Пекинский проектный институт, Шанхайский институт по проектированию гражданских сооружений, провинциальные проектные институты. Специалисты этих организаций вместе с советскими архитекторами разрабатывали значимые для 1950-х годов проекты. В 1953 г.

был создан Союз архитекторов Китая. В 1954 г. стал выходить его печатный орган — журнал «Цзяньчжу сюэбао» («Вестник архитектуры»). Одновременно китайское правительство начало формировать механизм управления и планирования строительством. В марте 1953 г. в Министерстве строительства было организовано Управление по градостроительству, в мае 1955 г. переименованное в Главное управление градостроительства при Госсовете КНР. Для осуществления городского строительства по единому государственному плану в мае 1956 г. было образовано Министерство городского строительства. В Госплане КНР и Госкомитете по строительству созданы соответствующие структуры по градостроительству и планированию городов. Во многих органах, начиная с уровня министерства, работали советские советники и специалисты, а сами организации функционировали по советским образцам.

10–28 июня 1954 г. состоялось первое Всекитайское совещание по вопросам градостроительства, четко указавшее, что градостроительство должно «служить социалистической индустриализации, производству и народу и вестись по единому государственному плану»³.

В 1-ю пятилетку на основе советского опыта были приняты базовые нормативные документы, определившие государственную политику в области градостроительства, разработаны генеральные планы реконструкции более чем 150 городов и строительства 278 новых городов⁴. При активном участии советских архитекторов и строителей разрабатывались проекты развития городов с уже сложившейся городской структурой (Пекин, Ухань, Харбин). Если древний город сохранялся как исторический центр, промышленное и жилищное строительство велось на новых территориях (Лоян, Сиань, Чанчунь). В отдельных случаях крупные промышленные центры возникали на месте бывших деревушек или маленьких поселков (Баотоу, Фулаэрци, Ланьчжоу).

Промышленное строительство стало самой масштабной сферой сотрудничества. В представленных советской стороной комплексных проектах вместе со строительством производственных корпусов предприятий предусматривалось размещение жилых и парковых зон. При этом учитывались рельеф местности, особенности климата, роза ветров, разлив рек, вероятность стихийных бедствий и др. На 1-ю пятилетку была поставлена задача начать строительство 694 предприятий, ядро которых составили возводившиеся при техническом содействии Советского Союза 156 крупных объектов, заложивших основу социалистической индустриализации Китая. Советские архитекторы, в том числе самые известные своими работами в СССР и за границей, принимали непосредственное участие в подготовке проектов совместно с архитекторами Китая, делились с ними опытом и знаниями. Китаю было передано большое количество проектной документации по разным типам зданий, конструкциям, технологическим процессам⁵. Китайские специалисты осваивали новые профессии и новые технологии также и на стройках в СССР.

Советская промышленная архитектура оставила свой след в облике построенных при содействии СССР заводов, фабрик, гидростанций, объектов теплотехники, мостов и проч. Все цеха были размещены в зданиях, специально спроектированных для того или иного производства, оснащены самым современным оборудованием с учетом перспективного расширения предприятий и увеличения их мощности. Практически все министерства СССР выполняли заказы, связанные со строительством новых, восстановлением и реконструкцией действовавших промышленных предприятий в Китае. Использование советских проектов, передача техники и технологий приводили к созданию в Китае объектов, во многом копировавших советские заводы и фабрики или отдельные цеха. В ряде случаев для подготовки проектного задания китайская сторона предоставляла советским специалистам план целого района или даже города, чтобы достичь наиболее рационального распределения заводов, жилого массива, культурно-просветительских учреждений, парков и т.д.

Одним из первых в 1952 г. был введен в эксплуатацию построенный по советскому проекту Харбинский льнокомбинат и жилой городок для рабочих. Чанчуньский первый автомобилестроительный завод (ПАЗ) был почти точной копией Московского автозавода им. И.А. Лихачева. ПАЗ во всем копировал советский образец — в проектах цехов, их оснащении, конструкции подсобных помещений, даже в архитектуре проходной⁶. Крупное промышленное строительство развернулось в г. Цзилинь. По типу «Уралмаша» был возведен Цицикарский завод тяжелого машиностроения. Читавшая лекции в Китае в 1956–1957 гг. И.В. Стражева в своих воспоминаниях отмечала поразительное сходство зала аэродинамических труб и кабинета наглядных пособий в Пекинском авиационном институте с такими же помещениями в ее родном авиационном институте — с той лишь разницей, что пособия и учебные плакаты были написаны по-китайски⁷. Масштабное промышленное строительство развернулось на свободных территориях в западу от Лояна, где появился сопоставимый по масштабам с городом новый промышленный район. При техническом содействии СССР были построены корпуса заводов: тракторного, подшипникового, медеплавильного, горнорудного оборудования, огнеупорных материалов, по производству двигателей, ТЭС. Советские проектировщики руководствовались идеями о том, что «социалистические города... представляют собой законченный организм, продуманный и рассчитанный от начала до конца. Социалистические города строятся с приближением к максимальному комфорту обслуживания населения при условии равенства этого обслуживания и исключения контраста роскоши и бедности»⁸. Проходная Лоянского тракторного завода, как и весь завод, в основном были скопированы с Харьковского тракторного завода, хотя и имели китайскую специфику в оформлении. Над центральной частью возвышалась эмблема, составленная из классического набора советских промышленных и культурных символов успеха и процветания: серп и молот, над которыми располагалась пятиконечная звезда, а по обе стороны от нее симметрично — знамена, наклоненные от центра вправо и влево; в нижней части находились колосья пшеницы, гроздь винограда, головки подсолнечника, шестеренки. Привычные советскому человеку символы были понятны и китайцам, эмблема завода воспринималась рабочими как неотъемлемая часть успешной работы нового предприятия. Такие композиции — не редкость в промышленной архитектуре Китая 1950-х годов. В Чжучжоу (пров. Хунань) в 1955–1957 гг. буквально на пустом месте было возведено 17 заводских корпусов. Советский Союз оказал помощь в масштабном промышленном строительстве в Баотоу, районе, который до 1949 г. был пунктом обмена кожами, шерстью и продовольственными товарами. Даже в отдаленных районах на небольших объектах копировалась советская промышленная архитектура (например, ГЭС в уезде Цяньси, пров. Гуйчжоу)⁹.

В 1950-е годы был популярен лозунг «Сегодняшний Советский Союз — завтрашний облик нашей жизни», и заводские корпуса, построенные в советском стиле и выглядывшие гигантами на фоне кустарных мастерских и мелких производств, казались олицетворением мечты.

Китайские архитекторы руководствовались указанием Мао Цзэдуна о том, что «на базе роста производительности труда должна улучшаться жизнь рабочих»¹⁰. В развернувшемся повсеместно жилищном строительстве приняли участие советские специалисты. В первую очередь городское строительство осуществлялось в городах, где Советский Союз оказывал помощь в строительстве промышленных объектов. Они в большинстве своем становились образцами и пионерами в своей отрасли. То же самое относилось к гражданским постройкам. Сооружение домов и общественных для рабочих начиналось одновременно или раньше строительства промышленных объектов. Проекты и рабочие чертежи составлялись в Советском Союзе и в готовом виде передавались китайской стороне. Общим для всех построенных в советском стиле домов было слово *красные*, так как в качестве строительного материала использовался кирпич.

Дома нового типа были возведены во многих городах: Фулаэрци, Цицикар, Чанчунь, Баотоу, Сиань, Аньшань, Цзилинь, Шницзячжуан, Ланьчжоу, Урумчи, Ухань, Лоян, Сянтань, Чжучжоу, Тайюань, Чжэнчжоу, Таншань и др. Улицам давали созвучные эпохе названия: Труда, Производства, Почета, Прогресса, Победы, Заводская. Дома старались размещать в наиболее благоприятных с точки зрения экологии зонах, учитывали преобладающее направление ветров, чтобы уменьшить по возможности влияние выбросов предприятий на жилые дома. К примеру, в Лояне в течение первого года освоения территории с помощью СССР было построено 3 квартала жилья нового уровня. Дома имели вентиляцию, в северных районах — отопление, все удобства (кухня, водопровод, душ и туалет), встроенную мебель. В перегородки добавляли специальные вещества против плесени и гниения (влажность в Лояне колеблется в течение года от 60 до 95%), ядовитых насекомых и крыс. Толщина стен уменьшалась от первого к третьему этажу — чем выше, тем тоньше. Это позволяло зданию выдерживать землетрясение до 7 баллов¹¹. В трудные для Китая 1950-е годы такое высококлассное жилье было большой редкостью и должно было продемонстрировать народу растущую мощь страны. В 1958 г. квартал № 10 и Лоянский тракторный завод были объявлены образцовой промышленной зоной, опыт строительства которой пропагандировал снятый тогда же документальный фильм, демонстрировавшийся по всему Китаю. В 2013 г. по решению Госсовета улица Истории и культуры Китая в Лояне со зданиями советского типа была внесена в список индустриальных памятников современной культуры, которые подлежат охране государством.

Следует отметить, что советские специалисты столкнулись с рядом новых для себя проблем, в решении которых опирались на помощь китайской стороны. В Лояне рытье котлованов неожиданно затормозилось обнаружением древних могил. Пришлось нанимать местных жителей, знакомых с размещением захоронений, для их переноса. Многие старинные артефакты стали экспонатами китайских музеев. В Сиане при постройке завода обнаружили поселение периода позднего неолита, в связи с чем пришлось перенести стройплощадку, а на месте раскопок организовали экспозицию. Непривычным для советских специалистов было широкое применение ручного труда на таких работах, которые в Советском Союзе были механизированы. Например, при рытье огромных котлованов под фундаменты крупных заводских цехов землю выносили корзинами на коромысле, так как погрузочно-разгрузочной техники не хватало, а рабочей силы было с избытком.

В свое время по советским проектам в Шицзячжуане (пров. Хэбэй) построили первые в городе 17 современных каменных жилых зданий, в Шэньяне к 1957 г. в промышленном районе Теси выросли 143 кирпичных жилых дома. В Чжучжоу было возведено 108 семейных общежитий, 3 общежития для одиноких, гостиница для специалистов, столовая, поликлиника и детский сад. Бывший дом советских специалистов превращен сегодня в дом ветеранов «Красный закат». В домах советского типа толщина стен доходила до 40 см, что было в 2 раза толще обычных южно-китайских стен. Китайские архитекторы отмечали особенность советского проекта детского сада, возведенного в Чжучжоу: деревянный потолок защищал от жары, а поднятый над землей на 50 см деревянный пол предохранял детей от сырости, идущей от земли¹².

Многие жилые постройки сохранились до сих пор и продолжают выполнять свои функции. В то время жилье советского стандарта было лучшим из имевшихся вариантов, а сегодня эти свидетели бурного промышленного роста часто идут на слом, уступая место высотному строительству.

Советские специалисты участвовали в строительстве в Ухане моста через Янцзы (1954–1957 гг.), который облегчил функциональные связи между отдельными частями города. Благодаря внедрению новейшего бескессонного способа сооружения опор (автор проекта К.С. Силин) мост был введен в строй на два года раньше запланированного сро-

ка. Успех был достигнут скорее вопреки, чем благодаря руководству профильного министерства. Несмотря на то, что метод был уже опробован на строительстве небольшого моста через р. Ханьшуй, министр транспортного строительства СССР Е.Ф. Кожевников «не рекомендовал строить мост», когда к нему с запросом обратился министр железнодорожного транспорта КНР Тэн Дайюань. Как писал в Москву посол П.Ф. Юдин, Министерство «заняло трусливую, перестраховочную позицию, что, с одной стороны, тормозит развитие советской науки о мостостроении, с другой — ставит советскую сторону в невыгодное положение перед китайской стороной в вопросе о строительстве моста»¹³. Силин также предложил для экономии дефицитного металла больше использовать камень при постройке небольших мостов на железной дороге Чэнду — Чунцин¹⁴.

Многие здания сохранились в университетских городках, где с использованием советских проектов были построены общежития и учебные корпуса, которые и сегодня продолжают функционировать, молчаливо напоминая о сотрудничестве СССР и Китая в 1950-е годы. По прямому назначению здания используются в Пекинском университете, Университете Цинхуа, в Лесохозяйственном, Сельскохозяйственном и Горнопромышленном университетах, которые создавались и оснащались в 1950-е годы и в архитектурно-строительном отношении испытали советское влияние. То же самое относится и к другим учебным заведениям, построенным в Китае. Например, в Урумчи при техническом содействии СССР был построен медицинский институт (1956) и большой медицинский городок. Китайские строители под руководством советских наставников приобрели опыт сооружения зданий медицинского назначения¹⁵. В 1952 г. на средства СССР в Пекине был построен госпиталь китайско-советской дружбы, позже безвозмездно переданный китайской стороне. При многих предприятиях при содействии СССР строились медицинские центры и поликлиники (например, при Харбинском льнокомбинате, Сянтаньском металлургическом комбинате и др.)

Многие китайские архитекторы считают, что в домах так называемого советского типа органично соединились самые характерные черты архитектурных и строительных стилей двух стран, что обеспечило им долгую функциональную жизнь. С их точки зрения, отдельные архитектурные решения советского стиля в той или иной мере используются при строительстве современных зданий в Китае. Согласно оценке некоторых экспертов, общий план и конструкция построенного в 1996 г. нового Западного вокзала в Пекине вместе с дизайном галереи внутри здания отражают именно советский стиль¹⁶.

Советские архитекторы внесли свой вклад в строительство общественных зданий разного назначения. После образования КНР в архитектуре, как в других сферах общественной и политической жизни, шли горячие споры о соотношении нового и старого, традиционного и современного. Ведущий китайский архитектор Лян Сычэн выступал за сохранение исторического наследия и сочетание старого и нового. В 1953 г. он в течение трех месяцев знакомился с советской архитектурой в СССР и вернулся с убеждением, что в «использовании или отрицании национальных форм проявляется классовая позиция»¹⁷.

Самыми типичными деталями традиционного стиля в начале 1950-х годов, как и позже, были многоярусные парящие крыши с изогнутыми скатами, покрытые цветной черепицей, которые венчали построенные из бетона современные здания. Они украсили многие общественные постройки. Центральный корпус известного административного комплекса «Четырех министерств и одного комитета» в Пекине (арх. Чжан Кайцзи)¹⁸ оказался без предусмотренной проектом *китайской крыши* на заключительном этапе строительства, когда началась их критика как символа прошлого. Представляется, что это был отзвук начавшейся в СССР с приходом к власти Н.С. Хрущева в 1953 г. кампании за упрощение строительства и отказ от излишнего декора. Учитывая тесное взаимодействие советских и китайских специалистов, установку на учебу у СССР, можно с большой долей уверенности утверждать, что на китайское руково-

дство оказали влияния результаты совещания, на котором Хрущев критиковал архитекторов за расточительство, дороговизну и «украшательство», «мешавших» индустриализации строительства¹⁹. Под влиянием этих тенденций на проводившихся в Китае совещаниях также поднимался вопрос об экономии и функциональности возводимых сооружений. Было определено, что в промышленном строительстве главное — экономическая целесообразность, в гражданском — практичность, в городском — принцип «все для производства, все для трудящихся»²⁰. В 1955 г. было подвергнуто критике стремление к возврату к прошлому и излишнему использованию элементов древней архитектуры. Вице-президент Союза архитекторов КНР Лян Сычэн сформулировал для архитектуры и строительства принципы практичной пригодности, экономичности и, при наличии условий, внимания к красоте, новаторства при обращении к национальным традициям²¹. Оставаясь на классовых позициях, защищая экономию и практичность, он тем не менее допускал возможность внесения изменений в первоочередность этих принципов и полагал, что красота иногда должна быть на первом месте.

В 1950-е годы в КНР сформировался особый архитектурный стиль, соединивший лаконичный китайский декор с элементами «сталинского ампира» и монументальности, но больше напоминавший раннее советское ар-деко. Для последнего были характерны симметрия, наличие просторных галерей по обе стороны от входа, ступенчатая фактура башен, высокий шпиль или портик, подчеркивающий центральную часть, трехчастная структура здания — цоколь, основная часть и крыша. Китайские специалисты считают, что все 10 самых значимых общественных зданий, построенных в Куньмине в 1950-е годы, в той или иной мере несут отпечаток советской архитектуры, а здание Военного музея в Пекине построено в «кремлевском» стиле²². В Сиане черты советской архитектуры, сочетаемой с китайской национальной спецификой, усматриваются во многих зданиях: «Баохуа далю» с высокой квадратной в сечении башней и часами на каждой из четырех сторон, почтамт, гостиница «Народ», Народный театр, отделение Строительного банка, два универмага, книжный магазин «Синьхуа», кинотеатр «Гуанмин». Элементы советской архитектуры отчетливо видны в Уханьском театре, который и сегодня считается одной из достопримечательностей города, дворце спорта в Шэньяне, здании домов советско-китайской дружбы в Харбине, Шэньяне, многих кинотеатрах в разных районах Китая. Например, в Маомине (пров. Гуандун), где Советский Союз помогал разрабатывать сланцы, было построено два кинотеатра, «Хунци» и «Дунфэн», которые отличались от привычных китайцам зданий высокими входными дверями и колоннами, по двум сторонам которых были установлены статуи, а также не характерными для китайской архитектуры проемами и оконными переплетами. Еще одна отличительная сторона советской городской планировки — просторные круглые площади перед объектами культуры, озелененные или украшенные фонтанами. В Маомине сохранились некоторые из широких улиц, спроектированных в 1950-е годы, что никогда не было отличительной чертой средних и малых китайских городов.

Китайские исследователи считают самыми яркими образцами советского стиля, в архитектуре которых воплотились идеи, композиционные схемы, принципы декоративного оформления, здание Военного музея в Пекине (1959) и заводы измерительных приборов в Харбине и Чэнду (1953–1955)²³.

В 1952 г. во время пребывания заместителя председателя Комитета по экономике и финансам Ли Фучуня в СССР было решено построить выставочные комплексы для демонстрации достижений Советского Союза в области экономики, культуры, науки и техники. ЦК КПК принял решение о сооружении четырех выставок — дворцов китайско-советской дружбы в Пекине, Шанхае, Ухане и Гуанчжоу. В проектировании пекинского комплекса приняли участие архитекторы В.С. Андреев (руководитель), К.Д. Кислова, инженер Л.М. Гофман, китайские архитекторы Дай Няньцы, Мао Цзыяо, Чжоу Юньюань. Для них работа с известным советским архитектором была школой

знакомства с современными зарубежными течениями в архитектуре и строительстве. Андреев имел опыт возведения выставочных павильонов (Вена, 1952) и представительских зданий (Посольство ЧССР в Москве, 1952–1954) и использовал его для выполнения нового заказа. Инженер А.В. Торопцев с советской стороны руководил строительными работами, в ходе которых было организовано обучение китайских рабочих и специалистов. Большое значение имело овладение методами работы в зимнее время. Раньше с ноября по март в Пекине не строили, все стройки замораживали до наступления тепла. Выставочный комплекс был одним из первых объектов, при сооружении которого больше половины работ было выполнено в зимний период²⁴.

Над центральной частью на высоту 103 метра поднялся шпиль в виде башни с пятиконечной красной звездой. Китайцы гордятся, что сами изготовили звезду, хотя планировали заказать ее в Советском Союзе, и подняли ее с помощью подъемного механизма, разработанного и изготовленного на Фэнтайском заводе мостовых конструкций, несмотря на сомнения советских специалистов. Красная звезда сияла, как маяк, вспоминают пекинцы²⁵. Высотность выставочных павильонов несла идейную и эмоциональную нагрузку, символизировала подъем на новые вершины, настраивала посетителей на активное участие в строительстве своей страны. По обе стороны полукругом расходится арочная колоннада с 16 арками, которые поддерживаются 18 разными колоннами. Между колоннами раньше висели гербы советских республик. Перед входом на выставку расположен огромный фонтан диаметром 45 м. Во времена «большой дружбы» в центральном зале выставки стояли скульптуры Ленина и Сталина²⁶. С завершением строительства объект стал первым в Пекине современным выставочным центром и первым высотным зданием. Площадь застройки — 130 тыс. кв. м, площадь выставочных павильонов — 110 тыс. кв. м²⁷. Советский Союз поставил всю мебель и детали оформления для открытого на территории выставки ресторана «Москва». Первоначальное название «Советская выставка», написанное рукой Мао Цзэдуна, в 1958 г. по предложению Чжоу Эньляя было изменено на «Пекинская выставка»²⁸. Одновременно в Шанхае по аналогичному проекту возвели Дворец советско-китайской дружбы, позже переименованный в «Шанхайскую выставку». Проект готовился в Китае совместными усилиями советских и китайских архитекторов. С советской стороны за него отвечали В.С. Андреев, К.Д. Кислова, с китайской — главный архитектор Восточно-Китайской архитектурной компании Чэнь Чжи. Работа над проектом показала ответственность советских людей перед заказчиком. Инженер Гохман без согласования с главным архитектором неосторожно назвал дату начала работ — 1 мая 1954 г., хотя проект к тому времени готов не был. Чтобы не подорвать авторитет советских авторов и советского государства, пришлось в авральном порядке совместными усилиями заканчивать работу, и торжественная церемония начала строительства состоялась в срок. Строительство заняло рекордно короткое 10 месяцев, а через десять дней после сдачи павильонов там прошла первая выставка достижений СССР. Перед главным входом стояла скульптура (авторы Л.Е. Кербель и Л.Д. Муравин²⁹), которая символизировала дружбу рабочих двух стран. В период «культурной революции» хунвэйбины хотели сбросить фигуру русского, но он так крепко держал за руку китайца, что пришлось сломать весь памятник³⁰. 5 октября 1955 г. в Гуанчжоу (пров. Гуандун) состоялось открытие комплекса, названного Дворцом китайско-советской дружбы. По обеим сторонам на фасаде главного корпуса по-русски и по-китайски были выбиты лозунги о крепкой дружбе советского и китайского народов. Позже на этих местах вывешивались плакаты, содержание которых соответствовало задачам строительства в разные годы. Красовавшаяся над входом большая буква «СССР» исчезла с изменением названия выставки. В 1956 г. был построен выставочный комплекс в городе Ухань. Общим для всех было развитие композиции ансамбля в горизонтальном пространстве. Последние два комплекса не имели шпилей над центральной частью, их заменили звезда и знамена по обе стороны от нее. В 1955 г. три комплекса приняли масштабные советские выставки. В Ухане выставка прошла в 1956 г.

Экспозиции привлекли многочисленных посетителей. Молодые люди приходили с блокнотами, подолгу задерживалась у станков, экскаваторов, машин, технических документов, делали подробные записи, использовали общение с экскурсоводами как возможность учиться. Таким образом, помощь Советского Союза не ограничилась разработкой проектов и участием в строительстве помещений выставок. Она превратилась в школу повышения профессиональной квалификации для многих китайских специалистов. Сегодня Пекинская и Шанхайская выставки обрели новую жизнь, в основном сохранив внешний облик. Гуанчжоуская выставка частично перестроена. И только в Ухане на месте снесенной старой выставки построено абсолютно новое современное здание.

Советские специалисты оказали комплексную помощь в разработке плана городского строительства Пекина, помогли принять «Предложения по улучшению административного управления Пекина», которые определили развитие города на десятилетия. Первые советские градостроители прибыли в Пекин еще до провозглашения КНР, в середине 1949 г. (П.В. Абрамов). В феврале 1950 г. был принят предложенный архитектором М.Г. Баранниковым «Перспективный план развития Пекина». В его основе лежали идеи и принципы «Генерального плана реконструкции Москвы» 1935 г., предусматривавшего коренную перепланировку города, не нарушавшую основ исторически сложившейся структуры, строительство новых широких магистралей, площадей, мостов, создание парков и зеленых зон.

Площадь Тяньаньмэнь сохранилась как исторический центр города, была расширена, по обе стороны возвели два здания — ВСНП и Музей истории. Власти города интересовались, как развивается Москва в качестве столицы. Например, в 1954 г. председатель правительства города Пэн Чжэнь в беседе с послом СССР в КНР П.Ф. Юдиным обсуждал вопросы градостроительства и целесообразности размещения промышленных предприятий в Пекине³¹. В то время было запланировано, но не утверждено строительство автомобильного, тракторостроительного и шарикоподшипникового заводов в Пекине в соответствии с директивой «превращать города-потребители в города-производители». Кроме того, строительство промышленных предприятий могло создать существенную рабочую прослойку в городе, где преобладала интеллигенция. Из этого примера видно, что градостроение включало культурную, социально-бытовую, экономическую и политическую составляющие.

Советский Союз предоставил всестороннюю и многоуровневую помощь в строительстве. Об этом свидетельствует перечень специалистов — инженеров-проектировщиков, инженеров-строителей, — которые работали по планированию городов, проектированию систем водоснабжения и водоотведения, газо- и теплоснабжения, общественного городского транспорта. Специалисты участвовали в подготовке города к 10-летию образования КНР, которое было ознаменовано строительством в Пекине десяти зданий — ВСНП, Китайского государственного музея (ранее совмещавшего под одной крышей музей истории и революции Китая), Китайского военно-революционного музея, Дворца культуры национальностей, гостиницы «Миньцзу», Дома приемов Дяоюйтэй, комплекса «Хуацяо даша», Пекинского железнодорожного вокзала, Сельскохозяйственной выставки, Рабочего стадиона. Все они несут в той или иной степени отпечаток классической советской архитектуры, признанной в тот период прогрессивной и социалистической по духу, поэтому подлежавшей изучению и копированию. Многие проекты были выполнены Пекинским проектным институтом под руководством Чжан Бо. Большая часть современных зданий, построенных в 1950-е годы, находится на проспекте Чапьяньцзе, где представлены как типично советские здания с высоким шпилем и звездой (Военный музей), так и здания, сочетающие советский стиль с китайской спецификой (Пекинский железнодорожный вокзал, Дворец культуры национальностей, здание ВСНП, Музей революции). Первым из 10 юбилейных «высоток» было завершено здание

Сельскохозяйственной выставки (1958), строительство которого является примером успешного сотрудничества советских и китайских специалистов.

Как и в других сферах, в строительной-архитектурной области в Китае работали прекрасные специалисты, среди которых был известный советский архитектор Д.Н. Чечулин. На посту главного архитектора Москвы (1945–1949) он стал инициатором высотного строительства в городе, среди других проектов выполнил проект гостиницы «Пекин». Она строилась почти 20 лет, и когда в 1956 г. ее наконец решили достроить, возникла идея внести китайский колорит во внутреннее оформление. Коробка здания была готова, изменить внешний вид было невозможно, поэтому речь шла только о внутреннем декоре. Чечулин в 1957 г. направился в Китай за творческими идеями. Результатом поездки стал также проект Главного управления по делам печати, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения на Чаньаньцзе в Пекине (1958). В таком же стиле построено здание Пекинского почтамта (1956–1958).

Еще одно направление, где сотрудничали советские и китайские зодчие — это высшее образование, то есть подготовка архитекторов и строителей, которым предстояло выполнять поставленные государством задачи. Советские преподаватели читали курсы по архитектуре и строительству в вузах. В одном из ведущих вузов Китая — Университете Цинхуа вскоре после образования КНР стали работать советские профессора. Одним из первых приехал специалист по городскому планированию А.С. Мухин. Архитектор Е.А. Ащепков в 1952–1953 гг. участвовал в становлении архитектурного факультета, где с 1953 г. осуществлялся переход на советскую систему обучения, было введено дипломное проектирование. В своих лекциях Ащепков предлагал творчески применять национальное в зодчестве, полагая, что его прогрессивные черты могут быть успешно использованы в современной архитектуре³². Вместе с китайскими преподавателями он подготовил учебную программу, основанную на прочном овладении фундаментальными знаниями с большим спектром преподаваемых дисциплин, учитывавшую достижения западной и китайской архитектуры. Обращалось большое внимание на практические занятия и производственную практику³³. Заслуживает упоминания глубокое профессиональное изучение Ащепковым традиционной архитектуры в период пребывания в КНР, которое позволило опубликовать академическую работу «Архитектура Китая». Ащепков готовил студентов к практической самостоятельной деятельности, то есть к тому, чем им предстояло заниматься в жизни: составлением проектов школ, санаториев, столовых, промышленных предприятий, отдельных цехов с привязкой их к территории завода и др. Многие выпускники факультета были востребованы в народном хозяйстве и успешно применяли полученные знания на стройках нового Китая.

Приведенные примеры далеко не в полной мере охватывают все содержание помощи, которую СССР в 1950-е годы оказал Китаю в архитектуре и строительстве, но дают представление о направлениях и характере взаимодействия. Возведенные при технической помощи СССР промышленные объекты, здания и сооружения разного назначения стали непосредственными свидетелями развития советско-китайских отношений.

1. Цзоу Аньцзэй. Чжиши чаньцюань фа юй гоци фа дэ жунхэ фачжань: [Пересечение в развитии закона о праве интеллектуальной собственности и международного права]. Шанхай, 2012. С. 315.
2. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 49. П. 415. Д. 59. Л. 46–47.
3. Тянь Цзунбо. Чжиши цинхуа: [Планирование городского строительства]. Пекин: Цинхуа дасю чубаньшэ, 2005. С. 410.
4. Иванова А.П. История архитектуры и градостроительства Китая: формирование русскоязычного научного дискурса // Архитектура и строительство. Вестник ТОГУ. 2012. № 4 (27). С. 96.

5. *Лазарев Г.З.* Архитектура Китайской Народной Республики // Всеобщая история архитектуры / отв. ред. О.А. Швидковский: в 12 т. Т. 12. Кн. 2: Архитектура зарубежных социалистических стран. М., 1977. С. 407–444.
6. Завод и люди. 1916–2016: в 3 т. Т. 1: Зарождение автомобилестроения. М., 2016. С. 406.
7. *Стражева Н.* Там течет Янцзы. М., 1983. С. 20.
8. Из Пояснительной записки к Проекту Харьковского тракторного завода (ХТЗ) // Донецкие новости. 01.06.2013.
9. URL: www.douban.com/note/226250407/ (дата обращения: 06.03.2018).
10. *Лян Сы-чэн.* Архитектурное наследие Китая и наши задачи // Народный Китай. 1952. № 24. С. 24.
11. URL: <http://hk.huaxia.com/yjsc/zywh/hzhp/2013/11/3617557.html> (дата обращения: 21.10.2016).
12. Чжучжоу чэньбао. 07.01.2016.
13. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 503. Л. 152–157.
14. *Верченко А.Л.* Советские специалисты в строительстве КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 71–79.
15. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Д. 127. Л. 1, 48.
16. *Жэнь Жүйэнь.* «Советские дома» в Пекине: вчера, сегодня, завтра. URL: http://russian.news.cn/china/2016-07/28/c_135545894.htm (дата обращения: 21.02.2018).
17. Наньфан чжоумо. 22.04.2011.
18. Четыре министерства: первое и второе машиностроения, тяжелой промышленности и геологии. Один комитет — Госплан КНР.
19. Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций: 30 ноября — 7 декабря 1954 г. Сокращенный стенографический отчет. М., 1955. С. 394.
20. Итоги строительства за 10 лет существования Китайской Народной Республики // Архитектура СССР. 1959. № 10. С. 37.
21. *Лян Сы-чэн.* О традициях и новаторстве, исходя из принципов практической пригодности, экономности и, при наличии условий, внимания к красоте // Архитектура СССР. 1959. № 10. С. 57–60.
22. URL: <http://www.kmtv.com.cn/lm/zx/16594.shtml> (дата обращения: 02.03.2018).
23. *Чжоу Цзюньянь.* Архитектура Китая в период с 1949 по 1959 год: тенденции, направления, стили // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. С. 383.
24. *Бурков Б.* В Китае. М.: Издательство «Правда». 1955. С. 4–5.
25. URL: <http://2016.163.com/16/0811/16/BU6VV7VA000501U4.html>
26. *Горбачев Б.Н.* Звездные шпили Пекина и Шанхая // Азия и Африка сегодня. 2015. № 2. С. 66–70.
27. *Ван Дун-чэнь.* Строительство новых общественных зданий в Пекине // Архитектура СССР. 1959. № 11. С. 53–57.
28. Чжаньван. 30.12.2017.
29. РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 34.
30. *Кербель Л.Е.* Наше дело — художественное // Независимая газета. 19.08.2003.
31. АВП РФ. Ф. 0100. П. 393. Оп. 48. Д. 9.
32. *Ацелков Е.А.* Архитектура Китая. М., 1959. С. 90–91.
33. *Ши Сюань.* Цинхуа дасюэ: цзецзянь сулянь цзяоюй цзиньнянь цзици цзиньсин цзяосюэ гаигэ: [Университет Цинхуа: активно проводить реформу образования с использованием советского опыта в образовании]. URL: <http://www.tsinghua.edu.cn/publish/thunews/9668/2011/20110225232535968721367/20110225232535968721367.html> (дата обращения: 27.02.2018).

Культура

Инновационные технологии в языковой политике Китая

© 2018

О.И. Завьялова

Совершенствование искусственного интеллекта считается китайским руководством одним из стратегических направлений развития государства. Современные языковые технологии достаточно широко внедряются китайскими лингвистами внутри страны. В ближайшем будущем они будут использоваться также в качестве «мягкой силы» для создания привлекательного облика Китая за рубежом.

Ключевые слова: китайский язык, языковая политика, «мягкая сила», институты Конфуция, искусственный интеллект, машинный перевод.

DOI: 10.31857/S013128120000163-0

Совершенствование Интернета и разработки в области искусственного интеллекта считаются китайским руководством одним из стратегических направлений развития страны. Об этом говорил Си Цзиньпин в своем докладе на XIX съезде КПК в октябре 2017 г., развивая концепцию «сообщества единой судьбы человечества», и об этом же шла речь в его приветствии, направленном в декабре того же года участникам проводимой в Китае 4-й Международной конференции по вопросам Интернета¹. В преддверии съезда Госсоветом КНР был опубликован «План развития искусственного интеллекта нового поколения», который благодаря мощным инвестициям государства, усилиям ведущих компаний, участию десятков исследовательских центров и высших учебных заведений должен сделать Китай к 2030 г. мировым лидером в этой области. Составная часть Плана — разработка технологий, связанных с синтезом и распознаванием устной речи и машинным переводом². Интернет появился в Китае в 1994 г., к 2017 г. число пользователей всемирной сети достигло в стране 772 млн человек, число пользователей мобильного Интернета — 753 млн³.

Информационные технологии уже достаточно широко используются китайскими лингвистами внутри страны. С началом периода «реформ и открытости» в конце 1970-х годов, после отмены гонений на интеллигенцию во время «культурной революции», духовные ценности — образование, китайский язык и иероглифическая письмен-

ность — вновь заняли традиционно высокое место в системе государственных приоритетов. Созданы беспрецедентные по своему объему базы данных — письменных памятников в рамках программ сохранения нематериального культурного наследия, в том числе при участии ЮНЕСКО, многочисленных китайских диалектов и десятков языков народов КНР, включая те, которые были обнаружены в ходе недавних полевых обследований в разных районах страны. В конце 2017 г. Государственным комитетом по работе в области языка и письменности в Интернете размещен специальный сайт лингвистических ресурсов с данными о китайских языковедах и их исследованиях⁴. Программное обеспечение для наиболее значимых языков народов КНР, часто с сохраняющимися в употреблении особыми традиционными видами письма, используется в электронных словарях, в процессе «двуязычного» обучения в школах, на многочисленных сайтах в Интернете⁵. И наконец, в различных областях, связанных с языком и письменностью, в том числе при приеме экзамена на знание официального китайского языка *путунхуа* и на выпускных школьных экзаменах, внедряются языковые технологии искусственного интеллекта, связанные с распознаванием устной речи и проверкой письменных текстов⁶.

«Сильное государство — сильный язык». Это утверждение с недавнего времени стало популярным в китайском Интернете. «Мечта о возрождении китайской нации — это не только вызов, но также шанс усилить международное влияние языка и письменности», — подчеркивают чиновники высокого уровня в своих выступлениях по итогам XIX съезда КПК⁷. На протяжении всего XX века китайское государство и китайские лингвисты были вынуждены направлять свои усилия внутрь многодиалектной и многонациональной страны — на укрепление ее единства через распространение официального китайского языка с пекинским произношением. Лишь в начале XXI века, после двух десятилетий политики «реформ и открытости», языковая политика окрепшего государства впервые вышла за пределы страны. Именно тогда язык стал вновь превращаться в важнейшую составляющую «мягкой силы», причем не только в традиционном для Китая «конфуцианском» ареале Восточной Азии, но и за его пределами. В 2004 г. был основан первый институт Конфуция, призванный распространять среди иностранцев китайский язык вместе с другими популярными за рубежом составляющими традиционной культуры. Сейчас в разных странах мира, включая Россию, действуют уже 516 институтов и 1076 классов Конфуция, миллионы людей изучают китайский язык и преодолевают сложный «иероглифический барьер»⁸.

После провозглашения Си Цзиньпином стратегии «Пояса и пути» в 2013 г. начался еще один этап использования языковой «мягкой силы». Объектом повышенного внимания лингвистического сообщества стали и по-прежнему остаются языки сопредельных стран и других государств Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Важнейшей основой для налаживания связей были определены, с одной стороны, исследования «ключевых» иностранных языков и трансграничных языков народов Китая, усиленная подготовка переводчиков в высших учебных заведениях, с другой — расширение радио- и телевидения на иностранных языках, создание новых многоязычных новостных сайтов.

В ближайшем будущем для создания привлекательного облика Поднебесной за рубежом будут использоваться все уже существующие языковые составляющие «мягкой силы». В межцивилизационном обмене, с одной стороны, примут участие институты Конфуция, распространяющие китайский язык по всему миру. С другой — щедро финансируемые государством новостные СМИ, радио- и телеканалы на иностранных языках,

издательские структуры. Все они будут по-прежнему доносить до мирового сообщества, в том числе через Интернет, «рассказы о Китае», «транслировать голос Китая», «усиливать ощущение близости китайской культуры», «разъяснять суть китайского пути». Фундаментальное ежегодное издание — «Доклад о языковой ситуации в Китае» (*Чжунго юйянь шэнхо чжжуанкуан баогао*), которое уже публикуется на английском языке, будет издаваться в переводе на японский и корейский. Не менее (если не более) важным считается издание на иностранных языках новых «канонических» сводов идеологических и культурных терминов, которые, в частности, употребляются в выступлениях Си Цзиньпина⁹. Но все это явно может оказаться недостаточным в ближайшие годы.

Следующий, инновационный этап использования Китаем языковой «мягкой силы» за пределами страны связан с «четвертой промышленной революцией», в которую вступает человечество, — разработками в области искусственного интеллекта, уже в какой-то степени позволяющими миллионам людей из разных стран общаться письменно и даже устно без знания языков друг друга. Еще в 2016 г. одной из ведущих китайских компаний в области новейших языковых технологий «Кэда сюньфэй» (iFLYTEK) было представлено устройство, которое распознает и переводит в реальном времени китайскую устную речь на четыре языка: остающийся языком мирового общения английский, важнейший язык на китайском участке Шелкового пути уйгурский и еще на два языка сопредельных стран — японский и корейский, одновременно демонстрируя результаты перевода на большом экране¹⁰. Одно из подразделений iFLYTEK действует на Великом шелковом пути, в административном центре многонационального Синьцзяна Урумчи, где создан исследовательский Парк компьютерных технологий. Десятки местных сотрудников iFLYTEK разрабатывают в Урумчи компактные устройства, переводящие устную речь на языках Синьцзяна и сопредельных стран Шелкового пути. В марте 2017 г. одно из таких устройств, позволяющее устно общаться носителям уйгурского и китайского языков, было представлено премьеру Госсовета КНР Ли Кэцзяну в ходе его встречи в провинции Аньхуэй с местными депутатами сессии ВСНП¹¹. В 2014 г. с использованием технологий искусственного интеллекта в Интернете создана при содействии ЮНЕСКО платформа «Цюаньцюшо» (Talkmate), с помощью которой желающие из разных стран мира уже могут бесплатно изучать 87 языков¹². Такая же онлайн-платформа разрабатывается для изучения китайского языка¹³.

На XIX съезде КПК в октябре 2017 г. была утверждена долгосрочная стратегия развития Китая. В ней, в частности, предусмотрено, что к 2035 г. «на новую высоту поднимется уровень цивилизованности общества, значительно возрастет культурная “мягкая сила” государства и расширится влияние китайской культуры». Синергия патронажа высшего руководства Поднебесной, щедрого финансирования программ «мягкой силы», достижений специалистов в области новейших технологий и лингвистов позволяют надеяться на самые серьезные успехи в выполнении поставленной цели — казавшаяся непреодолимой «Великая стена» китайского языка и иероглифики может быть преодолена с помощью искусственного интеллекта.

1. Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm; Си Цзиньпин чжи дисыцзе шицзе хуяньван дахуэй дэ хэсин: [Приветственное письмо Си Цзиньпина, направленное 4-й Всемирной конференции по вопросам Интернета]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1204/c1002-29683325.html>

2. Го'уоань гуаньюй иньфа синьдаидай жэньгун чжинэн фачжань гуйхуа дэ тунчжи: [Оповещение Госсовета о публикации плана развития искусственного интеллекта нового поколения]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm
3. Чжунго хулянь ванло синьси чжунсин: [Информационный центр китайской Интернет-сети]. URL: <http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/>
4. Гоця юйвэй юйянь цзыюань ван: [Сайт языковых ресурсов Государственного комитета по работе в области языка и письменности]. URL: <http://www.clr.org.cn>
5. Завьялова О.И. Языки Китая в информационном пространстве // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 148–152.
6. Ду Чжаньюань. Шэньжу сюэси гунчаньдан дэ шицзюда цзиньшэн, туйдун синь шидай юйвэнь вэньцзы шне чуаньсинь фачжань. Цзай 2018 нянь цюаньго юйянь вэньцзы гунцзо хуэйи шан дэ цзянхуа: [Углубленно изучать и последовательно претворять в жизнь идеи XIX съезда КПК, способствовать инновационному развитию языка и письменности новой эпохи. Выступление на Всекитайском совещании по работе в области языка и письменности 2018 г.] URL: http://www.china-language.gov.cn/yw/gjywxx/201802/t20180202_29857.html
7. Там же.
8. 516 институтов Конфуция созданы в 142 странах мира. URL: http://russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm
9. Ду Чжаньюань. Указ. соч.
10. Хань Линьтао, Ян Эрхун. 2016 нянь ды цзици фань: [Машинный перевод в 2016 г.] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2017: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2017 г.]. Пекин, 2017. С. 119–123.
11. Там же. С. 119; Ли Кэцян лай Аньхуэйтуань: жэньгун чжинэн сяи цзунли «баодао»: [Ли Кэцян встречается с делегатами ВСНП в провинции Аньхуэй: искусственный интеллект «докладывает» премьеру]. URL: http://www.china.com.cn/lianghai/news/2017-03/10/content_40440494.htm
12. Цюаньцюшо: [Разговор со всем миром]. URL: <https://www.talkmate.com/>
13. Ду Чжаньюань. Указ. соч.

Образование

Интернационализация высшего образования Республики Корея: от Пак Чон Хи до Пак Кын Хе

Т.С. Мозоль

Целью данной работы является изучение государственной политики Республики Корея (РК) в сфере образования в исторической ретроспективе, а также анализ особенностей процесса интернационализации высшего образования в Республике Корея, происходившего под воздействием внутренних и внешних факторов. Рассмотрены политика и программы по интернационализации, реализуемые корейским правительством и высшими учебными заведениями, а также результаты, достигнутые в ходе выполнения таких стратегических программ, как Study Korea Project и Brain Korea 21.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, РК, образовательная политика, высшие учебные заведения, Study Korea Project, Brain Korea 21.

DOI: 10.31857/S013128120000164-1

Интернационализация высшего образования имеет большую значимость, поскольку высшие учебные заведения занимают одно из центральных мест в современном обществе. Дж. Най, выделяя три основных источника мягкой силы страны в виде культуры, политических ценностей и внешней политики, отмечает, что культура и образование являются одними из наиболее эффективных инструментов мягкой силы¹.

В Республике Корея (РК) на государственном уровне осуществляется разработка стратегий мягкой силы, в том числе в области интернационализации высшего образования. Вместе с провозглашением курса на глобализацию в 90-х годах прошлого столетия, а также с переходом к экономике знаний в начале нынешнего столетия интернационализация высшего образования стала ведущим направлением национальной политики в РК².

За прошедшие годы РК, в которой еще в 1945 г. было всего 16 тыс. студентов³ и 29 высших учебных заведений⁴, достигла заметных результатов в развитии системы высшего образования. Согласно исследованиям аналитической группы Всемирного экономического форума РК занимает 25-е место в мире по индексу «Высшее образование и профессиональная подготовка» по состоянию на 2017 г.⁵ По данным QS World University Ratings за 2017 г., 4 южнокорейских университета входят в первую сотню лучших университетов мира⁶. Опыт Республики Корея в области интернационализации высшего образования представляет собой большой интерес для нашей страны, поскольку в настоящее время

Мозоль Татьяна Сергеевна, PhD in Education, доцент Московского государственного лингвистического университета. E-mail: yoondanhee@gmail.com.

в процессе перехода к инновационной модели экономики особое значение для России обретает модернизация и интернационализация национальной системы образования⁷.

Интернационализация стала одним из стратегических приоритетов в рамках национальной образовательной политики во многих странах с учетом ожидаемой выгоды от интернационализации как в экономической, так и в политической, социокультурной и научной сферах. В настоящее время интернационализация — это своего рода зонтичный термин, «который включает в себя разные аспекты, компоненты, подходы и виды деятельности»⁸. В настоящей работе интернационализация будет пониматься в широком ее значении как «осознанные усилия к интеграции и слиянию международных, межкультурных и глобальных аспектов в идеалы и цели высшего образования»⁹.

Политика интернационализации высшего образования в эпоху авторитаризма

Первые отчетливые шаги в области интернационализации высшего образования после возникновения Республики Корея можно отметить при президенте Пак Чон Хи (1963–1979). Правительственная стипендиальная программа для иностранцев начала действовать с 1967 г. с приглашения 6 иностранных студентов для обучения в Корее, которые впоследствии должны были стать «послами» Кореи во всем мире¹⁰. Экономический рост и успешная реализация государственных экономических планов обусловили необходимость подготовки квалифицированных кадров. В связи с этим с 1977 г. начала действовать правительственная стипендиальная программа для корейских студентов, выезжающих для обучения за рубежом. Основной целью программы стала подготовка специалистов в приоритетных для государства отраслях, главным образом в области технических и естественных наук.

При президенте Чон Ду Хване (1980–1988) в 1982 г. Министерство образования провозгласило основной целью высшего образования провозгласило «подготовку независимых, талантливых отечественных кадров, необходимых для построения нового общества демократии, благосостояния и справедливости». При этом одним из направлений политики была провозглашена реализация «образования, соответствующего эпохе глобализации», однако конкретного комплекса мер не было предложено¹¹.

Позднее, в 1985 г. был создан Совет по вопросам образовательной реформы (1985–1987), который в 1987 г. опубликовал Комплексный план реформирования образования, обозначивший основные направления интернационализации: 1) распространение знаний о Корее в мире, 2) развитие регионоведения и международного научного обмена, 3) обучение соотечественников, проживающих за рубежом. В Плате также идет речь о подготовке к эпохе глобализации, однако не представляется конкретных мер для повышения открытости образовательной системы, напротив, в этот период усиливается контроль за выезжающими за границу¹².

При президенте Ро Дэ У (1988–1993) в 1989 г. был образован Консультативный комитет по вопросам образовательной политики. Однако среди вопросов, рассмотренных Комитетом, не было вопросов, связанных с интернационализацией. Тем не менее в 1989 г. было снято ограничение на заграничные поездки. Данный шаг способствовал увеличению студенческого и профессорского обмена, заключению соглашений о сотрудничестве, но при этом интернационализация не была главным приоритетом для правительства и учебных заведений. Также следует отметить вступление РК в 1989 г. в АТЭС, что позволило расширить сотрудничество со странами-членами в области образования и культуры и способствовало привлечению иностранных студентов, а также развитию корееведения за рубежом.

Вместе с этим в 1991 г. создается Корейский фонд, деятельность которого направлена на повышение престижа Кореи за рубежом и развитие международного обмена,

а в 1992 г. начинает работу Национальный институт международного образования, курирующий вопросы студенческого обмена.

Ким Ён Сам (1993–1998): курс на глобализацию

Курс на глобализацию во всех сферах был провозглашен на государственном уровне с приходом к власти первого гражданского президента Ким Ён Сама. Ни одно государство не связывало свою судьбу с глобализацией в столь решительной официальной манере, как Республика Корея при президенте Ким Ён Саме, который считал путь глобализации наиболее подходящим для превращения страны в передовое развитое государство¹³. В связи с этим система высшего образования Республики Корея пошла путем активной интернационализации под руководством государства.

При президенте Ким Ён Саме был создан Комитет по вопросам реформирования высшего образования (1994–1998), одним из важнейших достижений которого в области интернационализации стало принятие 31 мая 1995 г. Первого проекта реформирования образования для создания новой образовательной системы эпохи глобализации и информатизации. Данный проект стал ответом на создание ВТО и вступление в силу Генерального соглашения по тарифам и торговле, которое в значительной степени подтолкнуло РК к открытию внутренних рынков, в том числе и рынка образовательных услуг.

Проект содержал ряд мер, направленных на поддержание конкурентоспособности страны в рамках усиливающейся мировой конкуренции. Одной из основных задач в области вузовского образования стала «интернационализация университетского образования», предусматривающая подготовку специалистов в области международных отношений, привлечение иностранных студентов в корейские университеты, открытие филиалов корейских университетов за рубежом, акцентирование самобытности корейской культуры через различные образовательные программы¹⁴. Комитет по вопросам реформирования высшего образования реализовал значительную часть проекта, ставшего важнейшим документом в области интернационализации высшего образования в РК.

В декабре 1996 г., практически одновременно со вступлением страны в ОЭСР, Министерством образования РК принимается Базовый план открытия высшего образования, также ставший одним из важных шагов на пути интернационализации высшего образования. В результате принятия данного документа с 1997 г. корейские университеты получили право реализовывать учебные программы совместно с иностранными университетами.

Правительство уделяло значительное внимание повышению статуса страны в мире, улучшению ее имиджа. В связи с этим усиливается деятельность Корейского фонда: увеличивается количество программ и стипендий, активно издается литература о Корее. Другим важным шагом становится вступление РК в члены ОЭСР в 1996 г. Стремясь стать достойным членом организации, правительство РК старалось соответствовать ее рекомендациям, в т. ч. в области высшего образования: индекс SCI, количество курсов на английском языке, количество иностранных студентов стали важными критериями в оценке деятельности университетов и их финансирования.

Политика интернационализации Ким Ён Сама не принесла значительных результатов главным образом по причине экономического кризиса¹⁵. Несмотря на это можно сказать, что именно в данный период закладываются основные направления политики интернационализации и создается законодательная база в данной области, формируется понимание важности интернационализации высшего образования.

Ким Дэ Чжун (1998–2003): переход к экономике знаний и борьба с экономическим кризисом

Несмотря на отсутствие значимых результатов образовательной политики Ким Ён Сама, правительство Ким Дэ Чжуна продолжило его политику в области интернационализации. Более того, в рамках борьбы с экономическим кризисом интернационализация стала рассматриваться в качестве одного из способов преодоления экономических трудностей за счет прибыли от привлечения иностранных студентов и удерживания корейских студентов от поступления в иностранные вузы. Вместе с тем экономический кризис подтолкнул РК к реструктуризации национальной экономики, что обусловило переход от индустриальной экономики к экономике знаний.

В целях подготовки квалифицированных кадров в соответствии с требованиями эпохи экономики знаний правительство Ким Дэ Чжуна направило свои усилия на развитие науки и технологий. В 1999 г. была запущена первая фаза проекта Brain Korea 21 (BK 21) сроком на 7 лет, ставшего правительственной инициативой по обеспечению финансирования научных исследований с целью создания в стране национальных исследовательских университетов мирового уровня.

Бюджет первой фазы проекта составил 1,4 млрд долл. В страну стали приглашаться ведущие зарубежные ученые, значительную финансовую поддержку получили магистранты, аспиранты и молодые ученые. Возросла конкуренция между университетами, улучшились условия для осуществления научной деятельности молодых исследователей за счет расширения финансирования, удалось повысить до уровня мировых стандартов, предъявляемые к научным работам, что в итоге положительно сказалось на результатах научной и учебной деятельности университетов. После первой фазы проекта количество публикаций в международных рецензируемых журналах (SCI) выросло в два раза, а корейский индекс научного цитирования поднялся с 16-го места до 14-го¹⁶.

Кроме того, при президенте Ким Дэ Чжуне проводится курс на привлечение в страну иностранных университетов через открытие рынка услуг в сфере высшего образования. В основном плане работы Министерства образования РК за 1998 г. говорится о стимулировании открытия международных магистратур и аспирантур, увеличении количества иностранных профессоров в корейских университетах, создании эффективной системы обучения корейских студентов за рубежом и привлечении иностранных студентов. В законодательство вносятся поправки, позволяющие принимать иностранцев на работу в государственные университеты (1999 г.) и в государственные школы (2002 г.) В 2002 г. Министерство образования и человеческих ресурсов РК обнародует планы по привлечению в страну лучших аспирантских программ иностранных университетов, совместной реализации учебных программ с иностранными университетами, в связи с чем частично или полностью снимаются ограничения по совместной реализации учебного процесса, а также разрешаются программы с двойной (dual-degree) и совместной (joint-degree) степенью¹⁷.

Кроме того, для популяризации корейского высшего образования среди иностранцев в 2001 г. Министерством образования и человеческих ресурсов принимается Комплексный план по увеличению количества иностранных студентов, целью которого становится привлечение 50 тыс. иностранных студентов к 2010 г. (для сравнения в 2000 г. в РК обучалось 6160 студентов)¹⁸ для улучшения платежного баланса в сфере образовательных услуг, повышения уровня конкурентоспособности корейского высшего образования и в конечном итоге превращения РК из страны — импортера образовательных услуг в страну-экспортера. Для этого в плане предлагалась активная популяризация корейского высшего образования посредством участия в международных образовательных ярмарках, создание специального сайта об обучении в РК (Study Korea), поддержка университетам по строительству и расширению студенческих общежитий, упрощение процедуры получения въездной визы для студентов и пр. Данные меры можно рассмат-

ривать в качестве первых шагов на уровне правительства для привлечения иностранных студентов в корейские университеты и создания сектора образовательных услуг для иностранцев. Реализация данного плана дала результаты: количество иностранных студентов увеличилось на 44,5% (с 11 646 человек в 2001 г. до 16 832 человек в 2004 г.)¹⁹

Президент Но Му Хён (2003–2008): политика неолиберализма

При Но Му Хёне реформирование образования базировалось на принципах неолиберализма, которые были реализованы в форме стимулирования конкуренции внутри и между образовательными институтами, осуществления финансирования по результатам работы, укрепления связей между академическими и промышленными кругами, стимулирования слияний и поглощений между образовательными организациями, а также в форме предоставления статуса юридического лица национальным университетам и создания специализированных аспирантур. Экономические глобализационные процессы, основанные на принципах неолиберализма, продолжали набирать силу под влиянием ГАТС и переговоров о свободной торговле. Несмотря на то, что правительство Но Му Хёна не достигло больших результатов в области повышения открытости корейского образования через переговоры с ВТО и переговоры о свободной торговле, оно продолжило курс политики открытости, приступив к активному привлечению иностранных образовательных институтов в Корею. В мае 2005 г. принимается Специальный закон о создании и работе иностранных образовательных организаций в свободных экономических зонах и на о. Чечжу, предоставивший иностранным образовательным организациям налоговые и финансовые преференции, а также упростивший процедуру открытия иностранных университетов²⁰. Конечной целью открытия внутреннего рынка образовательных услуг становится превращение страны в образовательный центр всей Северо-Восточной Азии, а использование человеческих ресурсов рассматривается как одна из основных стратегий укрепления экономики знаний.

В 2006 г. запускается вторая фаза проекта Brain Korea 21 (2006–2012). Первая фаза была ориентирована на достижения на уровне университетов, в то время как вторая — на успехи на уровне факультетов посредством специализации по различным отраслям знаний за счет концентрации ресурсов в определенной области научного знания. Кроме того, в ходе реализации второй фазы еще больший акцент делался на усилении связей науки и промышленности²¹.

Бюджет второй фазы составил 1,75 млрд долл. За время реализации проекта увеличилось количество публикаций в журналах SCI на 15,7% среди профессоров, на 38,1% среди молодых исследователей, на 62,8% среди аспирантов и магистрантов²².

В 2004 г. принимается решение о запуске проекта Study Korea Project, который явился продолжением принятого в 2001 г. при Ким Дэ Чжунне Комплексного плана по привлечению иностранных студентов. Данный проект можно рассматривать в качестве основной ступени реализации политики по привлечению иностранных студентов в РК и превращению страны в образовательный центр Северо-Восточной Азии. Проект был направлен на формирование имиджа страны, благоприятной для получения высшего образования, а также укрепления конкурентоспособности корейского образования.

В начале XXI века Япония, Австралия, Великобритания и другие развитые страны в целях увеличения собственного влияния в сфере интеллектуальной деятельности и развития образования перешли к агрессивной политике по привлечению студентов из Юго-Восточной Азии и Китая. В ответ на это в РК был принят данный проект, основной целью которого стало превращение РК в интеллектуальный образовательный центр в Северо-Восточной Азии за счет активного использования притока человеческих ресурсов, а также активной популяризации РК в мире. Планировалось увеличение количества студентов до 50 тыс. человек к 2010 году. Данный план был ориентирован и на повышение качественных показателей (инфраструктура, реклама обучения в Корее, международ-

ные контакты, условия обучения и жизни иностранных студентов, распространение корейского языка и культуры в мире, эффективная административная поддержка)²³.

Цель проекта была достигнута досрочно: уже в 2007 г. количество иностранных студентов достигло 49270 человек²⁴, в связи с чем в 2008 г. была поставлена новая цель по привлечению к 2012 г. 100 тыс. иностранных студентов. Вместе с этим в 2007 г. принимается Стратегический план интернационализации высшего образования, вследствие чего усиливается тенденция перехода к обучению на английском языке. В рамках Study Korea Project правительство также начинает финансировать университеты, предлагающие учебные курсы на английском языке.

Таким образом, развитие человеческих ресурсов является одним из приоритетов в РК, при этом развитие студенческой мобильности рассматривается как: 1) источник получения дохода, при котором иностранные студенты, полностью оплачивающие свое обучение, представляют собой компенсацию утечки мозгов и демографических проблем, 2) миграция квалифицированной рабочей силы, в рамках которого различные стипендиальные программы используются для привлечения талантливых студентов, способных в дальнейшем внести вклад в повышение конкурентоспособности высшего образования и научных исследований.

Президент Ли Мён Бак (2008–2013): приоритет научных исследований и национального брендинга

Научные разработки стали национальным приоритетом при администрации Ли Мён Бака. Сектор научных разработок получил от правительства в 2008 г. 10,5 млрд долл., что больше предыдущего года на 13,3%, и в дальнейшем финансирование постоянно росло²⁵.

Правительство Ли Мён Бака поставило перед собой цель догнать лидеров мирового рынка образовательных услуг, запустив новый проект World Class University Project (2008–2012). Для проекта было выделено почти 778 млн долл. С целью повышения качества НИР в 33 отобранных университетах были приглашены 342 иностранных ученых, включая 9 нобелевских лауреатов, для повышения престижа корейского высшего образования. Вместе с этим благодаря проекту в корейских университетах было создано 23 новых факультета и 11 новых специальностей, открыто 1076 новых лекционных курсов (из них 79,6% на английском языке)²⁶. Одновременно с этим проект должен был оказать поддержку новым перспективным отраслям, необходимым для дальнейшего развития страны. В ходе реализации проекта исследовательские группы-участники опубликовали 5736 научных работ в журналах SCI с 2008 по 2011 г.²⁷ В результате реализации проектов BK21 и WCU количество корейских университетов, входящих в 200 лучших университетов мира в рейтинге QS, выросло с 2 университетов (2002) до 6 (2012)²⁸.

Вместе с этим для улучшения имиджа РК в мире в 2009 г. при президенте создается Совет по вопросам национального брендинга с ежегодным бюджетом в размере около 7,5 млрд долл. В целях повышения популярности и распространения корейского языка и корейской культуры в мире в 2012 г. создается Фонд института короля Седжона, поскольку повышение популярности корейской культуры и языка в мире в конечном итоге способствует улучшению имиджа всей страны и росту привлекательности обучения в Корее.

При президенте Ли Мён Баке делается акцент не только на количественные показатели, но и качество работы с иностранными студентами. Так, в 2011 г. вводится План по усовершенствованию системы привлечения и работы с иностранными студентами. Реализация установок на повышение качества работы с иностранными студентами находит отражение в принятом в 2012 г. Study Korea Project 2020, целью которого стало привлечение 200 тыс. студентов к 2020 г.

В 2012 г. для вузов вводится система аттестации их компетентности в вопросах привлечения и работы с иностранными студентами. Однако по состоянию на 2016 г. только 25% университетов прошли аттестацию.

Правительство и университеты преследуют разные цели в вопросе привлечения иностранных студентов. Правительство стремится решить структурные проблемы образования (уменьшение количества учащихся и трудоспособного населения, нехватка кадров в области технических наук, дефицит платежного баланса в области образования), в конечном итоге преследуя цель повышения конкурентоспособности государства и системы высшего образования в целом, тогда как ведущие столичные университеты в первую очередь стремятся улучшить свои рейтинги, а региональные — главным образом свое финансовое положение. В случае прохождения государственной аккредитации и выполнения предписаний правительства университеты получают финансирование, а также возможность привлечения иностранных студентов сверх лимитов, что дает им источник дополнительной прибыли²⁹.

Президент Пак Кын Хе (2013–2016): коммерциализация высшего образования

До 2011 г. в РК отмечался устойчивый рост количества иностранных студентов, затем их количество начало снижаться. В июле 2015 г. принимается Проект по увеличению количества иностранных студентов, предусматривающий рост количества иностранных студентов в с 85 тыс. человек (2014 г.) до 200 тыс. человек к 2023 г. Таким образом, данный проект продлил на 3 года проект Study Korea 2020. Новый проект предусматривает развитие системы работы с иностранными студентами на местах, содействие региональным университетам, создание системы поддержки и трудоустройства иностранных студентов и пр.

Принятие данного проекта во многом связано с проходящей в Корее реструктуризацией университетов, направленной на сокращение не востребуемых факультетов. В целях восполнения сокращенных мест и, соответственно, прибыли правительство планировало привлекать больше иностранных студентов. В связи с этим особое внимание уделялось региональным университетам, которые испытывают наибольшие сложности, обусловленные в числе прочего сокращением количества китайских студентов, которые в связи с улучшением своего финансового положения стали чаще выбирать для обучения Европу и США³⁰. После принятия Проекта по увеличению иностранных студентов их количество снова начало расти.

Однако существует ряд проблем. В частности, низкий уровень языковой подготовки студентов. В соответствии с требованиями системы сертификации компетентности в вопросах интернационализации образования (ранее: компетентность в вопросах привлечения и работы с иностранными студентами) минимум 30% иностранных студентов должно обладать должной языковой подготовкой. Однако 45,6% университетов (бакалавриат) не соответствует уровню в 30%, среди них 19,8% не имеют ни одного студента, отвечающего требованиям языковой квалификации. Еще хуже обстоят дела в аспирантуре и магистратуре: в 90,1% университетов количество студентов, владеющих языками на должном уровне, меньше 30%. Более того, 43,2% аспирантур и магистратур не имеют ни одного студента, отвечающим требованиям языковой подготовки.

Причина этого кроется в стремлении увеличивать количество иностранных студентов любой ценой. В 2014 г. в рамках реализации мер по активизации инвестиций было принято решение понизить уровень владения со среднего уровня (3 уровень TOPIK) до начального (2 уровень TOPIK). При этом студент должен до окончания повысить свой уровень владения корейским языком до среднего 4 уровня TOPIK. Более того, к программам магистратуры и аспирантуры не применяется аттестация компе-

тентности в интернационализации образования, в результате чего на эти программы поступают студенты с низким уровнем языковой подготовки. Вместе с тем для иностранных студентов была снижена плата за обучение. 82,5% из 126 университетов, прошедших аккредитацию в области интернационализации образования, берут с иностранных студентов меньшую оплату по сравнению с корейскими студентами, что вызывает недовольство со стороны корейских студентов.

В 2015 г. в целях увеличения количества иностранных студентов и повышения конкурентоспособности региональных университетов правительство Пак Кын Хе учредило отдельную квоту для иностранных студентов — стипендиатов корейского правительства, поступающих в региональные университеты. Однако данные меры не дали заметных результатов в течение последующих трех лет.

Снижение вступительных требований и платы за обучение для иностранных студентов создает имидж корейскому высшему образованию как месту торговли дешевыми учеными степенями³¹.

При президенте Пак Кын Хе был продолжен проект ВК (2013–2020), который получил название ВК Plus. Основные задачи ВК Plus (Program for Leading University & Students) в целом совпадают с ВК (формирование исследовательских университетов мирового уровня, поддержка магистрантов и аспирантов, увеличение публикаций в журналах SCI, повышение качества университетского образования).

Одним из последних важных шагов правительства Пак Кын Хе стало принятие на Сессии по активизации инвестиций при президенте в феврале 2017 г. пакета мер по активизации продвижения корейских университетов на иностранные образовательные рынки за счет открытия заграничных кампусов корейских университетов, а также признания оценок иностранных университетов корейскими университетами.

В настоящее время корейские университеты могут открывать филиалы своих университетов за рубежом. Закон о частном образовании запрещает перевод денежных средств на баланс других организаций. Филиалы учебных заведений за рубежом являются юридически независимыми, поэтому перевод средств от корейских университетов на счета филиалов за рубежом запрещен. Однако заграничный кампус, представляющий собой подразделение корейского университета, не подпадает под эти запреты. Несмотря на положительный эффект снижения стоимости языковых стажировок и обучения за рубежом для корейских студентов, отток средств от оплаты обучения корейскими студентами на организацию учебного процесса в заграничных кампусах может оказывать негативный эффект. Данный проект правительства может в итоге подстегнуть коррупцию в корейских университетах, спровоцировав вывод средств за границу в условиях недостаточного контроля за средствами, переводимыми за рубеж.

Другое предложение правительства по признанию оценок иностранных университетов также не лишено недостатков. В соответствии с законодательством для получения степени в корейском университете необходимо получить больше половины оценок в Корее, поэтому, как отмечается в правительстве, становится невозможным экспорт образовательных программ корейских университетов и присвоение степени корейского университета по учебным программам 1+3 (1 год в Корее и 3 года за рубежом), что в целом затрудняет выход корейских университетов на мировые рынки. В связи с этим правительство предложило расширить списки иностранных университетов, оценки которых будут учитываться при присвоении степеней корейских вузов. Однако это может вызвать еще больший отток корейских студентов за рубеж на фоне проблем трудоустройства в стране. Кроме того, подобные нововведения могут понизить престиж корейских степеней и подтолкнуть к торговле степенями³².

От начала правления президента Пак Чон Хи до окончания правления президента Ро Дэ У уровень интернационализации высшего образования РК оставался на крайне низком уровне, что можно объяснить невысоким уровнем экономического развития и ограни-

чениями на выезд за границу. Первые шаги в крайне ограниченной форме были сделаны при президенте Пак Чон Хи, запустившем правительственную стипендиальную программу для иностранных студентов и талантливых корейских студентов, направляемых государством за границу. При президенте Чон Ду Хване все усилия в области интернационализации в большинстве своем оставались на бумаге в виде планов и проектов, а создание реальной базы для интернационализации было осуществлено при президенте Ро Дэ У.

Политика интернационализации Ким Ён Сама, провозгласившего курс на глобализацию во всех сферах, не принесла значительных результатов в связи с экономическим кризисом. Несмотря на это именно в данный период закладываются основные направления политики интернационализации, создается законодательная база в данной области, а также формируется понимание важности интернационализации высшего образования. При президенте Ким Дэ Чжуне начинают приниматься основные шаги к реализации политики интернационализации, курс на которую был провозглашен при Ким Ён Саме. Политика при Ким Дэ Чжуне более действенна и, как следствие, достигаются первые осязаемые результаты (запуск проекта ВК 21, внесение поправок в законодательство для открытия иностранных университетов в Корею и пр.). При Но Му Хёне реализуются основные меры по привлечению иностранных студентов в РК, намечается тенденция к переходу на обучение на английском языке, реализуется вторая фаза ВК 21. В образовательной политике все большее значение приобретают принципы неолиберализма. При президенте Ли Мён Баке делается массовый разворот в сторону научно-исследовательских разработок и увеличения количества публикаций в журналах SCI. Принимается ряд мер для улучшения международного имиджа страны, обращается внимание на улучшение качественных показателей, а не только количественных (в частности в работе с иностранными студентами). При президенте Пак Кын Хе все большее значение приобретают экономические аспекты интернационализации: на фоне реструктуризации высшего образования привлечение иностранных студентов становится средством восполнения сокращающихся мест, делается акцент на продвижении корейских вузов на мировые рынки как источник дополнительной прибыли. Экономические причины в интернационализации высшего образования РК всегда были одними из ключевых, однако при Пак Кын Хе темпы маркетинга услуг в сфере высшего образования еще больше ускоряются.

В настоящее время интернационализация высшего образования в Корею переходит в новую стадию. На данном этапе процесс интернационализации должен строиться не только на экономической выгоде, но включать в себя и другие виды мотивации. В связи с этим представляет интерес, станут ли более значимыми в РК академическая и социокультурная составляющие интернационализации высшего образования. Кроме того, действующему корейскому правительству для повышения качества и престижа корейского высшего образования в мире необходимо уделить большее внимание не количественным показателям, а качественному улучшению показателей интернационализационного процесса.

1. *Mye J.* Soft power and Higher Education. Harvard University, 2005. P. 14.
2. Из выступления Мозоль Т.С. «Мягкая сила высшего образования Республики Корея: успехи и задачи на пути интернационализации» на 5-й международной научной конференции молодых востоковедов 16.11.2017.
3. Институт высшего образования. URL: <http://khei-khei.tistory.com/585>
4. Институт высшего образования. URL: <http://khei-khei.tistory.com/579?category=332560>
5. World Economic Forum. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/The-GlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>
6. QS World University Rankings. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>

7. *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 86.
8. *Hans de Wit, Hunter F., Howard L., Egron-Polak E.* Internationalization of higher education. European parliament. 2015. P. 45.
9. NAFFSA's role in comprehensive internationalization. Final Report of the Task Force on Internationalization February 29, 2008. NAFFSA: Association of international educators. P. 3.
10. Министерство образования Республики Корея. URL: <http://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=294&boardSeq=70447&lev=0&searchType=null&statusYN=W&page=1&s=moe&m=0503&opType=N>
11. *Ким Чэ Сон.* Хангук кёюккэхёк чоньчхэкэ инёмчжок сонькёк: [Идеологический характер политики образовательных реформ в Республике Корея] // Хангуккёюксахак. № 24(2). 2002. С. 60.
12. *Ли Кён Сук.* Кодынькёюк кукчехва чолляк чиндан мит кэсонпанбан: [Анализ стратегий интернационализации высшего образования и предложения по их усовершенствованию]. Хангук тэхаккёюк ёнгусо. 2007. С. 9–10.
13. *Kim S.* Korea and Globalization: A Framework of Analysis. In *Korea's Globalization* / Ed. Kim S. Cambridge University Press. 2000. P. 2.
14. Presidential Commission on Education Reform (PCER). White papers: Educational reform. Seoul: PCER. 1997. P. 33.
15. *Kim Y.E., Choi S.* Korea's Internationalization of Higher Education: Process, Challenge and Strategy /Ed. by D. W. Chapman, W. K. Cummings, G. A. Postiglione. *Crossing Borders in East Asian Higher Education*. Springer. P. 212.
16. Отчет Министерства образования, науки и технологий от 10 сентября 2008. URL: https://www.gist.ac.kr/kr/html/sub07/070102.html?mode=D&no=176756&file_id=42263
17. *Ли Кён Сук.* 2007. С. 11–12.
18. Комплексный план по увеличению привлечения иностранных студентов 2001. URL: http://info.invil.org/Storage/info2/health/20040702004934_bbs1_7-24-2002-02-21-2.hwp
19. *Ким Ми Хи.* Чоллапукто чунгукюкасэн ючи хватэриль вихан чоньчхэчжок чивон панбан: [Предложения по мерам поддержки в целях увеличения количества студентов из Китая]. Чончжу: Институт развития провинция Северная Чолла. 2012. С. 11.
20. *Ли Кён Сук.* 2007. С. 13.
21. *Seong S., Popper S. W., Goldman C. A., Evan D. K.* Brain Korea 21 Phase II: A new evaluation model. Pittsburgh: Rand Education. 2008. P. 3–4.
22. Тэхак синмун. URL: <http://www.snunews.com/news/articleView.html?idxno=12006>
23. *Ким Ми Хи.* 2012. С. 11–12.
24. Министерство образования, науки и технологий. Отчет «Стратегии интернационализации высшего образования» от 2012 г. URL: <http://www.moe.go.kr/boardCnts/fileDown.do?m=0501&s=moe&fileSeq=e5a9ffdac05ead4b3d42d302f1317012>
25. *Kim T.* Higher Education Reforms in South Korea: Towards Ethnocentric Internationalization or Global Commercialization of Higher Education. Paper Presented at Bristol CEAS & SRHE Seminar Presentation, June 4. University of Bristol. 2010. P. 15.
26. *Ю Хён Сук.* Сэге сужунэ ёнгучуньчимтэхак юксонь саобэ соквава квачжэ: [Успехи и задачи проекта World Class University] // Пхочжисён пхэипхо. 2012. № 9 (20–18). Хангукёнгукэбальвон. С. 3, 5, 7.
27. *Квон Ки Сок.* Сэге сужунэ ёнгучуньчимтэхак юксонь саобэ соквава квачжэ: [Успехи и задачи проекта World Class University] // Пхочжисён пхэипхо. 2011. № 8 (24–20). Хангукёнгукэбальвон. С. 4–5.
28. Министерство образования РК. План проекта BK Plus. URL: <http://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=337&boardSeq=44462&lev=0&searchType=S&statusYN=C&page=1&s=moe&m=030308&opType=>
29. Хангук Ильбо. URL: <http://www.hankookilbo.com/v/59909d65351e4d008c8daced9d71a81e>
30. Институт университетского образования. URL: <http://khei-khei.tistory.com/1504>
31. Институт университетского образования. URL: <http://khei-khei.tistory.com/2168>
32. Институт университетского образования. URL: <http://khei-khei.tistory.com/search/>

Научная жизнь

«Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК» Ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

14 и 16 марта 2018 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов (ЦПИП) ИДВ РАН «Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК», в работе которой приняли участие более 40 ученых ИДВ и других академических институтов, специалисты российских аналитических центров, преподаватели и аспиранты российских и китайских вузов и представители СМИ. К обсуждению были представлены 27 докладов, посвященных теоретическим и практическим аспектам внутренней и внешней политики КНР.

В первый день работы конференции ее участники заслушали и обсудили доклады тематического блока «Внутренняя политика».

Конференция открылась докладом д.и.н., г.н.с. ЦИПРКО ИДВ РАН проф. Ю.М. Галеновича «КПК после XIX съезда. Китай и остальное человечество», в котором рассматривались практические шаги китайской компартии в реализации ее глобальной стратегии. В докладе были проанализированы цели, повестка дня и значение первого в истории международного форума «Диалог на высоком уровне между КПК и политическими партиями мира», проходившего вскоре после съезда. В докладе отмечалось, что «КПК переходит от пассивной к активной политике, стремится распространять свое присутствие в политической жизни всех стран, где это возможно». Подчеркивалась важность изучения «вероятных перспектив осуществления КПК ее глобальной стратегии, в частности применительно к вопросу об отношениях Китая и остального человечества».

Д.э.н., г.н.с. ЦЭСИК ИДВ РАН, академик РАЕН проф. Э.П. Пивоварова в докладе «Социализм с китайской спецификой в новую эпоху» сделала главный акцент на определении отношений «новой эпохи» и «начальной стадии социализма». По мнению докладчика, добавление к «социализму с китайской спецификой» термина «в новую эпоху» не меняет сущности выдвинутой Дэн Сяопином концепции, а характеризует лишь качество нового этапа развития, которого достигла страна за почти 40 лет реформы. Э.П. Пивоварова отметила, что «проблема неравномерности и неполноты развития уже стала главным фактором, ограничивающим удовлетворение растущих потребностей народа в благополучной жизни». При этом она подчеркнула, что «изменение основного противоречия китайского общества не означает изменения оценки того, на каком историческом этапе находится китайский социализм». В докладе Си Цзиньпина подтверждалось, что Китай по-прежнему находится и еще долгое время будет находиться на начальной стадии социализма.

Д.э.н., г.н.с. ЦПИП **Л.И. Кондрашова** выступила с докладом «Китай на пороге широкомасштабной политической реформы», в котором охарактеризовала значимость XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва (5–20 марта 2018 г.) как «третью революцию», имеющую «кардинальные последствия для всего общественного устройства». По оценкам Л.И. Кондрашовой, Китай приступает к политической реформе, в результате которой «многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильную централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне». В докладе отмечалось, что «это троевластие... строится по принципу не разделения, а дополнения властей, призванному обеспечить сочетание централизации с децентрализацией, стабильность власти с широкой инициативой на местах».

Д.полит.н., руководитель ЦПИП **А.В. Виноградов** в докладе «Теория строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи» остановился на двух моментах. Во-первых, он подчеркнул, что «главным итогом XIX съезда КПК стало изменение основного противоречия социализма с классического — «противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями народа и отсталым общественным производством» на новое: «противоречие между неполнотой и неравномерностью развития и стремлением народа к лучшей жизни». Второй момент касался проблемы реформирования политической системы. Как отметил докладчик, «решения XIX съезда, последующих трех пленумов ЦК и мартовской сессии ВСНП 13-го созыва свидетельствуют о начале глубоких изменений в отношениях партии и государства, которые будут составлять основное содержание предстоящего этапа развития КНР».

В рамках дискуссии с развернутым комментарием выступил д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН проф. **В.Я. Портяков**. Он обратил внимание на то, что в принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва Решении об углублении реформы партийных и государственных структур «нет ни слова о реформе экономики». Комментируя поднятую в ходе обсуждения проблему преемственности поколений китайских руководителей в политике, В.Я. Портяков подчеркнул, что Си Цзиньпин четко следует главному из «четырех основных принципов» Дэн Сяопина — принципу «руководящей роли компартии». Происходящие в настоящий момент изменения в политической жизни КНР (дальнейшая концентрация власти в руках Си Цзиньпина, усиление партийного контроля над всеми сферами жизни китайского общества), по мнению Портякова, не дают оснований ожидать шагов в сторону либерализации политической системы.

К.ю.н., в.н.с. ЦПИП **В.Ф. Бородич** посвятил свое выступление анализу модели государственной власти в новую эпоху. Он обратил внимание на то, что модель государственной власти определена в докладе Си Цзиньпина как «единство двух аспектов»: укрепление единого централизованного партийного руководства, с одной стороны, и поддержка институтов государственной власти и комитетов НПКСК в исполнении их функций — с другой. В соответствии с такой моделью «институту правящей компартии определено нести ответственность не только за партийное руководство всей системой управления государством, но и отвечать за эффективное осуществление государственного управления».

М.н.с. ЦПИП **А.А. Семенов** проанализировал трансформацию политической системы КНР. Он отметил, что успех КНР как «авторитарной политической модели, не демократической, но меритократической и эффективной с точки зрения государственного управления, во многом был обусловлен традицией коллективного руководства и регулярной ротацией власти». Новая поправка в конституцию КНР, отменяющая ограничение пребывания на посту Председателя КНР двумя сроками, позволяет Си Цзиньпину остаться на этом посту на третий срок и дольше. Основными причинами внесения изменений в конституцию, по мнению А.А. Семенова, являются «необходимость продолжения борьбы с коррупцией и продвижение реформ».

Большой интерес участников заседания вызвали доклады, предлагающие новый подход к трактовке идейно-теоретических концепций, реализуемых в политике. Д.и.н., г.н.с. ЦИПРКО, проф. РАН А.В. Ломанов в докладе «Политические концепции Си Цзиньпина в контексте китайской традиции» отметил, что «использование им концепций традиционной китайской культуры указывает на поиск новых идеологических ориентиров в политике». Справедливость данного тезиса была доказана посредством анализа процитированной в докладе фразы из древнего конфуцианского канона «Записи о ритуале» («Ли цзи»): «Когда шли по великому пути-дао. Поднебесная принадлежала всем». В соответствии с предложенной А.В. Ломановым трактовкой данной цитаты «обращение китайского руководства к утопическим образам “великого единения” (*датун*) связано с внутренними целями развития и потому может быть сопоставлено с провозглашением в начальный период реформ во времена Дэн Сяопина задачи строительства “малого благосостояния” (*сяо кан*). Различие состоит в том, что современные трактовки китайской традиции “великого единения” обращены также к внешнему миру и служат историческим обоснованием новой цели создания “сообщества судьбы человечества”».

Аспирант ИСАА МГУ, преподаватель МГЛУ И.И. Грузинов проанализировал развитие концепции «китайской мечты» до и после XIX съезда КПК. Он отметил, что до включения «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой нового этапа» в перечень руководящих принципов, прописанных в Общей программе Устава КПК, концепция «китайской мечты» многими исследователями трактовалась как «концепция управления». После XIX съезда, на взгляд И.И. Грузинова, положение «китайской мечты» изменилось, «стало явным ее изначальное назначение — и мы должны рассматривать ее по-другому, а именно как опорный элемент идеологической платформы КПК». В докладе делается вывод о том, что «концепция “китайской мечты о возрождении китайской нации” по-прежнему важна как совокупность управленческих принципов, целей и задач реформ. “Китайская мечта” становится необходимым фоном проведения практически всех реформ в стране, предполагает построение успешного во всех смыслах государства, а также значима как объединяющий КПК и китайский народ фактор».

К.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории МО РУДН Е.В. Журавлёва в своем выступлении проанализировала основные этапы формирования политической карьеры Ван Хунина, становление его теоретических взглядов и их отражение в современной внешней политике КНР. Докладчик охарактеризовала Ван Хунина как интеллектуально суверенную личность, отметив, что концепции, которые разрабатывал главный партийный теоретик в период его карьеры в Центре политических исследований ЦК КПК, — не «социальный заказ», в них отражены идеи и взгляды, которые ученый излагал в своих статьях и книгах до прихода в «большую политику».

С.п.с. ЦПИП Ю.Ю. Перепёлкин выступил с сообщением на тему «Военная реформа как ключевой элемент политики Си Цзиньпина». Как отметил докладчик, «именно в этой сфере государственного управления был предпринят ряд шагов, направленных на усиление контроля партии над армией». В результате масштабной реформы в конце 2015 — начале 2016 г. была кардинальным образом трансформирована система управления ВС КНР. Знаковой переменной стало упразднение Генерального штаба, Главного политического управления, Главного управления тыла и Главного управления вооружений, на месте которых были созданы 15 новых структур, непосредственно подчиненных Центральному военному совету КНР во главе с Си Цзиньпином. О продолжении усилий, направленных на концентрацию рычагов военной власти в руках лидера страны, свидетельствуют, по мнению докладчика, сокращение числа членов ЦВС, а также решение передать с 1 января 2018 г. войска Китайской народной вооруженной полиции в его исключительное подчинение.

К.и.н., докторант Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли (КНР) Е.В. Лютик рассмотрела существующие тенденции и нововведения

в кадровой политике до и после XIX съезда КПК. Как отмечалось в докладе, «главными принципами кадровой политики КПК в XXI веке стали борьба с коррупцией, реформирование системы подготовки кадров и повышение эффективности бюрократического аппарата, что нашло отражение в изменениях партийной организации, правовой базы и привело к усилению работы правоохранительных и партийных дисциплинарных структур».

К.и.н., научный сотрудник ЦПИП Л.А. Афонина выступила с докладом на тему «Система партийной пропаганды в Китае», в котором рассматривала роль официальной пропаганды в политическом устройстве КНР. Докладчик охарактеризовала архитектуру системы партийной пропаганды, проанализировала структуру, главные направления деятельности, состав руководящего аппарата пропагандистских органов и характер взаимосвязей между ними.

С.н.с. ЦПИП Н.Ю. Демидо охарактеризовала меры контроля в КНР над контентом литературных сайтов, публикующих сетевую художественную литературу. В выступлении отмечалось, что как альтернатива литературы «мэйнстрима» она оказывает все более заметное влияние на массового читателя. Как и вся информация в Сети, контент сайтов, публикующих сетевую литературу, подвергается цензуре и самоцензуре, их деятельность строго проверяется в ходе регулярных кампаний по «борьбе с порнографией и пиратской продукцией». Помимо нормативно-правовых актов, регулирующих публикационную деятельность в Сети, издаются циркуляры ограничительного и рекомендательного характера. Одним из таких циркуляров стали обнародованные ГУППРКТ летом 2017 г. Временные правила оценки общественной полезности деятельности организаций, предоставляющих услуги по публикации и распространению сетевой художественной литературы. Инициированная властями оценка общественной полезности, по мнению докладчика, является новым инструментом опосредованного идеологического давления на авторов и читателей сетевой литературы.

М.н.с. ЦПИП Ю.А. Грачева проинформировала о главных тенденциях в образовательной политике национальных меньшинств Юго-Западного Китая. В докладе обращалось внимание на неоднородную ситуацию в развитии образования в провинциях Гуйчжоу, Юньнань и Сычуань, характеризующуюся огромным разрывом между уровнем общего среднего образования малочисленных народов пограничных административных единиц и провинциальных центров. В качестве основных направлений образовательной политики были выделены: «повышение общей грамотности представителей национальных меньшинств разных возрастов в пограничных территориях и труднодоступных районах; распространение основных ценностей социализма и китайской традиционной культуры через систему общего среднего образования в районах проживания национальных меньшинств, воспитание национальных кадров в сфере образования; развитие двуязычного образования; сохранение живых обычаев и традиций национальных меньшинств».

На утреннем заседании во второй день конференции ее участники заслушали и обсудили доклады тематического блока «Внешняя политика». Содержание выступлений выявило приоритетное внимание к изменению роли КНР в системе международных отношений и геополитическим целям Китая в контексте инициативы «Экономический пояс Шелкового пути».

С.н.с. ЦИПРКО ИДВ РАН А.Ч. Мокрецкий посвятил свой доклад и презентацию анализу «Китайской дипломатии в эпоху Си Цзиньпина». Он отметил, что «одной из характерных особенностей новой эпохи становится активная дипломатия, готовая убедить международное сообщество и мир в растущем могуществе КНР». «Дипломатия могущественной державы» определяется в докладе Си Цзиньпина как «всеветровая, многоуровневая и объемная». По мнению Мокрецкого, «гипертрофированный рост “всеветровых” амбиций Китая вызывает желание Пекина защищать полученное и “зариться” на ранее недоступное. Строя собственный миропорядок через систему международных отношений нового типа и сообщества единой судьбы человечества,

КНР претворяет в жизнь “дипломатические идеи Си Цзиньпина”, считающего “мировое развитие своей конкретной задачей”».

К.филол.н., с.н.с. РИСИ Е.Н. Румянцев сосредоточил внимание на проблеме, связанной с внешнеполитической пропагандой международного значения XIX съезда КПК, 100-летия ВОСР и форума политических партий мира в Пекине. Докладчик обратил внимание на утверждения официальных представителей Пекина о том, что в мире «дается высокая оценка внутренней и внешней политике Китая», «идеям Си Цзиньпина о китайском самобытном социализме новой эпохи», говорится об их «мировом значении», делается вывод о «возрастающей с каждым днем направляющей роли» КПК в мировом сообществе. Пропагандируется также тезис о «высокой оценке в мире международного авторитета генерального секретаря Си Цзиньпина как вождя КПК» и «имеющего глобальное влияние вождя мирового уровня», и о признании «политического преимущества» Китая, заключающегося в том, что КПК «руководит всем». По мнению докладчика, России следует четко сформулировать свое мнение по этим вопросам, исходя из национальных интересов страны.

К.и.н., в.н.с. ЦИПРКО А.О. Виноградов в своем выступлении обратил внимание на проблему оценки современного состояния российско-китайских отношений. Он подчеркнул, что Китай является ведущим партнером России как в экономической, так и в политической области, но при этом позиции двух сторон по конкретным вопросам не всегда или не полностью совпадают, например, относительно путей и способов «сопряжения» проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» (ОПОП). Существуют также различия в трактовке определенных исторических событий. По мнению докладчика, «отсутствие практики серьезного, беспристрастного обсуждения вопросов Китая в российском медийном пространстве, «приукрашивание» российско-китайских отношений мешают видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения».

К.ю.н., в.н.с. Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС В.И. Балакин выступил с докладом «Евразийская интеграция как новый феномен континентального геополитического развития китайской государственности». Он отметил, что усиление геополитической роли Китая «вполне способно привести к кардинальным изменениям не только в Азии и Европе, но и фактически сломать сложившуюся систему доминирования США во всем мире». Докладчик полагает, что «Китай уже принял для себя решение по последовательному жесткому выдавливанию американского присутствия из Евразии, используя в названных целях сокращение программ помощи со стороны Вашингтона странам, не имеющим на сегодняшний день какой-либо значимости с точки зрения нынешних геополитических приоритетов США». Важным фактором является позиция России, которая в современном китайско-американском геополитическом противостоянии пока только формируется и, видимо, будет формулироваться достаточно постепенно в зависимости от реальной динамики взаимоотношений между КНР и США.

Аспирант ИДВ РАН М.С. Семерков посвятил выступление анализу проблемных аспектов российско-китайского взаимодействия в контексте реализации проектов Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». Обращалось внимание на непростой характер диалога по вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭШП. Китай активно продвигает свои экономические интересы в государствах — партнерах РФ по ЕАЭС, используя, в том числе, идеологический и культурный факторы, что создает вызовы для геостратегических интересов России в ЦА. В рамках этой проблематики были рассмотрены состояние и перспективы транспортно-логистических проектов и электроэнергетического сотрудничества Китая со странами ЕАЭС.

К.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН Н.А. Замараева в докладе «XIX съезд КПК и китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК): перспективы и вызовы» подробно осветила цели и основные направления сотрудничества Пекина и Исламабада в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В выступлении отмечалось,

что «КПЭК является составной частью экономической стратегии Китая». Докладчик напомнила, что «в 2015 г. Пакистан был включен в ОПОП в рамках проекта китайско-пакистанского экономического коридора. Основная цель — выход западных провинций Китая и Синьцзян-Уйгурского автономного района через территорию Пакистана на рынки стран Персидского залива, Северной Африки и Западной Европы». Исламабад заинтересован в масштабных китайских инвестициях в проекты инфраструктурного строительства, стимулирующих экономическое развитие страны. В то же время, по оценкам докладчика, одним из серьезных вызовов для Пакистана в процессе сопряжения КПЭК и ОПОП является опасность экономической экспансии со стороны Китая.

Завершающее заседание «Законодательство и право КНР» было посвящено актуальной проблематике юридической науки и практики Китая и сравнительного правоведения.

К.ю.н., заведующая Отделом восточноазиатских правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **Н.М. Бевеликова** представила доклад на тему «Новые модели интеграции (доктрина Шелкового пути)». Она отметила, что «в ходе последовательной реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» продолжает накапливаться уникальный опыт, анализ которого в сравнительно-правовом измерении позволяет существенно обогатить представление об экономических закономерностях трансасиатских и европейских интеграционных процессов и правовых возможностях управления ими». По мнению докладчика, «анализируя доктрину Шелкового пути (включающую проекты «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века», «Полярный Шелковый путь»), следует рассматривать возможность многовариантности интеграционного взаимодействия в мире».

К.ю.н., в.н.с. ЦПИП **П.В. Трошинский** в докладе «Особенности конституционно-правового развития Китая в новую эпоху» исследовал основные направления эволюции конституционного законодательства КНР, уделив пристальное внимание конституционным поправкам, принятым на мартовской сессии ВСНП 13-го созыва. Наиболее подробно были рассмотрены внесение в Преамбулу Конституции «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», отмена временных ограничений на занятие поста Председателя КНР и его заместителя, включение в государственную структуру новых органов власти — Контрольных комитетов. В докладе также был проанализирован конституционно-правовой статус нового государственного органа с чрезвычайно широкими полномочиями — Государственного контрольного комитета, — деятельность которого будет регулировать новый Закон КНР «О контроле».

Обсуждение конституционных поправок получило продолжение в докладе к.ю.н., старшего преподавателя кафедры конституционного права МГИМО МИД РФ **О.О. Базиной** «Конституционно-правовой статус Председателя КНР в новую эпоху». В нем подчеркивалось, что «изменения Конституции — это реальный конституционный способ решить вопросы, вытекающие из внутренней жизни Китая», а не «революционные действия», которые «производит узкий состав приближенных Си Цзиньпина». По мнению докладчика, поправка, отменяющая временные ограничения пребывания на посту Председателя КНР, «не означает, что он может занимать этот пост пожизненно». Аргументируя свою точку зрения, Базиная указала на имеющийся у Китая «опыт успешной передачи власти от одного поколения к другому» и на специфику китайского государственного строительства, согласно которому традиционно «главой страны является генеральный секретарь КПК, а статья 36 Устава партии запрещает пожизненно занимать любые партийные должности».

К.ю.н., с.н.с. Отдела методологии противодействия коррупции Центра финансовой безопасности и противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **В.В. Севальнев** посвятил свой доклад исследованию новаций в противодействии коррупции в КНР и их применимости для Российской Федерации. Докладчик проанализировал общие моменты и различия в применяемых в КНР и Рос-

сни подходах в сфере противодействия коррупции. По мнению В.В. Севальнева, «в правовой системе КНР пока не существует подобной отечественному праву стройной правовой антикоррупционной базы, в частности отсутствует закон о противодействии коррупции. В правоприменительной практике КНР допускаются анонимные сообщения о коррупции, а орган, получивший такую информацию, вправе оценить ее содержание, проверить через другие источники и принять обоснованное решение, что в отечественной практике не реализуется». Несмотря на имеющиеся различия, В.В. Севальнев полагает, что для России представляет интерес положительный опыт КНР «в дискурсе верховенства права и неотвратимости наказания в отношении коррупционеров».

Инспектор по особым поручениям Управления организации подготовки кадров Департамента государственной службы и кадров МВД России В.К. Захарова проинформировала о применении современных технологий в правоохранительной деятельности органов общественной безопасности и Народной прокуратуры КНР. Докладчик отметила стремительные темпы информатизации полиции и прокуратур, активную разработку законодательства, закрепляющего порядок и способы совершения процессуальных действий в электронном виде. Особое внимание докладчик уделила анализу деятельности сайтов и мобильных платформ органов общественной безопасности и Народной прокуратуры КНР, позволяющих принимать и регистрировать сообщения граждан о преступлениях через Интернет. В докладе обращалось внимание на использование интернет-технологий на стадии возбуждения уголовного дела, на применение мессенджера WeChat при реализации принципов открытости и гласности правосудия, а также при подаче запроса или ходатайства участниками уголовного процесса в Народную прокуратуру.

Аспирант Китайского института пограничных и морских исследований Уханьского университета Оу Кайфэй (КНР) выступил с сообщением на тему «Глобальное управление и Арктика: новый взгляд из Китая». Он отметил, что «Китай, как одно из континентальных государств, наиболее близко расположенных к Северному полярному кругу, рассматривает арктическое управление как важную составляющую глобального управления. В рамках реализации решений XIX съезда КПК Китай поддерживает принцип глобального управления через "совместные консультации, совместное строительство и совместное использование Арктики"». В докладе также обращалось внимание на то, что Китай участвует в процессе обсуждения важных вопросов арктической повестки дня в Арктическом Совете, где он имеет статус государства-наблюдателя, активизирует сотрудничество в Арктике в двустороннем и многостороннем форматах. Значительная роль в расширении участия Китая в арктическом управлении отводится проекту «Полярный Шелковый путь».

Два дня работы конференции были наполнены содержательными научными сообщениями, активными дискуссиями и острой полемикой. Участники особо выделили доклад Е.В. Журавлёвой, отметив интересную постановку проблемы и многоплановый, аналитический подход к исследованию взаимосвязи теоретических воззрений и политической карьеры Ван Хунина.

Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН

Ежегодная научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, прошедшая в стенах Института в апреле 2018 г. по теме «**Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК**», привлекла внимание не только специалистов-китаеведов, но и широкого круга политологов, экономистов, историков. В ней приняло участие более 50 ученых и специалистов ИДВ РАН, научно-исследовательских институтов и вузов Москвы и ряда регионов России. К обсуждению было представлено более тридцати докладов, сгруппированных по двум секциям: «**Общие проблемы социально-экономического развития КНР**» и «**Отраслевые и региональные проблемы КНР**».

На первой из них, состоявшейся 5 апреля, с докладом выступил заместитель директора ИДВ РАН, руководитель ЦСЭИК, д.э.н., профессор *А.В. Островский*, акцентировавший внимание участников конференции на следующем:

XIX съезд Коммунистической партии Китая подвел итоги развития страны в экономическом и политическом плане. Перед КНР стоит немало проблем как стратегического, так и тактического характера, решение которых легло на плечи КПК, ставшей с момента образования КНР руководящей и направляющей силой китайского общества. Китайский народ встретил XIX съезд КПК огромными успехами, подвел итоги 40-летию проводимых в стране экономических реформ. В сравнении с другими странами китайская экономика уверенно движется вперед, ее рост поддерживается в рациональном диапазоне. Объем ВВП в 2017 г. достиг 82,7 трлн юаней, увеличившись на 6,9%, что соответствует ожиданиям. Финансовая политика стала более активной и эффективной: регулировалась и оптимизировалась структура финансовых расходов, эффективно обеспечивались затраты на реализацию важнейших проектов и на улучшение народного благосостояния. Доходы обычного государственного бюджета по всей стране в 2017 г. составили 17,26 трлн юаней, увеличившись на 7,4%. Финансовый дефицит составил 2,38 трлн юаней, что соответствует бюджетному показателю. Сохранялась уравновешенная нейтральная монетарная политика, поддерживалась в основном стабильная ликвидность. Совокупный объем финансирования реального сектора экономики и объем кредитов стабильно и умеренно росли. Применялись такие меры дифференцированной политики, как целевое снижение процентов отчислений в резервный фонд по депозитам, перекредитование в сфере поддержки сельского хозяйства, села, крестьянства, малых и микропредприятий, а также в сфере ликвидации бедности. Нарастивалась динамика финансовой поддержки ключевых отраслей и слабых звеньев. К концу декабря 2017 г. денежный агрегат M2 вырос на 8,2%, а портфель финансирования реального сектора экономики — на 12%. Заметно повысилась эффективность предприятий, прибыль превышающих установленный масштаб промышленных предприятий достигла 7,52 трлн юаней в год, увеличившись на 21%, темпы роста по сравнению с 2016 г. выросли на 12,5 проц. пунктов. В городах и поселках в 2017 г. трудоустроенное население составило 13,51 млн человек, причем к концу года коэффициент зарегистрированной безработицы населения составил там 3,9%.

Среднедушевые доходы населения в масштабах всей страны достигли 25 974 юаней (реальный рост: 7,3%, что на 0,4 проц. пункта выше темпов роста ВВП). Доходы сельского населения продолжали опережать их рост у горожан. Ускорился процесс регулирования структуры сельского хозяйства. Общий объем зернопроизводства достиг 618 млн т. Активно разворачивалось строительство функциональных зон производства зерна, охраняемых районов производства основных видов сельхозпродукции и лидирующих зон выращивания специфических сельхозпродуктов. Продолжали разворачиваться пилотные проекты по охране и возделыванию черноземных почв, связанные с введением системы севооборота и паровой системы земледелия, а также проекты по восстановлению почв, загрязненных тяжелыми металлами.

Планомерно проводилась реформа системы сельской коллективной собственности. Усилились меры по экономии энергоресурсов, защите экологии и охране окружающей среды, новые успехи достигнуты в «зеленом» развитии. Удельная энергоемкость ВВП и объем выбросов двуоксида углерода на единицу ВВП снизились соответственно на 3,7% и 5,1%, расход воды на каждые 10 тыс. юаней ВВП снизился на 5,6%, намечавшиеся годовые показатели выполнены, улучшалась система социального обеспечения. Ключевые сдвиги произошли в планировании на высшем уровне системы пенсионного страхования. В 2018 г. ожидаемый рост ВВП запланирован в размере примерно 6,5%, что отвечает целям удвоения ВВП к 2020 г. по сравнению с 2010 г., благоприятствуя стабилизации и ориентированию рыночных ожиданий.

Главный научный сотрудник ИДВ РАН, д.э.н., профессор, академик РАН *Э.П. Пивоварова* в докладе «XIX съезд о стратегии социально-экономического развития КНР» отметила, что XIX съезд КПК открыл очередную страницу в современной китайской истории, «главное содержание которой определено как необходимость решения задач, намеченных к двум великим юбилеям: столетию КПК в 2021 г. и столетию КНР в 2049 г. КПК, разрабатывая стратегический план социалистической модернизации Китая, наметила “трехшаговую” стратегическую цель. Поскольку задачи первых двух шагов были досрочно выполнены (население обеспечено питанием и одеждой, жизнь народа в целом поднялась до уровня среднего достатка), партия поставила перед собой цель построить к столетнему юбилею КПК среднезажиточное общество, в котором жизнь народа поднимется на более высокий уровень, а затем, следующими неустанными тридцатилетними усилиями — к столетию КНР — превратить Китай в модернизированное социалистическое государство. На съезде Си Цзиньпин подчеркнул, что на основе комплексной оценки международной и внутренней обстановки, а также с учетом условий развития Китая разработан двухэтапный план, рассчитанный на период с 2020 г. до середины нынешнего века.

Гордясь успехами, достигнутыми за годы реформы, нынешние руководители КНР в то же время отдают себе трезвый отчет в том, что в предстоящей работе «все еще существует множество недостатков», и страна «находится перед лицом немалых трудностей и вызовов».

В докладе «Подъем деревни — новая стратегия XIX съезда КПК» главный научный сотрудник ИДВ РАН, д.э.н. *Л.Д. Бони* проанализировала пути реализации и систему политики поддержки государством новой аграрной стратегии, указав, что основные направления модернизации сельского хозяйства и деревни в Китае включают экономику, экологию, культуру, политику, благосостояние населения как единый комплекс общественного производства и жизни всей аграрной сферы.

Большой интерес вызвал доклад г.н.с., д.э.н. *Л.И. Кондрашовой* «Феномен власти собственности в Китае: исторический и современный ракурс».

К.ю.н., в.н.с. ИДВ РАН *В.И. Балакин* выступил с сообщением «Перспектива китайского юаня в качестве резервной валюты для Евразии». Статус китайского юаня сегодня обсуждается международными экспертами достаточно широко, чему в немалой сте-

пени способствует стремление Пекина активно использовать во взаимной торговле национальные валюты, — подчеркнул докладчик. Страны БРИКС, страны ШОС, Иран, Турция, как и другие развивающиеся экономики, достаточно внимательно присматриваются к юаню, ибо явно стремятся понизить свою зависимость от доллара США в международных расчетах. Эту набирающую силу тенденцию уловили власти КНР и, опираясь на решения XIX съезда КПК, взяли курс на расширение выдачи кредитов в юанях, получая выплаты по кредитам поставками необходимых Китаю ресурсов.

В докладе в.н.с. ИДВ РАН, к.э.н. *Р.А. Варфаловской*, посвященном внешнеторговой политике КНР, было отмечено: «Согласно таможенной статистике КНР, в период 2010–2017 гг. внешнеторговый оборот Китая вырос в 1,4 раза: с 2974 до 4105 млрд долл. В последние годы на страны, лежащие вдоль Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП-21), приходится более 1/4 внешнеторгового оборота КНР. Это связано с тем, что, несмотря на политические угрозы со стороны США, политическую нестабильность в районе Ближнего и Среднего Востока, экономические и финансовые риски этих стран, ЭПШП и МШП-21 создают для КНР новые потенциальные возможности. Эта инициатива КНР, создав транспортный коридор, стратегически укрепит в перспективе отношения с данной группой стран, повысит их долю в структуре китайского внешнеторгового оборота. В 2017 г. во внешнеторговом обороте КНР доля США и РФ составили соответственно 14,2% и 2,1%».

В.н.с.ИДВ РАН, к.э.н. *З.А. Мурамцева* в сообщении «Индустриализация нового типа в материалах XIX съезда КПК» проанализировала предпринятые с 1980-х годов шаги по реформированию финансовой сферы госпредприятий, которые составляют основу «современной системы предприятий».

Г.н.с. ИДВ РАН, д.э.н. *Л.В. Новоселова* в докладе «Новые координаты развития китайской экономики» подчеркнула: «Ныне Китай находится на ответственном этапе своей истории. Исчерпание прежней экономической модели сопровождается затуханием инерции сверхбыстрого социально-экономического развития. Отсюда необходимость коренного пересмотра приоритетов и смены драйверов экономического развития, выдвижения новых социальных перспектив. Первые шаги КНР по структурной перестройке экономики и стабилизации ее роста в новых условиях, свидетельствуют о весьма квалифицированной работе правительства в качестве институционального кризис-менеджера. Все это позволяет китайскому обществу с обоснованным оптимизмом смотреть в будущее».

Вызвал интерес аудитории доклад в.н.с., к.э.н. *М.В. Александровой* «Регионы КНР и их роль в торговле с Россией». Докладчик подчеркнула: «Региональное торгово-экономическое сотрудничество России и Китая в начале XXI века стало неотъемлемой частью внешнеэкономической деятельности наших стран. Последние 20 лет были непростыми в российско-китайском межрегиональном взаимодействии, что полностью соответствовало процессам социально-политического развития в обеих странах». В докладе осуществлен анализ товарной структуры экспорта и импорта отдельных регионов КНР с РФ, в том числе северо-восточных и восточных провинций. Докладчик представил типологию китайских провинций и автономных районов по степени вовлеченности в российско-китайское торговое взаимодействие. Показана роль торговли с Россией во внешней торговле регионов КНР.

Т.Г. Терентьева, научный сотрудник ИДВ РАН, осветила тему «Политика открытости внешнему миру как одно важнейших направлений дальнейшего развития», подчеркнув, что в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде неоднократно говорилось о необходимости продолжать государственную политику реформ и открытости с целью дальнейшего прогресса в развитии экономики, а одним из важных направлений открытости является реализация стратегии «выход за рубеж». Ныне Китай занимает лидирующие позиции по вывозу капитала, что в значительной мере способствует модернизации его экономики.

Д.э.н., с.н.с. экономического факультета МГУ им. Ломоносова *Т.Н. Юдина* в сообщении «Реиндустриализация промышленной базы Северо-Восточного Китая в контексте XIX съезда КПК» проанализировала современное состояние добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности трех провинций — Хэйлуцзяна, Цзилиня и Ляонина, включая промышленные объекты, построенные СССР. В конце 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) в промышленности этих провинций, отметила она, наблюдалась тенденция отставания от современного мирового тренда ре- и неоиндустриализации. «Программа возрождения экономики Северо-Востока КНР в 13-й пятилетке» правительства КНР и XIX съезд КПК стали импульсом к институционально-экономическому развитию индустриального сектора этих провинций. Были определены направления реструктуризации их индустрии (включая решение проблем избыточных производственных мощностей, развитие производства промышленного оборудования высокого качества, рост новых стратегических отраслей промышленности в контексте цифровизации и мегапроекта «Один пояс, один путь»).

К.полит.н., в.н.с. ИДВ РАН *П.Б. Каменнов* сообщением «Военно-гражданская интеграция в КНР. Комплекс (ВПК) Китая в экономическом строительстве» открыл 6 апреля вторую секцию конференции «Отраслевые и региональные проблемы КНР». На XIX съезде КПК было уделено большое внимание вопросу участия ВПК в экономическом строительстве, имеющему важнейшее значение для развития страны, отметил докладчик. В разделе доклада Си Цзиньпина, посвященном армейскому строительству, указано на необходимость твердо стоять на позиции единства наращивания экономического и военного потенциала страны, на основе научно-технических достижений и инноваций сформировать архитектуру углубленной военно-гражданской интеграции и создать интегрированную государственную стратегическую систему с соответствующим потенциалом.

Руководство работой в данной сфере в государственном масштабе, отметил П.Б. Каменнов, возложено на Центральную комиссию по военно-гражданской интеграции, которую возглавляет председатель КНР Си Цзиньпин, являющийся одновременно председателем Центрального военного совета (ЦВС) КНР и председателем Военного совета ЦК КПК.

В докладе и презентации к.э.н., ученого секретаря ИДВ РАН *А.В. Афонасьевой* «Экономическое присутствие Китая в странах — участницах Морского Шелкового пути XXI века» рассмотрена экономическая деятельность в районах КНР, через которые должен пройти Морской Шелковый путь XXI века (МШП-21), с акцентом на деятельность китайцев-эмигрантов.

В.н.с., д.э.н. *О.Н. Борох* в докладе «Идеология экономических преобразований после XIX съезда КПК» отметила, что на съезде произошло заметное обновление концепции реформ в контексте вхождения страны в «новую эпоху» развития. Решения XIX съезда обобщили и вывели на новый уровень идеи, вошедшие в политику китайских реформ после прихода к власти Си Цзиньпина. Рассмотрены ключевые аспекты этих новшеств. Основное внимание уделено публикациям ведущих китайских экономистов, принявших участие в обсуждении документов съезда.

В сообщении и презентации к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН *В.В. Чуванковой* «XIX съезд КПК о росте благосостояния населения в Китае» рассмотрена тема малого и среднего бизнеса. По мнению докладчика, большое внимание съезд сосредоточил на проблемах реализации задачи окончательного построения общества среднего достатка для всего многомиллионного народа Китая к 2021 г. — 100-летию юбилею КПК. Период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) назван решающим в этом процессе.

Признавая недостаточно быстрый рост материального благосостояния населения страны, наличие имущественной дифференциации общества, большого разрыва в доходах между бедными и богатыми, городом и деревней, китайское руководство намерено в ближайшие три года приложить максимум усилий для оптимизации механизма распре-

деления доходов, увеличения удельного веса оплаты труда при первичном распределении средств, регулярно повышать нормы прожиточного минимума, минимальные размеры зарплаты работающих, пособий и дотаций для льготных категорий граждан, базовые пенсии для пенсионеров. Более быстрыми темпами добиваться повышения уровня жизни граждан за счет роста доходов у лиц со средним и низким уровнем достатка, ликвидации нищеты, расширять источники доходов.

Поддержка среднего, малого и микро-предпринимательства стала приоритетным направлением экономической политики государства в этот период, поскольку именно эти сектора обеспечивают расширение рамок трудоустройства, увеличение доходов и благосостояния граждан, решение проблем, связанных с нарастающим имущественной дифференциации общества и социальной напряженности.

Докладчиком прослежена динамика роста среднедушевых доходов и зарплаты городского и сельского населения во втором десятилетии XXI века на фоне увеличения имущественного расслоения общества, показаны результаты борьбы с бедностью и процесс формирования среднего класса в КНР.

К.э.н., с.н.с. ИДВ РАН *Н.Н. Коледенкова* отметила в докладе о китайском машиностроении, что стратегической целью Китая в XXI веке является задача модернизация экономики. Для ее решения предполагается создание производственной системы, направленной на формирование государства инновационного типа. Особое значение придается обрабатывающей промышленности, машиностроению. Им принадлежит решающая роль, они определяют уровень развития не только промышленности, но всей экономики в целом».

По итогам двух дней заседаний можно сделать вывод о том, что работа конференции оказалась насыщенной и продуктивной. Выступления продемонстрировали высокий научный уровень и широту тематики. Следует при этом отметить наличие особого внимания научного сообщества к новейшим тенденциям социально-экономического развития КНР. Многие доклады вызвали большой интерес аудитории, о чем свидетельствовали многочисленные вопросы и оживленные дискуссии.

Закрывая конференцию, проф. *А.В. Островский*, подчеркнул, что в годы 13-й пятилетки предполагается сохранить высокие темпы инвестирования экономики для стабилизации темпов роста и регулирования структуры. К 2020 г. Китай должен удвоить валовой и подушевой показатели ВВП по сравнению с 2010 г. Поставлена цель — к 2020 г. построить общество «сяокан» (малого благоденствия), до 2035 г. должна быть осуществлена полная социалистическая модернизация, а к 2050 г. Китай выйдет на первое место в мире по всем экономическим и социальным показателям. Основная задача — **построение общества «малого благоденствия»**. Достижение этой цели подразумевает значительное повышение жизненного уровня населения во всех регионах страны без исключения на основе быстрого развития экономики, что означает переход КНР от статуса развивающейся страны к статусу страны экономически развитой.

По-настоящему серьезными долгосрочными рисками являются три проблемы Китая — народонаселение, нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды, обострение которых может ввергнуть страну в серьезный экономический, а затем и политический кризис. Только при условии последовательного их решения можно обеспечить экономическую стабильность и выполнение поставленных грандиозных задач.

Диалог китайской и русской культур

Международная конференция, март 2018 г.,
Сычуаньский университет, г. Чэнду

В 2014 г. по инициативе директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко и ректора Сычуаньского университета (г. Чэнду) академика Се Хэпина был создан международный Центр изучения русской и китайской культур. Деятельность Центра направлена на осуществление совместно разработанной синологической научно-образовательной программы. В нее входят проведение совместных фундаментальных исследований, перевод классической литературы на русский и китайский языки, написание учебников и учебных пособий для университетов, колледжей и институтов Конфуция, организация и участие в международных китаеведческих форумах. Одним из значимых этапов ознакомления россиян с китайской культурой явилось издание первой в истории отечественной синологии шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая», получившей Государственную премию РФ. В создании энциклопедии участвовали и сотрудники будущего Центра. В настоящее время в Сычуаньском университете под руководством выдающихся ученых Лю Ядина и Ли Чжицяна и при поддержке Министерства культуры КНР успешно завершается перевод энциклопедии на китайский язык.

Открытие новых научных направлений специалистами Центра сочетается с углублением синологической методологии, обеспечивающей научное сопровождение диалога русской и китайской культур. Принципиально важным является продиктованное самим содержанием изучения китайской и русской культур изменение понятий «синология» (*хань сюэ*) и «синолог» (*хань сюэ цзя*). Этническое понятие *хань* (ханец, китаец) в обоих понятиях заменяется на социологическое понятие *чжун* (середина, из исконного названия Китая *Чжун го* — Срединное государство). Вместе с тем в понятии «синология» к понятию *чжун* прибавляется понятие *э* (Россия, Русь). В результате понятие «синология» вместо *хань сюэ* озвучивается как *чжун э сюэ* (учение о Китае и России), понятие «синолог» — как *чжун э сюэ цзя* (специалист, изучающий Китай и Россию), а понятие «учение о культурах Китая и России» звучит как *чжун э вэнь хуа сюэ*.

Такое изменение понятий имеет принципиальное значение.

Во-первых, синология, ранее запечатленная в понятии *хань сюэ*, не может быть односторонней, то есть без сопряжения китайской культуры с другой национальной культурой. Иначе в синологии воцаряется произвол и анархия, что наблюдается и сейчас: каждый «интернациональный» и «бескультурный» («без своей культуры») синолог волен говорить о китайской культуре все, что угодно.

Во-вторых, китайская культура — единственная на нашей планете, в полном объеме структуры и функций сохранившая вселенско-космический архетип (*бэнь юань*). Он играет роль ключа пробуждения других национальных культур и дает код их самоидентификации. По своему вселенско-космическому статусу китайская культура не является только национальной. Ее космический архетип модифицируется в каждой культуре и служит принципом органического единения всех планетарных культур.

В-третьих, культуры ничего иного не делают, как только воспроизводят национальный тип человека. В результате каждая синология бинарна: в ней встречаются и сопрягаются две культуры — китайская и другая национальная (например, китайская культура Дао и русская культура Глагола) и два национальных субъекта (например, китаец и русский) на основе удвоенного вселенско-космического архетипа (например, архетипа китайского Дао и по-своему его повторяющего архетипа русского Глагола). При этом синолог тоже выступает бинарным медиумом: он на равных входит в китайскую и свою национальную культуру. Таковым первым русско-китайским медиумом у нас стал «властелин русского духа» Л.Н. Толстой.

Таким образом, собственно синология есть сопряжение китайской культуры и помещаемой напротив, другой национальной культуры, то есть каждая синология есть медиальная синология, а мировая синология — это кольцевая совокупность всех синологий с китайской культурой в центре.

Активизация деятельности Центра изучения китайской и русской культур привела к необходимости проведения международных научных конференций. По обоюдному согласию сторон ежегодно будут проводиться поочередно две конференции — одна в Сычуаньском университете (КНР, г. Чэнду), другая — в ИДВ РАН (РФ, Москва).

Первая из них прошла 27–28 марта 2018 г. в Сычуаньском университете по теме «Китайское Дао и русский Глагол: основы взаимопонимания». Наряду с Центром изучения китайской и русской культур к организации конференции подключились Институт по изучению народной культуры и Центр по изучению современной России (г. Чэнду). Эти учебные и научные организации представляли известные ученые: с китайской стороны профессора Ли Чжицян, Лю Ядин, Фу Цилинь, Чжан Хун, Шу Даган, Пэн Банбэнь, с российской стороны — лауреат Государственной премии РФ проф. А.Е. Лукьянов, лауреаты премий Всероссийского конкурса «Вдумчиво всматриваемся в Китай», ведущие научные сотрудники ИДВ РАН В.М. Майоров и В.П. Абраменко, а также старший научный сотрудник ИДВ РАН А.Ю. Блажкина и представители российских СМИ.

С приветствием к конференции выступил проф. Фу Цилинь, проректор Института литературы и журналистики Сычуаньского университета, специалист в сфере теории литературы. Он одобрил плодотворное сотрудничество ИДВ РАН и Сычуаньского университета. Характеризуя деятельность Сычуаньского университета, проф. Фу Цилинь отметил, что гуманитарные науки в университете имеют долгую историю, при этом большое внимание уделяется изучению конфуцианства, даосизма и буддизма.

Проф. Фу Цилинь также подчеркнул, что в настоящее время перед китайскими и российскими исследователями стоит исключительно важная задача распространения китайской и русской культур. Общеизвестно, что русская и советская литература оказала большое влияние на современную китайскую литературу и философию, а русская культура и сегодня помогает решать многие проблемы современного китайского общества. Проф. Фу Цилинь выразил уверенность, что работа совместного Центра ИДВ РАН и Сычуаньского университета будет продолжаться на постоянной основе.

Руководитель Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН, проф. А.Е. Лукьянов от имени дирекции и Ученого совета ИДВ РАН приветствовал организаторов и участников конференции. Он отметил, что у Центра изучения китайской и русской культур два основных направления научного сотрудничества — распространение русской и китайской культур и их глубокое научное взаимодействие. В прамбуле доклада «Первый диалог русской и китайской культур: даосизм в мировоззрении Л.Н. Толстого» А.Е. Лукьянов рассказал о важных событиях, происшедших в последнее время в Китае и России: выборы Председателя КНР Си Цзиньпина 17 марта 2018 г. и выборы Президента РФ В.В. Путина 18 марта 2018 г. Программные заявления глав государств показывают, что сотрудничество Китая и России вышло на новый уровень, и это требует дальнейшего развития диалога между великими державами.

Открытие Центра изучения китайской и русской культур по своим возможностям отвечает запросам этой грандиозной задачи. В области синологии начинать, как заметил А.Е. Лукьянов, видимо, надо с изменения методологии изучения китайской и русской культур, или, говоря по-конфуциански, с «исправления имен». Новая методология должна опираться на архетипы китайского Дао и русского Глагола. Примером и зримым воплощением этого может служить творчество Л.Н. Толстого. Наследуя А.С. Пушкину (как «отцу»), он приоткрыл вход русской культуры в древнюю китайскую культуру, освещенную мудростью конфуцианских и даосских философов.

Проф. Ли Чжицян, проректор Института международных отношений Сычуаньского университета, приветствовал участников конференции, процитировав знаменитую фразу Конфуция: «Вот друг приехал издалека — разве не в этом радость?». Он отметил, что в настоящий момент отношения Китая и России носят не только характер всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, но представляют собой партнерство «в одной лодке» (Си Цзиньпин). Это определение верно как для высших сфер политики, так и для сотрудничества в научной сфере. Примером такого партнерства может служить наша первая совместная конференция. Взаимодействие между ИДВ РАН и Сычуаньским университетом важно еще и потому, что посредством такого взаимодействия ученые обеих стран воспитывают себе смену, обучают молодых специалистов, делятся накопленным опытом и поднимают новые научные проблемы. Проф. Ли Чжицян заметил, что в соответствии с программой нашего международного сотрудничества в октябре 2018 г. в ИДВ РАН планируется проведение второй международной научной конференции Центра изучения китайской и русской культур.

Выступление В.М. Майорова (ИДВ РАН) касалось темы конфуцианства в мировоззрении Л.Н. Толстого. Докладчик выделил три периода в процессе познания Толстым конфуцианства: 1) знакомство с китайскими учениями в 50-х годах XIX века, 2) глубокое изучение конфуцианства с 80-х годов XIX века, 3) преобразование конфуцианских идей и их «усвоение» в собственном учении с начала XX века. В.М. Майоров обратил особое внимание на постепенную жанровую эволюцию творчества Л.Н. Толстого под воздействием формы конфуцианских сочинений.

Проф. Лю Ядин (Институт литературы и журналистики и Институт изучения народной культуры Сычуаньского университета) рассказал о «Последней интерпретации Дао Лао-цзы Л.Н. Толстым». Российский ученый А.Л. Мышинский в своей статье «Лев Толстой и Лао-цзы» (2015) высказал предположение, что Дао в понимании Л.Н. Толстого — это Бог (*shan di*) или Любовь (*ai*). Однако проф. Лю Ядин не согласен с такой трактовкой. Он последовательно аргументировал свою точку зрения, полагая, что суть понимания Дао Л.Н. Толстым заключена в максиме: «Живи для духа, не для тела».

В.П. Абраменко (ИДВ РАН) в своем докладе «Философская поэзия как феномен культуры» наметил одно из новых направлений в российской синологии. Близость поэзии и философии явила такой феномен культуры, как философская поэзия — жанр письменной традиции. В основу этого жанра закладываются идеи-обобщения: соединяя микро- и макрокосмос, они выражают в художественных образах поэтическую модель мира. Имеются довольно веские основания относить, к примеру, такие древнекитайские трактаты, как «Дао дэ цзин», «Лунь юй», «Чжун юн» к философской поэзии — поэзии, вмещающей в себя и слово, и ритуал, и музыку китайского философского космоса.

Проф. Шу Даган (проректор Института истории и культурологии Сычуаньского университета) в докладе «Учение сяо как теория пересоздания общечеловеческой этики» дал подробную содержательную характеристику категории сяо (сыновняя почтительность). Предметом рассмотрения стали классические конфуцианские каноны, в частности, канон «Сяо цзин». Докладчик отметил, что смысл сяо остается актуальным и в современном мире. Именно конфуцианское учение о сяо и о благородном муже (*цзюнь цзы*), а также учение марксизма помогли Китаю добиться значительных успехов в эконо-

мике за последние годы. Проф. Шу Даган предложил российским синологам перевести «Сяо цзин» на русский язык.

Проф. Пэн Баньбэнь (сотрудник факультета истории Сычуаньского университета, заместитель председателя института Конфуция провинции Сычуань) выступил с докладом на тему «Легенда о *шаньжан* до династии Цинь и соответствующие вопросы в выкопанных источниках за последние годы». По мнению докладчика, новые материалы раскопок — это связь *истории и преданий*. Феномен *шаньжан* — принцип ненаследственной передачи верховной власти — зафиксирован в годяньских рукописях, шанхайских манускриптах и ряде других текстов. Историческое наследие *шаньжан* и его связь с пятью постоянствами у *чан* имеет не только научно-теоретическое значение, но также влияет на современную политическую обстановку и в Китае, и во всем мире.

Доклад А.Ю. Блажкиной (ИДВ РАН) был посвящен изучению годяньских рукописей в российской и зарубежной синологии. Годяньские рукописи стали новым материалом для исследования китайской философии, истории, каллиграфии и других отраслей науки. Они активно изучаются в КНР, России, Европе, США, Канаде и других странах. Годяньские рукописи представляют собой материал, в соответствии с которым ученые могут судить об эволюции конфуцианства от Кун-цзы (551–479 до н.э.) до Мэн-цзы (372–289 до н.э.)

Проф. Чи Цзиминь (декан Института иностранных языков Сычуаньского университета) в своем докладе рассказала об образе Китая в Статейном списке посольства Н.Г. Спафария — видного русского ученого, дипломата и переводчика. В 1675–1678 гг. Николай Спафарий возглавлял русское посольство в Пекин, в ходе которого он сделал ряд выводов относительно цинского общества того времени. По мнению докладчика, Н.Г. Спафарий выделил следующие характерные черты в Китае конца XVII века: уважительное отношение к традиционной культуре, недостаточный уровень системного образования, принятие китайцами всего ценного, что есть в Европе.

Проф. Чжан Хун (директор Института по изучению народной культуры Сычуаньского университета) выразил надежду, что в дальнейшем данное мероприятие будет проводиться на регулярной основе. Он также отметил, что темы докладов российских синологов касаются традиционной китайской культуры, что говорит о высокой научной квалификации российских ученых.

Проф. Чжан Цзянь (факультет истории Сычуаньского университета) выступил с докладом «Нынешняя ситуация в Северном Ледовитом океане и китайско-российское сотрудничество в проекте “Ледяной Шелковый путь”». По мнению докладчика, совместный проект России и Китая под названием «Ледяной Шелковый путь» призван способствовать объединению стратегических инициатив обеих стран и развитию всестороннего сотрудничества России и Китая в Арктике. Арктика — это место, где холодная война велась очень активно. В настоящее время Китай должен сыграть важную роль в урегулировании данного вопроса.

Проф. Чжан Юн (факультет китайского языка Сычуаньского университета) сделал сообщение на тему «Колокольчик в Амурском областном краеведческом музее». Докладчик рассказал об историческом и культурном значении памятника, который экспонируется в Амурском областном краеведческом музее и является артефактом, иллюстрирующим историю китайского буддизма.

Проф. Ми Цзюнь (Институт международных отношений Сычуаньского университета) рассказал о «Культурных традициях и трансформировании финансовой системы РФ». Свободная рыночная торговля, денежная реформа, двухуровневая финансовая система, характерные для российской экономики с 1990-х годов, по его мнению, имеют тесную взаимосвязь с русской культурной традицией (включая в себя представления о нравственности, религиозную веру и т.д.), в которой сочетаются и западные, и восточные духовные элементы.

Доклад **С.В. Майоровой** (шеф-редактор федерального канала ТВЦ) назывался «Образ Китая в телевизионной документалистике России». Первая кинохроника о Китае датируется временем Синьхайской революции (1911 г.) Второй период знакомства советского общества с китайской действительностью относится ко времени правления Мао Цзэдуна (1893–1976 гг.) Современный образ Китая в телевизионной документалистике РФ начал складываться с эпохи Дэн Сяопина (1904–1997 гг.) Образ Китая в телевизионных программах российского телевидения призван продемонстрировать ряд важных моментов: а) Китай не представляет так называемую желтую угрозу, Китай — друг и партнер России; б) трудности, которые преодолел китайский народ в последние десятилетия, сопоставимы с теми трудностями, которые испытывают люди в современной России; в) успехи Китая в экономике, политике, широкое распространение китайской культуры по всему миру — пример для России.

Цю Синь (декан факультета русского языка Сычуаньского университета) выступил с сообщением на тему «Образ города Чэнду на фоне интернационализации». Докладчик сконцентрировал внимание на тех проблемах и вызовах (в экологии, экономике, инфраструктуре, культуре), которые стоят перед административным центром провинции Сычуань, одним из главных центров новейшей урбанизации в Китае.

Доклад **Ма Вэньин** (заместитель декана факультета русского языка Сычуаньского университета) «Андрей Семенович Лебезятников и его теория в свете антропоники» был посвящен герою романа Ф.М. Достоевского. Исходя из основ антропоники (*жэнь мин сюэ*) — науки об именах, автор доклада приходит к следующим выводам: образ Лебезятникова связан с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?»; фамилия «Лебезятников» происходит от русского слова «лебезить»; Лебезятников — человек противоречий.

Ван Ицюнь (Сычуаньский университет) выступил с докладом на тему «Изучение Ф.М. Достоевского в Китае». Докладчик полагает, что изучение творчества Достоевского в Китае можно в общих чертах разделить на два периода: первый, политически ориентированный — с 1918 г. по 1950-е годы и второй — с 1991 г. по настоящее время. Ф.М. Достоевский предстает как ключ к пониманию русской души (главный тезис: «сочувствие важнее, чем справедливость»). Китайские исследователи обращают особое внимание на психологию в творчестве русского писателя.

В целом итоги конференции признаны представителями Центров и Институтов Сычуаньского университета и ИДВ РАН положительными. Ход конференции освещался в СМИ пров. Сычуань, в Интернете и информационных материалах Сычуаньского университета.

Рецензии

Хафизова К. Диалог цивилизаций на Шелковом пути (исторические сюжеты). Астана: Ғылым баспасы, 2015. 416 с.

Международная Тюркская академия (г. Астана) в 2015 г. издала серию книг по тюркологии, две из которых принадлежат перу ведущего казахстанского китаеведа Клары Шайсултановны Хафизовой.

Книга К.Ш. Хафизовой «Диалог цивилизаций на Шелковом пути (исторические сюжеты)» посвящена изучению истории взаимоотношений Китая и Центральной Азии, которые рассматриваются сквозь призму трех ключевых понятий — «Шелковый путь», «диалог» и «цивилизация». Идея Шелкового пути как торговой магистрали древности, связывавшей Китай со странами Европы через Центральную Азию, была впервые озвучена немецким ученым Фердинандом фон Рихтгофеном в 1877 г. в книге «Китай». С тех пор концепция Шелкового пути стала своеобразным методологическим подходом в изучении истории и культуры Центральной Азии, о чем свидетельствует появление обширной научной литературы, рассматривающей те или иные аспекты функционирования Великого Шелкового пути и его роли в экономических, политических и культурных отношениях между народами и странами. Необходимо отметить, что в последние десятилетия научная идея Шелкового пути приобрела политическое значение, став символом тесных торгово-экономических отношений между современными государствами в этом же географическом пространстве — от Китая до Европы. Активно идею Шелкового пути использует руководство КНР для продвижения своих экономических и политических проектов, включая проект «Один пояс, один путь».

В исследовании К.Ш. Хафизовой Шелковый путь символизирует мирное сосуществование Китая и Центральной Азии и представляет некое пространство, в котором общались народы и взаимодействовали культуры. Ключевыми понятиями, характеризующими это взаимодействие, являются понятия «цивилизация» и «диалог». Автор рассматри-

вает Китай и Центральную Азию как две цивилизации, причем под последней понимает в основном культуру кочевых народов. Относительно цивилизационного подхода к анализу исторических процессов нужно отметить, что он был довольно популярным у историков постсоветского пространства в первые годы после распада СССР, когда, отказавшись от марксистской идеологии, они искали новые методологические подходы. Сразу отметим, что понятие «цивилизация» очень многозначно и не имеет единого определения, а представление о центрально-азиатской цивилизации как о культуре только кочевников не отражает специфики всего региона Центральной Азии, в которой на всем протяжении истории очень важной, а зачастую преобладающей, была иранская культура. Именно взаимодействием оседлого и кочевого населения, ираноязычных и тюркских народов определялись исторические процессы в регионе.

Взаимодействие Китая с кочевыми народами Центральной Азии представлено в книге К.Ш. Хафизовой как «диалог», который предполагает отношения равных между собой «собеседников». В таком подходе можно видеть своеобразную деконструкцию традиционных китаецентрических представлений о мироздании и мировом порядке, согласно которым Вселенная состояла из двух неравных частей — цивилизованного Среднего государства (*кит.* Чжунго) и всей остальной периферии, населенной дикими варварами. Такое представление исключало возможность диалога между Китаем и другими странами, а предполагало строгую иерархию во взаимоотношениях между Поднебесной и остальной частью мира. Китаецентрическая модель мироустройства являлась концептуальной основой имперского Китая, о каком бы периоде его истории ни шла речь. Поднебесная империя, находившаяся в центре мироздания, управлялась императором, который был наделен благой силой *дэ*¹. С помощью этой силы он

устанавливал угодный Небу порядок в мире: все «варвары» четырех сторон света находились в подчинении китайского императора, наделенного мандатом на мировое управление самим Небом, а потому представлявшегося как «Сын Неба» (*кит.* тьянь-цзы). Миссией императора было оказание преобразующего влияния на «варваров», которые должны были быть цивилизованы под благотворным влиянием китайской культуры. Неслучайно в отношении народов Центральной Азии в китайских исторических сочинениях применялись разные варианты слова «варвар» (*ди, цян, жуи, ху* и др.), которые не могли претендовать на равный с Поднебесной империей статус.

Заслугой К.Ш. Хафизовой является то, что она собрала и проанализировала большое количество фактов из письменных источников, прежде всего китайских, и смогла показать, что, несмотря на существование китаецентрических интерпретаций взаимоотношений Китая с народами Центральной Азии, последние являлись самостоятельными и важными историческими акторами, вступавшими в диалог с китайской цивилизацией. Исторические сюжеты, раскрывающие суть диалога или «беседы» между Китаем и Центральной Азией, рассматриваются в семи главах книги, о содержании которых можно судить по их названиям: «Традиционная философия и внешняя политика Китая», «Династия Чжоу и Центральная Азия в диалоге цивилизаций», «Конь и Великий шелковый путь», «Кочевой мир в танской поэзии», «Диалог цивилизаций империи Тимура, городов и Великой степи с Центральной Азией в XIV—XV вв.», «Дипломатический церемониал кочевников», «Диалог культур Казахской степи и Восточной Азии».

Китаецентрические представления о мироздании К.Ш. Хафизова связывает с конфуцианской философией, которой противопоставляются даосские представления о Китае и соседних народах. Она полагает, что «даосы в древности относились к представителям народов Центральной Азии не только как к равным по интеллекту и знаниям, но в чем-то признавали их превосходство» (с. 32). Высказывания даосских философов используются автором для создания своего *нарратива* о диалоге цивилизаций, который иллюстрируется примерами из истории взаимосвязей маньчжурской империи Цин (1644–1912) с казахами. Частью этого нарратива являются утверждения автора об «уважении маньчжурской династии к чингизидам» (с. 48) и о популярности в Китае «мнения о том, что кочевники по сво-

ей природе любят воевать и потому их нужно остановить лишь военной рукой» (с. 69). Обсуждение философского аспекта внешней политики Китая совершенно логично завершается в книге рассказом о том, что современные китайские реформаторы развивали свои идеи, опираясь на традиционные учения конфуцианства, даосизма и легизма.

Примечательно, что все повествование об историко-культурных связях Китая с Центральной Азией с древнейших времен, хорошо известных благодаря переводам и исследованиям русских и европейских сиологов. К.Ш. Хафизовой пересматривается и осмысливается с точки зрения концепта «цивилизационного диалога», который подтверждается больше умозаключениями, чем историческими фактами. Так, говоря о том, что в эпоху правления Восточного Чжоу и Ханьской империи северные племена назывались пренебрежительными словами, означающими «варвары» (*ди, мань и сюй*), автор делает вывод, что «отсутствие пренебрежительных характеристик чужеземцев в [сочинении — А.К.] «Му тьянь-цзы чжуань» свидетельствует о понимании чжоусцами цивилизации как гармоничного сосуществования народов с разными обычаями» (с. 89). В качестве другого универсального «инструмента» диалога Китая со странами и народами вдоль Шелкового пути К.Ш. Хафизова рассматривает культ лошади, который занимал значительное место в духовной и религиозной жизни китайцев и народов Центральной Азии. Уникальность этой части исследования составляет анализ сведений о роли лошади в политике Цинской империи (с. 117–132), поскольку автор является специалистом в области казахско-цинских отношений и знатоком китайских источников эпохи Цин. Здесь К.Ш. Хафизова приводит сведения о посольствах казахского хана Абулмамбета, султанов Аблая и Абулфайза в Пекин в 1760 г., после которых была налажена поставка лошадей на рынки Синьцзяна. Торговый обмен казахских лошадей на китайский шелк иллюстрируется в книге не только данными письменных источников, но и анализом картины Дж. Кастильоне «Сто скакунов» (1743 г.), а также реконструкцией прозвищ и мастей коней, изображенных на другой картине итальянца — «Восемь скакунов» (1759 г.) (с. 125–127).

Важным периодом во взаимодействии тюркских и ираноязычных народов Центральной Азии с Китаем является эпоха Тан (618–907), которую автор совершенно логично решил осветить в отдельной главе книги. Действительно, эпоха Тан совпала с политическим мо-

гуществом государств тюрков, уйгуров и кыргызов, поддерживавших тесные экономические и военно-политические отношения с танским Китаем. Последние подробно отражены в исторических источниках и достаточно хорошо описаны в научной литературе. К.Ш. Хафизова выбрала для анализа «диалога» взаимодействие в культурной жизни, а точнее более узкий ее аспект — отражение кочевого мира в поэзии танской эпохи, которая по праву считается вершиной в развитии китайской поэзии. Она обращается к творчеству таких танских поэтов, как Бой Цзюйи (772–846), Лю Яньши (?–812), Цуй Хао (?–754), Чэнь Цзыан (661–702), Ду Му (803–853), танского императора Ли Шиминя (Тай-цзуна) и других авторов, которые писали в своих стихах о кочевниках и взаимоотношениях с ними (некоторые стихи даются в авторском переводе). Особый интерес представляют стихи Цэнь Шэня (715–770), написанные в жанре «*бяньсай ши*» («заставные пограничные песни»). Танские поэты в своих стихах затрагивали разные аспекты жизни кочевников, начиная с мирного сосуществования с китайцами на приграничных землях до военных походов и набегов в пределы Китая. Общеизвестными являются рассказы об увлечениях танских принцев кочевым образом жизни и юртой, воспетой Бо Цзюйи (с. 151–152). Обобщая тему кочевого мира в танской поэзии, К.Ш. Хафизова заключает: «Стихотворения танских поэтов рисуют в художественной форме облик просвещенного ханьца, всего китайского общества и целой эпохи, насыщенной деталями мирных и военных отношений с кочевниками. Они передают нам образы кочевников, их обычаи, нравы, кухню, одежду, верования, воинское искусство и искусство верховой езды, спортивные игры» (с. 160). Здесь следует добавить, что перу танского поэта Бо Цзюйи принадлежат также стихотворение «Дорога в горах Иньшань» (809) и «Письмо уйгурскому кагану» (808), в которых описывается торговля между танским Китаем и Уйгурским каганатом (744–840), основными предметами обмена в которой были китайский шелк и уйгурские кони. Эти эпизоды взаимоотношений между Танской империей и кочевниками, как и многие эпизоды из истории Уйгурского каганата, к сожалению, не упоминаются в книге К.Ш. Хафизовой, несмотря на то, что они изучались казахстанскими историками².

Еще одной темой, которая рассматривается в контексте «цивилизационного диалога», являются дипломатические отношения Тимура и тимуридов с китайской династией Мин в XIV—XV вв. К.Ш. Хафизова была в свое

время первым советским синологом, обратившимся к анализу писем Тимура ко двору китайского императора³. Внешняя политика минской династии, пришедшей к власти в 1368 г. в результате свержения монгольской династии Юань, и внешнеполитическая риторика, звучащая в китайских исторических сочинениях минской эпохи, представляют большой интерес для научного анализа, в связи с тем, что они были адаптированы к неблагоприятным для Поднебесной реалиям. В силу геополитических условий Минская династия была вынуждена отказать от агрессивной политики и позиционировала себя как сторонница мирного сосуществования с соседними странами. Это соответствовало главному принципу, гласившему: «когда народ может наслаждаться спокойствием и стабильностью, то общество будет процветать» (*кит. жэнь ань юй шэн с*). К.Ш. Хафизовой удалось вписать немногие свидетельства китайских источников о посольских отношениях между государством Тимура и тимуридов и Минской династией в повествование о военно-политических событиях в империи Тимура и его завоевательных походах на соседние страны. Это повествование включает рассказ о самом Тимуре, его преемнике Шахрухе, правителе Туркестана Шайхе Нуриддине, великом Улугбеке, о тюрко-монгольском характере государства Тимура, обычаях и традициях, царивших в его владениях, подготовке военного похода против Китая, обмене посланниками между двумя странами. Ценными являются таблица со сведениями о приемах посольств Тимура и тимуридов в Минской империи (с. 205–211), данные о действительных и самоназванных послах Тимура и его потомков в Китай (с. 212–214), а также анализ писем минских императоров Шахруху и Улугбеку (с. 215–216). История дипломатических отношений Тимура с минским Китаем свидетельствует не столько о «цивилизационном диалоге», сколько о противостоянии двух отдаленных друг от друга огромным расстоянием империй. В отличие от Тимура, чьи отношения с Китаем едва ли соответствуют представлениям о «диалоге цивилизаций между Центральной и Восточной Азией», как отмечает К.Ш. Хафизова, началом такого диалога стала политика его потомков — тимуридов (с. 191).

При изучении истории и культуры кочевых народов Центральной Азии исследователь неизменно сталкивается со скудостью свидетельств, оставленных самими этими народами, которые бы давали не только детальные сведения об их обществах, но и взгляд изнутри.

Это в полной мере относится к вопросу о дипломатическом церемониале кочевников, который поднимает в своей книге К.Ш. Хафизова. На основе анализа русских и китайских сведений о посольских отношениях казахов и джунгар с Российской и Цинской империями, автор восстанавливает дипломатический этикет, который соблюдали в государствах кочевников. Читатель узнает о том, как на практике осуществлялась отправка посольства в соседние страны и прием иноземных посланников в ханской ставке, о правилах гостеприимства у кочевников и организации аудиенции у верховного правителя. В связи с тем, что своды правил, формировавших обычное право в кочевом обществе, такие как «Яса» Чингиз-хана, уложения эмира Тимура, казахские «Жеты жаргы» и другие, не сохранились в письменном виде, большой интерес представляет предлагаемый автором подбор информации о международном праве, извлеченный из монгол-ойратского уложения 1640 г. «Их цааз» («Великое уложение») (с. 249–151).

При обсуждении дипломатической практики цинского Китая едва ли можно избежать вопроса о характере «данныческих отношений»: согласно концепции мироустроительной функции китайского императора, порядок во Вселенной обеспечивался тем, что все народы должны были регулярно присылать своих посланников к китайскому императору с подношениями дани в виде местных продуктов (*кит. гун*). Император в ответ одаривал послов подношениями, а при необходимости и высокими титулами. Любые приезды послов регистрировались китайскими историографами как подношение дани императору, даже если речь шла не о дипломатическом посольстве, а торговом. Так называемые «данныческие» отношения хорошо показаны исследователями на примере взаимоотношений многих народов Центральной Азии с Китаем, в том числе древних тюрок и уйгуров. Рассмотрев такую практику применительно к взаимоотношениям казахских ханов с Цинской империей, К.Ш. Хафизова отмечает, что казахские ханы и султаны, отправляя торговые караваны в синьцзянские города Урумчи, Кульджу и Тарбагатай, передавали также подарки для императора, губернаторов или высокопоставленных чиновников. Эти подношения назывались «болек» (от *тюрк.* «бермек» — подношения) и были своеобразной «пошлиной за ввозимый в Синьцзян товар», однако китайские летописцы регистрировали их как подношения «дани» императору (с. 247–248). Ярким примером подношения подарка, который был

классифицирован цинскими историографами как «дань», является дар казахского султана Аблая: зимой 1763 г. он направил Илийскому генерал-губернатору Илату в качестве «болек» шесть коней (аргамаков) (с. 247).

Дипломатический этикет отражал духовную жизнь кочевого общества, большое место в которой занимала религия, поэтому часто в состав посольств включались религиозные деятели — буддийские ламы или мусульманские муллы. Так, джунгарские ханы часто назначали главами посольств мусульманина (*хотона*). В то время, как мусульманские народы включали в состав посланников представителей джунгар. Примером последнего является посольство Аблая в Санкт-Петербург во главе с его сыном Султанмухамедом Урус султаном, которого сопровождал шурин Аблая, имевший ойратское (джунгарское) происхождение (с. 251). Вопросу религиозной практики джунгарских ханов посвящен в рецензируемой книге отдельный раздел, в котором анализируются отношения джунгаров к исламу, доминирующей религии в оазисах Восточного Туркестана, и ламаизму — религии Тибета. Исторические факты свидетельствуют, что правитель Джунгарии Цеван-Рабдан способствовал укреплению ламаизма на контролируемых им территориях, но вместе с тем пытался не допустить политического влияния Тибета и далай-ламы.

Полезной является предлагаемая автором систематизация данных о посольствах, которыми обменивались казахские и джунгарские правители, цинский двор, Российская империя и среднеазиатские ханства (с. 266–317). Таблица показывает, что «казахи постепенно втягивались в сложную дипломатическую игру, где главными фигурантами вначале были — кочевая империя джунгар и Россия» (с. 318).

В последней части книги рассматривается взаимодействие и взаимовлияние китайской культуры и культуры народов Центральной Азии на примере общности числовой символики, знакомства представителей казахской элиты с китайской культурой и языком, деятельности переводчиков китайского и маньчжурского языков, отношения казахов к буддизму (ламаизму). Общность некоторых обычаев и традиций у казахов и маньчжуров автор объясняет ведением кочевого хозяйства. Среди этих обычаев — ношение длинного пучка волос на голове, который бытовал у джунгар, маньчжуров и казахов. В XVIII—XIX веках в некоторых казахских родах одну косичку называли «айдар», а две косички — «тулам». К.Ш. Хафизова пола-

гает, что в более позднее время обычай оставлять пучок волос на голове у ребенка приобрел у казахов религиозное значение (с. 350). В цинское время ношение мужчинами косичек приобрело, как она считает, политическое значение, особенно в дипломатической практике. Косичка на темени казахского царевича, прибывавшего ко двору императора, «должна была олицетворять лояльность цинскому правительству его самого, его отца и всех его родов и племен, которыми правил его отец» (с. 352).

Использование китайских предметов быта в кочевом обществе рассматривается К.Ш. Хафизовой как проявление цивилизационного диалога. В этом контексте она рассматривает популярность в казахском обществе вещей, произведенных в Китае. Это — китайские ткани (включая шелк), предметы роскоши, фарфоровые изделия, продукты питания, главными из которых были рис и чай, украшения и драгоценные камни и другие. Пользовалась популярностью у казахов и китайская медицина.

Вопросы взаимодействия китайской и центрально-азиатской цивилизаций иллюстрируются К.Ш. Хафизовой конкретными историческими данными письменных источников. Такое сочетание макросторической темы и конкретно-исторического материала, свойственно микроисторическому подходу, неизбежно должно было привести к ошибкам при упоминании тех или иных событий и эпизодов. Так, на с. 134 автор утверждает: «указанные районы входили в территорию тюркских и тюркешских каганатов». Из этой формулировки следует, что существовал не один, а несколько тюркешских каганатов, что не соответствует истине. В другом случае дается перечисление племен «кидань, туфань, туба (тибетцы)» (с. 135), в котором на самом деле «туфань» является китайским обозначением Тибета и тибетцев, а «туба» (должно быть: «тоба») является названием правящего клана тангутских племен (*кит.* дансян)⁴. Приводимая автором интерпретация имени тюркского сановника Тоньюкука как «голубая шуба», скорее всего, является народной этимологией. Научная интерпретация имени давалась многими известными тюркологами. Эти интерпретации были обобщены известным российским тюркологом С.Г. Кляшторным, который считал наиболее обоснованным перевод имени «Тоньюкук», предложенный в свое время турецким филологом Али Ульви Эльёве как «первый вельможа»⁵. Такого рода фактологические ошибки, встречающиеся в рецензируемой книге, ограничим еще одним утверждением автора: «В промежутке между этими событиями

в 727 году к танскому императорскому двору прибыло первое посольство Уйгурского каганата» (с. 142). Указанный год не соответствует времени существования Уйгурского каганата (744–840 гг.)

Переходя от фактологических замечаний к замечаниям теоретического характера, отметим, что деконструируя китаецентрические представления о мироздании и характере отношения Китая с народами Центральной Азии, К.Ш. Хафизова создает новый *нарратив* о диалоге цивилизаций. Увлечение концептом «диалога» эссенциализирует (генерализирует) одну из сторон взаимоотношений Китая с соседними странами — мир и взаимодействие культур, которые, несомненно, имели место, но не были константой отношений Среднего государства с внешним миром. Это создает идиллическую картину диалога, существовавшего между Китаем и народами Центральной Азии. Здесь нельзя не вспомнить мнение современного британского историка Александра Моррисона, который считает, что такие клише, как «Шелковый путь» и «Большая игра» искажают историческую действительность⁶.

Заклучая рецензию на книгу К.Ш. Хафизовой, хочется сказать несколько слов о незаурядной личности самого исследователя. Клара Шайсултановна является выпускницей китайского отделения Восточного факультета Ташкентского государственного университета. Она обучалась в аспирантуре в Институте востоковедения в Москве, в 1962–1963 гг. прошла языковую практику в Китае и всю профессиональную жизнь посвятила изучению цинских источников по истории казахов и казахско-цинских дипломатических отношений. Крупным научным событием стал в свое время выход в свет ее монографии «Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.)»⁷. Ею проделана большая работа по переводу и публикации цинских исторических материалов по истории казахов и Центральной Азии. Так, в 1989 г. К.Ш. Хафизова совместно с В.А. Моисеевым издала двухтомный сборник документов и материалов по истории отношений казахов с Цинским Китаем под названием «Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII в. — первая треть XIX в.»⁸ Наконец, К.Ш. Хафизова является одним из главных авторов изданного в 2015 г. Тюркской академией сборника документов и материалов «Восточная дипломатия на стыке цивилизации (конец XIV — 70 годы XIX вв.)»⁹

Как и предыдущие исследования, книга К.Ш. Хафизовой «Диалог цивилизаций на

Шелковом пути (исторические сюжеты)» является серьезным вкладом в историческую науку и будет полезной не только ученым, занимаю-

щимся историей и культурой казахов. Центральной Азии и Китая, но и более широкому кругу читателей.

© 2018

*А.К. Камалов,
доктор исторических наук
(Алматы, Казахстан)*

1. *Мартынов А.С.* Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1971. Москва: Наука, 1974. С. 341–387.
2. *Камалов А.К.* О торговле Уйгурского каганата с Танским Китаем // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных наук. 2000. № 5 (229). С. 16–25.
3. *Хафизова К.Ш.* Послание Тимура 1395 г. в Китай // Общество и государство в Китае. XX науч. конференция. Тезисы докладов. Ч. 2. М.: Наука, 1989. С. 126–129.
4. *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука СО, 1989. С. 152, 226.
5. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва: Наука, 1964. С. 30–31.
6. *Morrison A.* Central Asia's Catechism of Cliché: From the Great Game to Silk Road. 21 July 2017. URL: <http://www.eurasianet.org/node/84491>.
7. *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995.
8. *Хафизова К.Ш.* Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII в. — первая треть XIX в.: В 2 ч. Алматы: Наука, 1989.
9. Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV—70 годы XIX вв.). Сб. документов и материалов. Астана: «Гылым» баспасы, 2015.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., Наука, 2016. 996 с.

Нынешний, 2018 год проходит в Китае под знаком празднования 40-летия политики реформ и открытости, обеспечившей стране невиданный рост экономической мощи и международного влияния. Напомним, что исходной точкой преобразований принято считать состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва.

Обсуждение истоков китайского успеха требует обращения к истории. Ее изложение можно найти в томе «Реформы и модернизация (1976–2009)» десятитомной «Истории Китая». Том IX содержит комплексный очерк истории четырех десятилетий развития КНР, который охватывает не только экономику, идеологию и политику, но также культуру и религиозную сферу. Практически все разделы тома, объем которого приближается к тысяче страниц, подготовлены учеными ИДВ РАН, давно и профессионально занимающимися изучением проблем современного Китая.

Главный редактор тома А.В. Виноградов глубоко исследовал вопросы модернизации Китая¹. Он написал многие разделы тома, касающиеся политики и идеологии конца 1970-х — начала 1990-х годов. Том IX позволяет понять, как формировалась идейная основа китайских реформ, какие аргументы «за» и «против» возникали внутри китайского руководства в ходе принятия ключевых решений на начальном этапе преобразований.

Органичной частью книги стало изложение предшествовавших историческому пленуму событий 1976–1978 гг. — как была свернута «культурная революция», как происходила смена руководства, как совершали первые шаги в направлении реформ. Отсчет времени начинается не от «воцарения» Дэн Сяопина и не от 3-го пленума, а от появления шаткой власти преемника Мао Цзэдуна «мудрого вождя» Хуа Гофэна.

Верхней хронологической рамкой тома стал 2009 г., когда в Китае праздновали 60-летие основания Народной Республики. Наверное, к этой дате можно было приплюсовать еще несколько лет и завершить книгу передачей власти в 2012 г. от Ху Цзиньтао Си Цзиньпину. Осенью

2017 г. XIX съезд КПК провозгласил наступление «новой эпохи социализма с китайской спецификой» и представил трехчастную схему истории КНР. Она состоит из «вставания на ноги» при власти Мао Цзэдуна, «обогащения» в ходе реформ Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, нынешний, третий, этап «усиления» начался после прихода к власти Си Цзиньпина. Таким образом, «эпоху обогащения» том IX охватывает практически полностью.

Примечательно, что рубежный для книги 2009 год совпадает с обозначенным известным американским исследователем Дэвидом Шамбо переходом китайской политики от «мягкого авторитаризма» к «жесткому авторитаризму». По его мнению, в 1998–2008 гг. китайская система пыталась стать более инклюзивной и толерантной, но после этого перестала способствовать экономическому росту и даже стала для него препятствием. В конце правления Ху Цзиньтао с 2009 г. система «покатилась назад к стадии атрофии и окостенения», встав на путь «подавления реформ» вместо их поддержки².

Теперь на Западе все более отчетливо осознают, что экономический рост и участие Китая в процессах глобализации не являются безусловной гарантией движения политической системы КНР в направлении либерализации. Д. Шамбо и его единомышленники в научном сообществе полагают, что нынешний путь приведет Китай к серьезным трудностям и замедлению экономического развития. Однако политический истеблишмент встревожен тем, что с проблемами столкнется не Китай, а Запад.

Отчетливое выражение этой обеспокоенности можно найти в принятой в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США: «Десятилетия политика США коренилась в убеждении, что поддержка подъема Китая и его интеграции в послевоенный международный порядок приведет к либерализации Китая. В противоположность нашим надеждам, Китай расширил свою власть за счет суверенитета других. Китай собирает и использует данные в непревзойденном размере и распространяет характеристики своей авторитарной системы, вклю-

чая коррупцию и использование слежки. Он строит самую боееспособную и хорошо финансируемую армию в мире после нашей. Его ядерный арсенал растет и расширяется. Часть военной модернизации и экономической экспансии Китая происходит благодаря доступу к инновационной экономике США, включая американские университеты мирового класса»³.

Подобные заявления нынешней администрации США отражают последствия чрезмерного влияния идеологии либерального мейнстрима на оценки перспектив развития Китая. Необоснованные надежды на трансформацию китайской системы обернулись разочарованием. Исследователи ИДВ РАН уже давно сделали вывод о том, что китайский успех в экономике с триумфом либерализма отождествлять нельзя. Эту тему активно обсуждали в российских научных кругах в конце минувшего столетия на фоне разгосударствления китайской экономики в период премьерства Чжу Жунци. На деле происходившее в 1990-е годы сокращение государственного присутствия в хозяйственной жизни указывало не на слабость власти, а на ее способность использовать в интересах проведения преобразований широкий набор политических и экономических инструментов. «Именно в прагматичном и последовательном подходе к развитию рынка, а не в мифической чудотворной "обвальная либерализации" заключается главный урок китайской экономической реформы для России»⁴.

Содержание тома IX убедительно показывает, что успех реформований в КНР коренился в способности власти сочетать «видимую руку» рынка с «невидимой» рукой государственного планирования и макроконтроля, обеспечивая совместное развитие государственной экономики и частного сектора. Китаю удалось совлечь следование своей самобытной специфике с открытостью внешнему миру. Он наладил широкомасштабное сотрудничество с Западом, но не отказался от своей политической системы и идеологии. С точки зрения советского марксизма конца 1970-х — начала 1980-х, подобное было теоретически немислимо и практически неисполнимо. Точно так же не стоит удивляться тому, что многие западные эксперты с уверенностью ожидали скорого наступления момента, когда открытость приведет бы Китай к принятию «всеобщих ценностей» и западной политической модели. Они судили в рамках своей теоретической парадигмы и все могли предположить иной сценарий.

В томе рассказано, как удачно для себя на заре реформ Китай использовал гему ан-

тисоветизма чтобы найти друзей на Западе. «прорвать международную изоляцию. в которой КНР оказалась в результате разрыва отношений с социалистическим лагерем и последующей "культурной революции"» (с. 95). Об этом следует помнить в ходе ретроспективных размышлений о том, был ли у Советского Союза шанс повторить китайский путь и вслед за ним — китайский успех. Значение китайских реформ в СССР поняли с опозданием не только из-за идеологической жесткости. Важным фактором были опасения стратегического порядка, связанные с оценками поведения Пекина как источника геополитической угрозы.

В 1980 г. в Москве был издан краткий очерк истории КНР, рассчитанный на широкий круг читателей (в этом отношении его можно считать предтечей томов VIII и IX нынешней десятитомной «Истории»). В нем было сказано: «Сегодня очевидно, что прозвучавшие на III пленуме ЦК КПК критические нотки в отношении политики Мао Цзядуна, показавшая торжественность реабилитации ряда жертв должны были создать у общественности страны впечатление, будто политическая жизнь КНР уверенно возвращается в русло социалистического развития, и тем самым отвлекая внимание китайского народа от сговора пекинских правителей с империалистической реакцией в связи с подготовкой китайскими милитаристами агрессивной войны против социалистического Вьетнама»⁵. В наши дни подобная оценка реформаторского содержания пленума 1978 г. выглядит как минимум однобокой. Однако исторический контекст первоначального отечественного восприятия перемен в китайской политике был именно таким. Понять его помогает содержащийся в томе раздел о китайско-вьетнамском конфликте 1979 г. (с. 259–262).

Сильная сторона книги — это внимание к истории реформаторских идей, прежде всего к проблемам обновления теории социализма в 1980-е, начиная от дискуссий о «практике как критерии истины», о гуманизме и отчуждении. Примечательным стал быстрый переход китайских властей от жесткого до советской идеологии заботливого автореволюционного коммунистического общества к другой крайности, когда происходило масштабное отделение «светлого будущего» в его выведение из повседневной жизни нынешних поколений, что проявилось в концепции «начальной стадии строительства социализма». Интеллектуальная волниченность «сиднейской стены демократии» и допущения политического самовыявления, переливавшаяся вступительная реплика в виде офици-

альных кампаний против «духовного загрязнения» и «буржуазной либерализации». Из книги можно понять, что в первое десятилетие реформ Китай не раз сталкивался с гражданским противостоянием, достигшим апогея весной 1989 г. После этого разговоры о политической реформе сменились «завинчиванием гаек» в рамках неавторитарного курса.

Эти сюжеты важны для понимания процессов становления новых концепций в рамках жесткой и устойчивой идеологической парадигмы. И все же у читателя остаются вопросы. Откуда у китайцев после завершения эпохи «казарменного социализма» так быстро возникла готовность к рыночным отношениям? Почему руководство страны не испугалось западного влияния и «капиталистического перерождения»? Где коренились глубинные идейные и теоретические предпосылки реформ? Часть ответов можно найти в томе VII «Истории», посвященном республиканскому Китаю. Он показывает, что широкая идейная открытость внешнему миру сформировалась уже в первой половине XX века, тогда же китайские ученые и политики приступили к обсуждению комплекса проблем модернизации и развития⁶.

Том «Реформы и модернизация» повествует о том, как в 1980-е годы в Китае начали в позитивном ключе изучать опыт стран Восточной Европы. Открытость новым идеям других социалистических стран сыграла свою роль в обновлении китайских теоретических концепций, пусть даже реальный объем заимствования был не столь велик. «Хотя непосредственно в практику преобразований из опыта соцстран в Китай было перенесено сравнительно немного, некоторые из таких заимствований оказались чрезвычайно результативными. Это, в частности, повышение закупочных цен и снижение объема обязательных закупок зерна, близкое к советскому опыту, и особенно «двухколейная» система цен, идея которой была подсказана венгерскими учеными-экономистами» (с. 216).

В книге интересно и подробно рассказано о том, как в начале реформ в Китае создавали первые СЭЗ, как на практике происходило соединение приверженности собственному пути с широкой опорой в экономическом развитии на внешний мир. Во второй половине тома стиль изложения постепенно меняется. Чем ближе к современности, тем меньше становится живых подробностей и деталей, нарастает объем экономической статистики, тональность обсуждения политических проблем сглаживается и приближается к официальному дискурсу.

К примеру, при описании перехода власти от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао в 2002 г. в тексте присутствует упоминание о том, что в руководстве существовали «две группы» с разными взглядами, лидером одной из них был Цзэн Цинхун (с. 629). «Комсомольская» и «шанхайская» группировки не были идентифицированы и персонализированы четким образом, хотя в дальнейшем дважды сказано об ослаблении «шанхайской группы (группировки)» в связи с отставкой обвиненного в коррупции главы шанхайского горкома КПК Чэнь Ляньюя (с. 634, 671). Небольшой раздел «Развитие национальных образований в начале 21-го века» (с. 693–695) повествует лишь об экономических и социальных достижениях, обходя стороной волнения в Лхасе 2008 г. и межэтническое побоище в Урумчи летом 2009 г., унесшее жизни почти двухсот человек. При этом оба события включены в историческую хронику в конце тома, а раздел о национальной политике 1990-х признает наличие серьезных проблем и вполне объективно о них рассказал (с. 533–535).

Многообразие современных китайских идейных течений, включая «новых левых» и неолибералов, было проанализировано в книге через призму социально-экономических дискуссион (с. 652–664). Неофициальный национализм в китайском Интернете и рафинированный культурный консерватизм элиты в основном остались за рамками тома.

Следует признать, что о недавних событиях и новейших тенденциях в развитии Китая трудно судить в том же ключе и объеме, что и о делах сорока- или тридцатилетней давности, достаточно изученных и осмысленных. К тому же под натиском популярных и актуальных глобальных тем в постсоветской России заметно сократился научный запрос на тщательное изучение современного Китая с опорой на первоисточники на китайском языке. Это, в свою очередь, привело к уменьшению объема конкретной «фактуры», способной стать основой для качественного исторического исследования. Не пошло на пользу отечественным Китаеведам и прекращение действия после реформы 2013 г. отлаженного механизма обменов между РАН и АОН Китая, позволявшего исследователям ездить в китайские научные институты для сбора материалов и консультаций с китайскими коллегами.

Осенью 2017 г. издание десяти томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» под редакцией академика С.Л. Тихвинского было завершено⁷. Несмотря на неизбежные финансовые трудности и сокращение рядов исследователей, это уже вторая

фундаментальная работа, созданная российскими китаеведами в новом столетии. Первой была шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая» под редакцией академика М.Л. Титаренко, получившая российскую госпремию в области науки и технологий за 2010 год.

«Духовная культура Китая» и «История Китая» стали суммой достижений советского и раннего постсоветского китаеведения. Внутри отечественной науки «История Китая» не имеет аналогов, на мировой сцене ее можно сравнивать разве что с «Кембриджской историей Китая». Остается лишь пожалеть о том, что задуманная как научно-популярное издание для широкого круга читателей «История Китая» была издана без ссылок на источники. Новым поколениям исследователей будет непросто установить материалы, на которые опирались их предшественники.

У тома IX нет хронологического двойника в «Кембриджской истории», поскольку та заканчивается 1982 годом⁸. «Кембриджская история» завершается рассуждениями о том, что ни Дэн Сяопину, ни Мао Цзэдуну не удалось решить проблему «квадратуры китайского круга» и найти способ поддержания единства в условиях свободы. Об этом якобы свидетельствует вся история КНР — от борьбы против контрреволюционеров до событий 1989 г. на Тяньаньмэнь, поскольку всякий раз единение и порядок оказывались важнее свободы, а китай-

ские руководители не были готовы смириться с угрозой потери контроля. «Однако бремя единства, которое взяли на себя китайские лидеры, все больше становится кошмаром для китайского народа. Если есть исторический урок, который следует извлечь из четырех десятилетий Народной Республики, то он гласит, что в политической системе, которая в ходе столетий спаяла китайский народ воедино, должны произойти фундаментальные изменения. Если этого не произойдет, то давление все более уверенного в себе развивающегося общества, наконец, возрастет настолько, что система разорвется. В 1990-е годы и в последующий период единство можно будет сохранить только благодаря разнообразию»⁹.

С тех пор, как были опубликованы эти строки, минуло более четверти столетия. Фундаментальных изменений в китайской политической системе не произошло. Давление ставшего многообразным китайского общества не разнесло ее в клочья. За это время Китай стал второй экономикой мира и уверенно движется к статусу лидера. Сравнения двух «историй» можно проводить по многим направлениям, но в одном российская «История Китая» и ее том IX демонстрируют явное и очевидное преимущество. В работе отечественных китаеведов нет идеологических штампов, вынуждающих западных коллег выступать с грозными и бесосновательными пророчествами о будущем Китая.

© 2018

*А.В. Ламанов, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИДВ РАН.*

1. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Понски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 333 с.
2. *Shambaugh D.* Contemplating China's Future // *The Washington Quarterly*. 2016. № 3. P. 123.
3. *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017. P. 25.
4. *Новоселова Л.В.* Реформа и экономический рост в КНР: чудес не бывает // *Российский экономический журнал*. 1999. № 1. С. 80.
5. КНР: Краткий исторический очерк (1949–1979 гг.). М.: Политиздат, 1980. С. 174.
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; ИДВ РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2013.
7. *Тихвинский С.Л.* К выходу в свет десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 6. С. 156–162.
8. *The Cambridge History of China*. Vol. 15. The People's Republic. Pt. 2. Revolutions within the Chinese Revolution, 1966–1982 / ed. by R. MacFarquhar, J. K. Fairbank. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1991. 1108 p.
9. *Ibid.* P. 881.

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China
Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of Shanghai Cooperation
Organisation

POLITICS

E. Safronova. On the SREB's Impact on Central Asian Security
S. Uyanaev. RIC Format in the Year of the 20th Anniversary of "Primakov's Initiative":
the Results of the 16th Trilateral Academic Conference
A. Kupriyanov. The Maldives Crisis in Sino-Indian Relations: Causes and
Consequences
V. Petrovsky. Security Outline for the Greater Eurasian Partnership

ECONOMY

V. Matveev. Revaluation of the Role of Central Asian Resources in China's Modern
Energy Strategy

MILITARY BUILD-UP

M. Evtodyeva. New Stage of Military-Technical Cooperation between Russia and China

STATE AND SOCIETY

Yu. Magdalinskaya. Legal Framework for Institutional Investors in Russia, China
and USA
N. Kim. Evolution of Gender Policy in the DPRK

THEORY AND METHODOLOGY

L. Kondrashova. China Builds Its Own Socialism
K. Sanin. History and Culture in the Chinese Initiative "One Belt, One Road"

HISTORY

V. Bronnikov. China and Alexander Nevsky: in the Wake of the Enigmatic Expedition of
1261
A. Verchenko. Soviet-Chinese Cooperation in the Architecture and Construction in
China in the 1950s

CULTURE

O. Zavyalova. Innovative Technologies in Language Policy of China

EDUCATION

T. Mozol. Internationalization of Higher Education in the Republic of Korea: from Park Chung Hee to Park Geun Hye

SCIENTIFIC EVENTS

N. Demido. "New Era: China after the XIX Congress of the CPC". Annual Scientific Conference of the Center for Political Research and Forecasts of the IFES RAS

E. Kranina. Scientific Conference of the Center for Social and Economic Research of the IFES RAS

A. Lukyanov. Dialogue of Chinese and Russian Cultures. International Conference, March 2018, Sichuan University, Chengdu

BOOK REVIEW

A. Kamalov. Hafizova K. Dialogue of Civilizations on the Silk Road (Historical Subjects)

A. Lomanov. The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century. Vol. IX: Reforms and Modernization (1976–2009)

Contents

Summary

Summary

E. Safronova. On the SREB's Impact on Central Asian Security

The article discusses probable impact of the SREB project on the situation in the Central Asian region and adjacent territories in terms of their security and socio-economic stability. The author outlines the idea, that besides political and economic benefits, the construction of the OROB and its SREB subproject generates a number of risks not only for the partner countries, but also for China itself.

Key words: China, Russia, Central Asia, "One Belt, One Road" project (OPOB), security threats, extremism, international terrorism, Eurasian Economic Union (EEU), Shanghai Cooperation Organization (SCO), India, Pakistan.

S. Uyanaev. RIC Format in the Year of the 20th Anniversary of "Primakov's Initiative": on the Results of the 16th Trilateral Academic Conference

The article deals with the current state of affairs in trilateral format of interstate interaction «Russia – India – China» (RIC), the issue being considered in the context of discussions and results achieved during the 16th RIC Academic Conference, held in May 2018 in Moscow. The conclusion is made that the RIC structure continues to be a notable priority in the policy of each of the three countries, serves as a factor of advancement to polycentric world and is an instrument of strengthening bilateral relations between Russia, China and India.

Key words: Russia, India, China, interaction, RIC format, polycentric world, regional cooperation, sectoral dialogue.

A. Kupriyanov. The Maldives Crisis in Sino-Indian Relations: Causes and Consequences

The Maldives political crisis which began in early February 2018, threatened the complex system of interstate relations existing in the Indian Ocean. For the first time in the recent history the Maldivian authorities turned for help not to the traditional patron New Delhi, but to Beijing. The analysis of the crisis, its roots and possible consequences, makes it possible to clarify the motives of the actions of the Indian and Chinese political elites, to predict the further steps of China and India in the Indian Ocean region, as well as the dynamics of the future relations between Beijing and New Delhi.

Key words: India, China, Maldives, political crisis, Indian Ocean.

V. Petrovsky. Security Outline for the Greater Eurasian Partnership

The article deals with the theoretical and practical issues of providing trans-regional security for the emerging Greater Eurasian Partnership (GEP). As it is being created on the basis of the Eurasian Economic Union and the Chinese Belt and Road Initiative (BRI), existing mechanisms of regional security in Eurasia, including the SCO and the possibilities of the private military and security companies, could be used to provide security for the GEP and BRI projects.

Key words: Greater Eurasian Partnership, Shanghai Cooperation Organization, trans-regional security, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, private military and security companies.

V. Matveev. Revaluation of the Role of Central Asian Resources in China's Modern Energy Strategy

The 19th CPC Congress consolidated the trend for the use of high-quality energy resources. It is noted that in connection with the growing problems of developing the resource base of the gas-producing complex in the Central Asian region, the expansion of gas supply to China is in question. The directions of solving this problem are considered at the expense of the growth of transportation of Russian gas.

Key words: natural gas, energy policy, pipelines, China, Central Asia, Eastern regions of Russia.

M. Evtodyeva. New Stage of Military-Technical Cooperation between Russia and China

The article analyzes three stages of military-technical cooperation (MTC) of Russia and China in 1992–2013 and features of a new stage of this cooperation which has begun in 2014. Among the key characteristics of the contemporary period of this cooperation China's interest in purchases of advanced arms systems and in development and transfer of new technologies are designated. Considerable attention is paid to the analysis of influence of political factors on Russia–China MTC.

Key words: Russia, China, military-technical cooperation (MTS), sales of arms and military equipment, research and development, technological transfer, intellectual property protection.

Yu. Magdalinskaya. Legal Framework for Institutional Investors in Russia, China and USA

The article casts light on law principles and basics of institutional investors' performance in Russia, China and USA. Through involvement of institutional investors it is really possible to limit misconduct actions within the top-management of the companies. The performance of Russian pension funds and other funds of collective investments has been evaluated as low in comparison with other developed countries. Thus, the Chinese experience of legal frames for institutional investors' performance might become a solid ground for Russian economy's development.

Key words: Russia, China, USA, collective investment vehicles, institutional investors, corporate governance, investment law, securities, board of directors, share capital.

N. Kim. Evolution of Gender Policy in the DPRK

The empowerment of Korean women was considered a priority in the social policy of the DPRK. The liberation of Korea from colonial dependence had set to the country's leadership the task of eliminating semi-feudal remnants, one of which was discrimination against women in family and public life. The equality of men and women was justified by the socialist concept of women's liberation. With the establishment of Juche as a state ideology in the DPRK, the development of women's rights and duties has received a new ideological justification based largely on traditional Korean values.

Key words: North Korea, gender policy, Korean woman, women's movement, motherhood, Juche, socialism.

L. Kondrashova. China Builds Its Own Socialism

The revolution of 1949 in China marked the country's transition from "bureaucratic feudalism" to the construction of a socialist society. The beginning of the policy of reforms (1978–1979) is now interpreted as the "second revolution" — the transition from "state socialism" to "market socialism". As can be seen from the decisions of the 19th CPC Congress, China is now launching a new round of socio-economic development aimed at combining

the personal interests of citizens with public and state interests. The new turn of reforms can be described as the "third Chinese revolution" with dramatic consequences for the entire social structure. Mixed political system, combining strong centralized power with party-government management and democratic leadership at the grass-roots administrative level, will correspond to a multi-layered market economy.

Key words: China, capitalism, socialism, theory of institutional matrices, market, state macro-regulation, convergence, mixed economy, Chinese model.

K. Sanin. History and Culture in the Chinese Initiative "One Belt, One Road"

The "One Belt, One Road" initiative has become a significant contribution of the current Chinese leaders to the ideological development of China's foreign policy. It has determined the development of China's relations with neighboring States for the foreseeable future. The Chinese authorities present this initiative as a fundamentally new phenomenon in world politics, pointing to its direct connection with the historical cooperation on the Silk Road and the traditional Chinese approach to foreign relations. This article explores the cultural and historical aspects of the "One belt, one road" initiative, presented in the speeches of the Chinese leadership and comments of Chinese expert community and foreign scholars.

Key words: "One Belt, One Road", international relations, tradition, Chinese world order, community of common destiny.

V. Bronnikov. China and Alexander Nevsky: in the Wake of the Enigmatic Expedition of 1261

The article highlights the problem related to the early period of the history of Russian-Chinese relations: could the first Russian expedition to China take place in 1261? Chinese scholar and official of the 13th century Wang Yun mentioned the arrival of travelers from the country of Fa-lan in the beginning of the reign of Kublai Khan. The history of the appearance and study of this text is considered. The basic version, from where could come this mission, is defined. The arguments that indirectly testify in favor of the Russian version of the origin of this expedition are given.

Key words: Russian-Chinese relations, Kublai, Alexander Nevsky, history of travels, Maejima Shinji, Herbert Franke, Peter Jackson.

A. Verchenko. Soviet-Chinese Cooperation in the Architecture and Construction in China in the 1950s

During the period of close Soviet-Chinese cooperation in the 1950s, the Soviet Union has granted large assistance to the People's Republic of China in architecture and construction: in planning of industrial zones on a nationwide scale, in town planning, the construction of industrial, residential and public buildings, cultural facilities, in improving construction technologies and training of national personnel.

Key words: the USSR, the PRC, architecture, industrial construction, residential construction, social construction, training of personal.

O. Zavyalova. Innovative Technologies in Language Policy of China

Artificial intelligence is regarded by the Chinese leaders as one of strategic directions of the nation's development. Innovative language technologies are widely introduced by Chinese linguists all over the country. In the nearest future these technologies will be also used as a "soft power" to create an attractive image of China abroad.

Key words: Chinese language, language policy, "soft power", Confucius institutes, artificial intelligence, machine translation.

T. Mozol. Internationalization of Higher Education in the Republic of Korea: from Park Chung Hee to Park Geun Hye

The present study aims to examine Korea's national educational policies through its historical development and to analyze the characteristics of the internationalization of Korean higher education as influenced by internal and external pressures. This paper attempts to enumerate internationalization policies and programs shared by the Korean government and the higher educational institutions as well as feature results and achievements of strategic internationalization programs such as "Study Korea Project" and "Brain Korea 21".

Key words: internationalization of higher education, RK, educational policy, higher educational institutions, Study Korea Project, Brain Korea 21.

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

ГАУГН-ПРЕСС

осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение мировых стандартов научной периодики и коммуникации
- популяризация науки

Принципы деятельности:

- сетевое взаимодействие ведущих научных центров
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- интеграция науки и образования

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

**Преподаватели – ведущие
российские ученые**

более 80 докторов наук
более 450 кандидатов наук

Стажировки в:

ведущие научные центры Москвы и
организаций
ведущих государственных вузов России

организации государственной
западной Европы
бизнес-структуры

**Интеграция науки
и образования**

**Бюджетные
места**

**Насыщенная
студенческая жизнь**

Сторожка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_7

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Полная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Почтовый индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru
Оригинал-макет © 2018 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 20.08.2018 г. Формат 70 × 100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,6
Тираж 400 экз., включая 24 экз. бесплатно. Зак. 31/4а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»